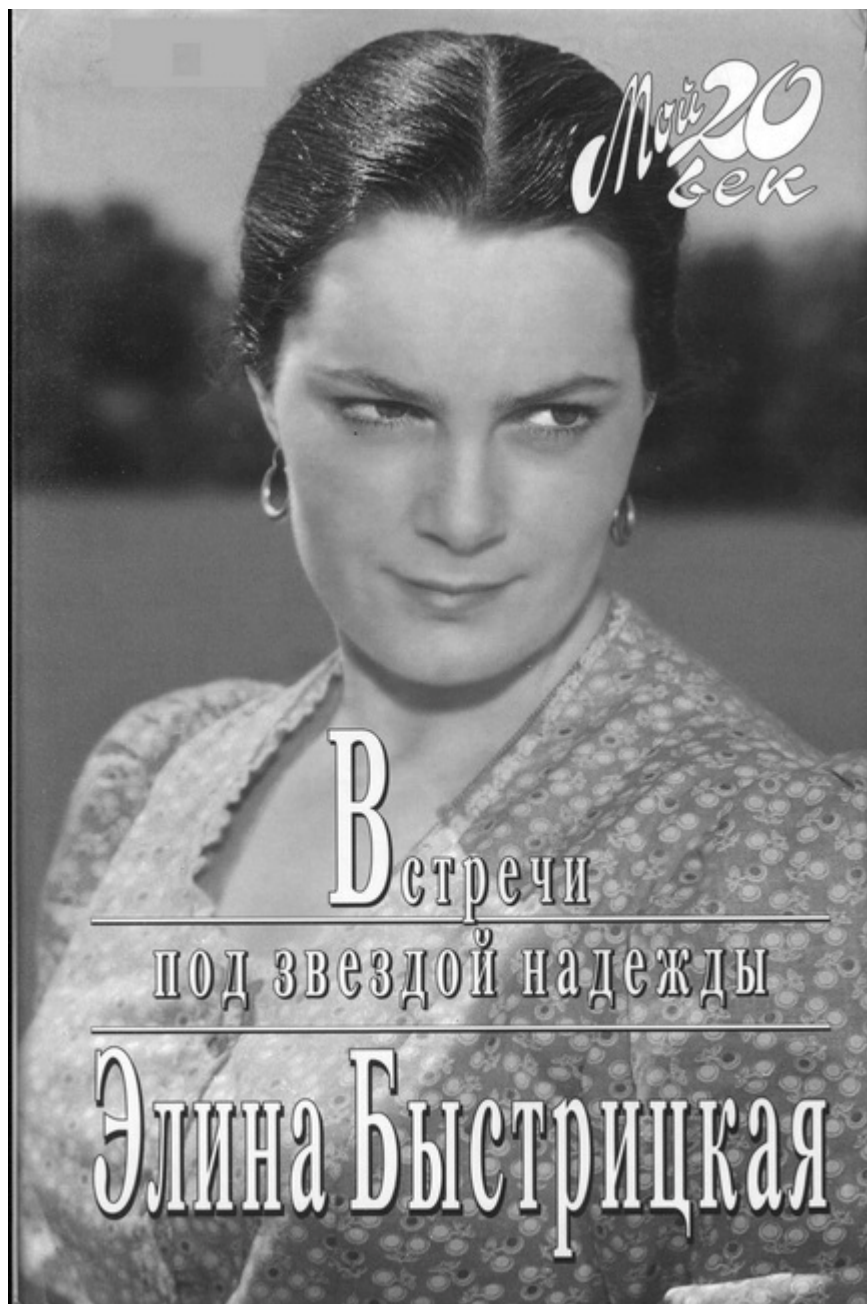

Элина Авраамовна Быстрицкая
Встречи под звездой надежды

«Встречи под звездой надежды»: Вагриус; Москва; 2005
ISBN 5-9697-0072-X

Аннотация

В книгу вошли воспоминания народной артистки СССР Элины Авраамовны Быстрицкой. В них она повествует о своей удивительной судьбе: о том, как провинциальной девочке из тихого городка удалось добиться мировой славы. «Я рассказала немного о себе, своих товарищах по творческому цеху, своих удачах, сомнениях трудностях... Я не умею выворачивать душу наизнанку, но и приукрашивать свою жизнь тоже не хочу: как сложилась, так сложилась...»

В книге использованы фотографии из личного архива автора

Элина Быстрицкая ВСТРЕЧИ ПОД ЗВЕЗДОЙ НАДЕЖДЫ

От автора

Говорят, у каждого человека есть своя Книга судьбы. В моей уже много глав и страниц. Я мысленно листаю их, перечитываю. Есть яркие, написанные в счастливые для меня дни и годы. Встречаются тяжелые, окрашенные в серые, а то и в совсем темные тона. Жизнь есть жизнь, в ней случается всякое.

Одна из «свежих записей» — для меня неожиданная, но приятная. Она относится к 1999 году. «Комсомольская правда» попросила читателей составить список из ста самых красивых женщин XX столетия. И вот журналисты «Комсомолки» принесли мне газетный разворот с фотографиями ста красавиц. Первое место большинство читателей отдали мне. Далее шли Ирина Алферова, Анастасия Вертинская, Алла Ларионова, Людмила Хитяева. И лишь во второй пятерке значились звезды западного кино: Мэрилин Монро, Брижит Бардо, Мишель Морган и другие очаровательные женщины, покоровшие мир красотой. Мне было приятно, что русские актрисы возглавили этот звездный парад.

Я понимаю, что такой опрос — всего лишь журналистские игры. Но увидела за ним признание моих соотечественников.

Другая популярная газета написала обо мне: «Любимица станиц и дворцов». Надеюсь, что по поводу станиц — это правда. А вот с дворцами все гораздо сложнее.

Впрочем, не буду цитировать, что обо мне еще писали — в одних случаях это было бы нескромно, в других — горько и обидно. Иногда ведь даже похвалят так, что слезы на глаза набегают.

Бог не обделил меня внешними данными. Но я никогда не участвовала в конкурсах красоты.

Помню, что впервые слова «какая хорошенькая девочка» услышала от раненого солдата фронтового госпиталя, где я, тринадцатилетняя девчонка, работала санитаркой. Я оглянулась: о ком это он? Оказалось — обо мне.

Девочка давно стала взрослой, актрисой кино и театра. На ее долю выпало узнать многое: и творческие муки, и всенародное признание, и подозрительность сильных мира сего.

Мне досталось редкое счастье: встретить на перекрестках своей судьбы, на ее широких дорогах и узких тропинках многих замечательных, поистине уникальных людей. И о них — это повествование, которое я назвала «Встречи под звездой надежды».

Я не стремилась написать свою автобиографию. В этой книге — лишь фрагменты, «кусочки» моей судьбы, рассказ о памятных событиях и дорогих мне людях. И я старалась быть объективной, ибо меньше всего мне хотелось бы кого-либо обидеть — я научилась забывать неприятности и помнить добро.

Воспоминания теснятся, подсказывая то, что хотелось бы забыть, и напоминая о счастливых днях и встречах, которые дарили надежды, что все будет хорошо и удастся совершить много доброго.

Моя Книга судьбы еще не дописана, ибо жизнь продолжается и, как положено, она полна неожиданностей. Девочки уже нового времени с жадным любопытством спрашивают меня в письмах и на встречах: «Как вы стали актрисой?»

Господи, какой вечный вопрос! Мой ответ читатели найдут на страницах этой книги. И пусть тем, кто решится избрать для себя трудную и счастливую профессию служения театру, тоже светят звезды надежды...

Прочитав название первой главы моей книги, иной читатель подумает: опять о войне... Нет, не только о войне — о себе, о том, что я не забыла и забыть никогда не смогу.

Меня часто спрашивают о моих корнях. Откуда, мол, ты и все твои предки? Многие журналисты даже пытались отыскать у меня в роду голубую кровь. А когда я сыграла Аксинью в «Тихом Доне» — казачку во всем великолепии физической и духовной красоты, — донские казаки говорили мне: «Ты же наша, станичница, с Дона...»

Я никогда не придавала особого значения имени, отчеству, происхождению, а на часто задаваемый мне вопрос: «Откуда ты?» — говорила просто: «С Украины». Так было до тех пор, пока не получила право отвечать: «Из Москвы».

Да, мои корни на Украине. Там родилась и выросла моя мать Эсфирь Исаковна. Отец Авраам Петрович — из Польши, но долгие годы тоже жил на Украине. Там редко говорят «Авраам», бытует имя Аврам. Оно попало и в мою метрику в графу об отце. И так уж сложилось, что мои друзья и коллеги зовут меня Элиной Аврамовной, а не Авраамовной.

Имя мне выбрала мама — она очень любила героиню Кнута Гамсуна из пьесы «У врат царства». Правда, имя мое должно быть с двумя «л», но при оформлении документов паспортистка, вероятно, ошиблась, и меня записали Элиной.

Если говорить, на кого я похожа, то, наверное, на всех своих родственников одновременно. Вроде бы на маму, но по некоторым чертам лица — на отца. Нос мне достался точно от бабушки.

Мне рассказывали, что когда мама меня носила, то соблюдала все народные, как у нас называли, женские «забобоны». Беременной она не смотрела и не слушала ничего такого, что могло бы вызвать отрицательные эмоции. Избегала любых ссор, а если при ней возникали какие-то перепалки — просто отходила в сторону. Это было разумное поведение, подсказанное народным опытом.

Я родилась в 1928 году в Киеве — в доме № 1 по улице Караваевской. Мама работала в школе, отец — военный врач, постоянно разъезжал по воинским гарнизонам, больницам, госпиталям.

Жили мы в квартире, которая принадлежала бабушке. В одной комнатке ютились бабушка, старшая мамина сестра и мой двоюродный брат. Во второй, в десять квадратных метров, — папа, мама и я. В комнатке стояли родительская кровать, моя кроватка, а когда через девять лет появилась сестричка, она заняла кроватку, а меня «выселили» на раскладушку. Еще стояли шкаф и маленькая этажерка с папиными книгами.

Как мы все вмещались в эту квартирку, сегодня я представить просто не могу. Правда, так жили не только мы, а и очень многие. Дома были набиты людьми, как ульи пчелами. В моей памяти эта бабушкина квартирка почти не осталась. Но я до сих пор помню: ее многочисленные обитатели непрерывно готовили еду, стирали, сушили белье. И несмотря на такое скопление людей, ссоры были большой редкостью.

В нашем доме на лестнице был устроен детский «театр». Были места для зрителей — родителей и соседей, между этажами площадка — сцена и балкон — закулисье. Особенно часто мы представляли что-нибудь из «Чапаева». Чапаем был мой двоюродный брат, я, естественно, — Петькой. Выходила и важно командовала: «Тихо! Чапай думать будет!» Мне казалось, что я говорила это строго, и не понимала, почему взрослые весело смеются.

В ответ на вопрос, откуда я родом, я могла бы ответить: из бедности, из коммуналки, из войны. Самое удивительное, что никто эту бедность не ощущал — мы свято веровали, что это и есть счастливая жизнь, а завтрашняя жизнь вообще будет замечательной.

Но теснота нас доконала. И когда папе предложили переехать служить из столичного Киева в маленький городок Нежин, где можно было получить отдельную квартиру, он охотно согласился. Папу не смущало, что мы меняем столицу на провинцию, — он был человеком без ненужных амбиций. В Нежине находился военный гарнизон и требовался врач. Это был тихий зеленый городок.

Когда настало лето 1941 года, мы решили, что каникулы проведем у папы. Перед

отъездом мама понесла в починку примус. Слесарь ей сказал:

— Куда вы едете, мадам? Будет война!

— Не говорите глупостей! — решительно ответила моя оптимистка мама. Хотя о надвигающейся войне тогда говорили многие.

Мы поехали. Взяли только летние вещи, предполагалось, что я буду купаться и загорать. В Киеве остались вся наша теплая одежда, альбомы с фотографиями, все то, что в каждой семье накапливается годами.

Несколько лет назад я попыталась у давних знакомых нашей семьи по Киеву отыскать наши семейные фотографии. Нашлись три-четыре, остальные погибли в огне войны, которая обрушилась на страну, на всех нас.

Она началась внезапно — бомбежками близкого Киева, спешной погрузкой частей местного военного гарнизона в эшелоны, воздушными тревогами, длинными очередями на призывных пунктах.

Я тоже хотела защищать Родину. И через неделю после начала войны, в конце июня, пошла в госпиталь, в котором служил мой отец. Его хорошо знали и уважали. Конечно, я могла бы попросить папу определить меня на службу, но решила действовать самостоятельно — уже в то время полагалась на собственные силы.

Часовые на проходной остановили меня, и я не смогла уговорить их пропустить. Тогда завернула за угол ограды и перелезла через нее.

В штабе госпиталя я нашла кабинет комиссара, смело вошла к нему и заявила:

— Хочу помогать фронту.

Фамилию комиссара я запомнила — Котляр. А имя и отчество уже стерлись в памяти. Он внимательно посмотрел на меня — тоненькую, худенькую, и спросил:

— Что ты умеешь делать?

Я очень важно, с достоинством ответила:

— Для фронта я умею делать все.

Комиссар вполне серьезно решил:

— Хорошо, будешь работать в нашем госпитале. Разносить раненым почту, писать им письма под диктовку, читать газеты...

Комиссар был мудрым человеком. Он понимал, как важно искалеченным войной людям общаться с приветливой, жизнерадостной девочкой.

Вначале на довольствие меня не ставили, сделали это потом, когда увидели, что я не сбежала ни от крови, ни от боли. Так я стала помогать в армии, и эта служба продолжалась довольно долго.

Госпиталь располагался в Гоголевском лицее, в котором перед войной и после нее находился Нежинский педагогический институт. Когда я первый раз в 1948 году пришла туда на занятия и увидела аудитории, в которых в 1941 году были палаты с ранеными, мне показалось, что я возвратилась в прошлое, в страшные дни начала войны, ужасы отступления по всем фронтам.

Госпиталь развернули как стационарный, но был он в Нежине очень недолго, так как вскоре пришлось отступить. Я пишу деликатно: отступить... Фронт быстро докатился до нашего городка. Из Нежина лаборатория, которой руководил мой отец, и еще какое-то подразделение госпиталя выбирались на крытых грузовиках. Весь остальной личный состав уезжал поездом. Мы должны были соединиться на небольшой станции Готня под Харьковом.

Наши грузовики ехали по дорогам мимо сел и горящих полей. Неубранный хлеб сжигали, чтобы ничего не досталось врагу. А урожай в то лето выдался богатый... Низко стелился дым, пламя катилось по полям, и казалось, это сгорает наша прежняя жизнь.

Чтобы проскочить через пожарища, мы поливали брезент кузова водой. Это был ужас, и не верилось, что нам удастся выбраться из огненной западни. Первую ночь мы провели в сарае вместе с кроликами. Радовались, что над головой была крыша.

Мы ехали через Сумы. Карты не было, дорогу спрашивали у местных жителей, один

раз нам ее неправильно показали, и мы едва не попали к немцам. Обстановка сложилась такая, что невозможно было понять, где враги, а где наши.

Все-таки добрались до Готни, и там был развернут наш госпиталь. Не успели принять раненых, как нас отправили дальше. Фронтовики помнят, что тогда творилось под Харьковом и на Северском Донце: наши войска наступали, отступали и в конце концов попали в окружение, которое позже получило название «харьковской мясорубки». наших бойцов и командиров полегло там несчитаное количество.

И тем не менее наш госпиталь сумел пробиться. Какой-то военный начальник, спасая раненых и врачей, своевременно отдал милосердный приказ покинуть Готню. Мы видели, как из отступавших красноармейцев наспех формировались части и им отдавался приказ стоять насмерть. Они и стояли, пока не погибали...

Что из себя представлял наш эшелон? Товарные вагоны-теплушки, двери отодвигаются в две стороны, и по обе стороны в два «этажа» стоят нары, сколоченные из широких толстых досок. Я помню, что мы были на втором «этаже». Рядом с нами оказалась доктор Шульга, беременная, животик у нее был уже достаточно большой. А внизу — доктор Быховский. Вагон забили до отказа, я даже не знаю, сколько нас в него затолкали.

Туалета в теплушке, конечно, не было. Приспособили горшки, кастрюли и отгородили уголок ширмой. Вначале смущались, но вскоре привыкли. Вот так мы и ехали...

Самые жуткие воспоминания — бомбежки. Никогда не знаешь, не можешь предугадать, что будет в следующий момент. И не всегда удавалось выскочить из теплушки...

Через некоторое время врачи сказали, что нас направляют под Сталинград, где шли кровопролитные бои. нас бомбили почти каждый день — большие красные медицинские кресты на крышах не спасали. Я помню одну страшно жестокую бомбежку. Как только появились вражеские самолеты, раздалась команда: «Всем из вагонов!» Я побежала вместе со всеми в степь и оттуда видела, как самолеты бомбили и расстреливали беззащитный санитарный поезд. Вагоны горели, взрывы бомб сбрасывали их с рельсов... Не приведи Господи!

Нам помогли железнодорожники и подоспевшие на помощь бойцы какой-то части — собрали уцелевшие вагоны в подобие эшелона. Погибших (25 человек) сложили на крыши вагонов. Командование распорядилось отправить нас в ближний тыл на переформирование. Госпиталю сменили номер: был 1954, стал 3261. Отец принял решение, повергшее нас с мамой в шок: он попросился добровольцем под Сталинград. Собирая вещмешок, он говорил: «Я скоро вернусь!» А мы думали, что больше никогда не увидим его.

Наш госпиталь отправили в Уральск на переформирование, но часть личного состава, в том числе и я с мамой и сестренкой, попала в Актюбинск. Это был тыловой город, где сбились тысячи эвакуированных, раненых. Все школы были заняты госпиталями. Раненые мрачно шутили: из Актюбинска две дороги — в землю и на фронт. Мы хотели на фронт и дожидались приказа. Нам говорили: «Ждите!» В ожидании решения своей судьбы мы снимали комнату у какого-то железнодорожного служащего. Было не только голодно, но и страшно холодно: стояли суровые казахстанские морозы. Уголь и дрова в степном Казахстане стоили неимоверно дорого, и каждый день я уходила в степь собирать кизяки и сухую полынь — единственные доступные нам виды топлива. Они сгорали в одно мгновение, и надо было успеть испечь лепешки на плитке. Тепла ждать было нечего.

Вскоре моя настойчивая интеллигентная мама через военкомат все-таки разыскала наш госпиталь в Уральске, и мы отправились туда. Но там долго не задержались — госпиталь перебросили в прифронтовую зону. Так мы попали в только что освобожденный Донецк.

В городе было очень много незахороненных трупов. Шурфы шахт были заполнены сброшенными в них людьми. Донецк весь пропитался гнилью, тошнотворным запахом смерти. В развалинах еще прятались немцы, их отлавливали, отправляли на сборные пункты.

Запах смерти и тлена я помню, а время года — нет. Господи, почему я этого не помню?

Может быть, потому, что краски природы не воспринимались, их просто не было, все вокруг черным-черно. Ага, вот почему не помню: я заболела, была без сознания. Меня на носилках унесли в подвал железнодорожной поликлиники, где разместился главный корпус госпиталя. Когда я пришла в себя, услышала немецкую речь и решила, что попала в плен. А оказалось, что рядом бредил раненый немец.

Я перебарывала болезнь, а тем временем разворачивали госпиталь. Он был большим — на пять тысяч коек. Все врачи, сестры и санитарки мыли полы и окна уцелевших зданий, выгребали мусор, ставили и стелили кровати, стаскивали отовсюду все, что могло пригодиться. Всю работу по устройству операционных, палат, лабораторий, аптечных пунктов делал личный состав. Никто не считался ни с должностями, ни с возрастом, ни со званиями. Ведь от того, как быстро удавалось развернуть госпиталь, зависела жизнь очень многих людей.

Выздоровливала я быстро. Да и залеживаться долго было нельзя — все выбивались из сил. В один из дней ко мне подошла старшая сестра и спросила: «Встать можешь? Не хватает лаборанток...»

К этому времени я уже окончила двухмесячные курсы, после которых можно было стать медицинской сестрой. Но меня, малолетнюю, определили в лаборантки.

Когда приходили вагоны или машины с ранеными, на приемку выходили все. Наш госпиталь был сортировочным, и раненые поступали непрерывно. Я тоже выходила на приемку и чувствовала себя очень достойно оттого, что выполняю наравне со всеми тяжелую работу. Как мне удавалось с напарницей поднимать носилки с ранеными, сейчас представить просто не могу.

Втихомолку я гордилась, когда раненые в палатах говорили то ли в шутку, то ли всерьез: «Пусть придет вот та лаборантка, что с косичками, тогда я дам кровь, а другим — нет, не дам». Может, они думали, что это к ним приходит дочка или младшая сестричка. А я изо всех сил старалась сделать укол так, чтобы им не было больно. Освоила маленькую хитрость: надо отвлечь внимание раненого от укола каким-нибудь иным физическим действием — например, легонько шлепнуть его ладошкой. Кто-то научил меня микроскопировать, потом я стала самостоятельно делать все анализы. Словом, я стала хорошей лаборанткой военного госпиталя, мою работу ценили и перестали делать скидку на возраст.

Меня порою спрашивают: что самое страшное было в войну? Я могла бы сказать многое: смерть людей на моих глазах, запах крови, который меня потом долго преследовал, горящие дома, станции и города, голод и холод.

А еще я вспоминаю железнодорожную станцию, на которой остановился наш эшелон. Рядом стоял развороченный бомбой или снарядом большой пульмановский вагон. Ветер выносил из него в черную обугленную степь белые треугольники — письма с фронта и на фронт. Я печально смотрела на эту горестную метель: сколько же людей не дождутся весточки от своих родных, будут думать, что они погибли, сгнули, пропали бесследно в урагане войны!

Это видение преследовало меня многие годы и после войны. Я иногда видела, что и раненые бойцы смотрят со страшной тоской в глазах на метель из писем. Может быть, каждый из них думал, что в неизвестность улетал и его треугольник. Я бросалась делать успокоительные уколы, что-то лепетала о том, что письма соберут и отправят по назначению.

— Хороший ты человек, дочка, — хмуро сказал один из раненых.

Остальные молчали.

Мне хотелось крикнуть им, что, возможно, среди этих писем и мое письмо или весточка мне от папы. Но я промолчала: зачем добавлять к чужому горю свое? После того как папу отправили под Сталинград, мы изредка получали от него письма. Он писал, что жив, здоров, приходится трудно, но он надеется на скорую встречу. Потом письма перестали приходить и наступило глухое молчание. Мы с мамой подозревали самое худшее. Как могли,

разыскивали папу, но ответа на свои запросы по месту его последней службы не получали. И каждый день надеялись: вот сегодня придет от папы письмо...

Оно пришло через несколько месяцев. Папа писал, что из-под Сталинграда его направили на Кавказ, где шли кровопролитные бои. Его часть попала в окружение. Они получили приказ выходить к своим поодиночке, мелкими группами. Папа отрастил бороду, обзавелся штатской одеждой. (В семье у нас хранилась фотография отца тех страшных дней: незнакомый человек с бородой, с глубоко запавшими глазами, в стареньком ватнике. Потом она исчезла — так случается, что самое дорогое мы обычно не храним.)

Однажды тяжело заболел генерал, командовавший остатками разгромленных войск. За ним прислали самолет с «Большой земли», как тогда говорили. Папу-врача приставили его сопровождать. Так он оказался за линией фронта и немедленно стал нас разыскивать.

Отец и мама очень любили друг друга. Их любовь одолела все — войну, разлуку, горе. Для меня они на всю жизнь остались примером верности и преданности высоким чувствам.

Разыскать нас было нелегко. Госпиталь двигался вместе с линией фронта, с наступающими или отступающими войсками. Наше дело было принять раненых и «рассортировать» их. Кого в глубокий тыл, кого поближе, а иных, кто умирал, — похоронить.

Из Донецка нас перебросили на Северский Донец, в станицу Обливскую, там я впервые познакомилась с казаками и казачками, не подозревая, что когда-нибудь судьба подарит мне роль Аксиньи из «Тихого Дона».

Из Обливской мы попали в Одессу. Там была все та же тяжелая военная работа: раненые, умирающие и выздоравливающие, «выписывающиеся» на фронт или навсегда ставшие инвалидами. Это было страшно: вечером поправить тяжелораненому подушку под головой, уйти с дежурства, а утром узнать, что он умер. Смерть чаще всего приходила по ночам.

Меня редко назначали на ночные дежурства. Я их боялась, так как мне казалось, что ночью по пустым коридорам бродит смерть и заглядывает в палаты, где стонут от боли раненые. Через мои руки прошли сотни раненых, но лишь с одним из них я встретилась после войны. Было это уже на дипломном курсе театрального института. Или на третьем — не помню точно. Я зашла в гастроном рядом с домом, чтобы выпить сока. Чувствую, из маленькой очереди смотрит на меня внимательно плотный крупный человек. И вдруг окликает: «Эла!» Меня так называли в детстве. Я не понимала, откуда он меня может знать. А парень говорит: «Я — Харченко». Вспомнила... В наш госпиталь привезли новую партию раненых, среди которых был один особенно тяжелый. Врачи решили делать ему прямое переливание крови. Не буду вдаваться в медицинские подробности, скажу лишь, что раненый и донор лежат рядом на столах, они «соединены» так, что кровь из вены донора течет прямо в вены раненого. Я вошла... Лежал человек с закрытыми глазами, очень бледный, у него были темные волосы и очень длинные загнутые ресницы. Меня положили на стол рядом с ним, и моя кровь потекла в его вены. Взяли ее около 500 граммов. Я сильно ослабла. Сестры помогли мне встать со стола, отвели в комнату, где я могла отлежаться, — сильно кружилась голова. Одна из них по пути сказала: «Твоего крестника зовут Вася Харченко».

В госпитале было принято: та медсестра, которая отдала кровь раненому, должна его и выхаживать. Меня, лаборантку, не очень допускали в палаты, я посещала их тогда, когда надо было взять кровь у раненых, или на ходу быстро сделать анализ, или подменить на дежурстве сестру. И все-таки я навещала «своего» раненого, что-то приносила ему, сидела у его кровати и о чем-то разговаривала. Уже по опыту знала, что раненые очень любят, когда с ними говорят не о ранах, а о том, как идет жизнь на воле.

Дела Васи Харченко пошли на поправку, и его перевели в команду выздоравливающих. Такие команды находились при какой-нибудь воинской части. Медсестры из госпиталя обычно навещали тех, с кем подружились и кому симпатизировали. Так было принято, и девушки, побывав у «своего», потом с удовольствием делились впечатлениями, не скрывая и

достаточно интимных подробностей.

Я узнала, куда направили Харченко, и поехала к нему, хотя это было где-то очень далеко.

Увидев меня, он страшно удивился и чуть ли не возмутился:

— Ты что здесь забыла?

Ему, парню, побывавшему в боях, было непонятно, зачем к нему явилась девчонка.

Вася очень резко выговорил мне за то, что я приехала к нему. Я не понимала, что плохого сделала, почему получила выговор.

Разобидевшись, я тут же собралась в обратную дорогу. Когда медсестры, гораздо старше меня, узнали о моем неудачном «путешествии», они ехидно улыбались, но ничего мне не объясняли. Одна из них сказала: «Хороший парень тебе попался, пожалел девчонку...» Я залилась густым румянцем, услышав эти слова.

Мне же просто хотелось узнать, что с ним. Все-таки не чужой — в его венах текла и моя кровь.

В 1944 году война покатила к закату, к Победе, и таким молоденьким, как я, уже не было особой необходимости служить.

Помню, замполит госпиталя мне сказал:

— Тебе надо учиться. Возвращайся в нормальную жизнь...

Замполит посоветовал мне зайти в штаб и взять справку о том, что я добровольно служила в действующей армии с такого-то по такой-то год, тогда я, конечно, не вняла совету опытного человека и, припрыгивая и пританцовывая, понеслась собираться. Я и предположить не могла, что через годы настанет «время справок» и родится поговорка: «Без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек!»

Все мое имущество вместилось в вещмешок. Я ушла в мирную жизнь повидавшей войну и кровь, мне еще долго слышались разрывы снарядов. Но Бог оберегал меня: я не приучилась курить и пить, не утратила доверия к людям. Грязь ко мне не пристала.

Отец остался служить в армии, а мы с мамой и сестренкой поехали в Киев и увидели, что жить нам там негде. Но это было время, когда люди тянулись к родным местам, даже разрушенным и разоренным. В Киеве я пришла к руинам дома, в котором мы жили до войны. Помнила его большим, трехэтажным (у нас квартира была на втором этаже). А теперь увидела груды мусора и остатки крыши, которые взрывная волна забросила на соседний дом. Больше всего было жаль, что погибли все наши семейные архивы. Война беспощадно уничтожила мое детство, разделила время на «до войны» и «после». Впоследствии несколько детских фотографий я нашла у знакомых.

Несмотря на то что мы были киевляне, места в Киеве нам не нашлось. И мы поехали в Нежин. Через военкомат вернули жилье отца, в котором встретили войну. Правда, нам предложили немного повременить, так как там находилось отделение Союза польских патриотов, и пришлось ждать, пока его освободят. А выехали они после того, как закончилась война. До того мы снимали комнату у сотрудницы госпиталя.

Это было время, когда люди жили в ужасающей тесноте, но не в обиде — за редчайшим исключением все считали своим долгом помогать друг другу. Нас приютила врач-отоларинголог из госпиталя, в котором я служила. Естественно, возник вопрос, как мне быть, что делать дальше. Из госпиталя я ушла квалифицированной лаборанткой, могла, конечно, найти работу в какой-нибудь больнице или поликлинике, меня бы везде взяли. Но я хотела учиться. В школу идти было поздно, уже давно начался учебный год. Да и как я смогла бы учиться после такого длительного перерыва? И я поступила в трехгодичную фельдшерско-акушерскую школу — что-то вроде училища или техникума. Участие в войне давало мне право поступать сразу на второй курс. Кто-то из большого начальства разумно посчитал, что дни, проведенные на войне, тоже можно считать школой. Но я устояла перед соблазном воспользоваться этой льготой и пошла на второй семестр первого курса. За два с половиной года я окончила школу с отличием и добавила к своей военной специальности лаборантки специальности фельдшера и акушерки. Училась я легко — все это я уже

«прошла» в госпитале.

Чтобы подвести черту под военным периодом своей жизни, расскажу о забавном эпизоде, который тем не менее причинил мне огорчения. В отделе кадров Малого театра была дама, которая заявила, что мое участие в войне — это все выдумки, сочинительство. Мол, Быстрицкая никогда и ни на каком фронте не была. Когда я узнала это, поехала в архив Министерства обороны (точное название не помню) в Звенигороде, или в Подольске. Там подала заявление и попросила, чтобы нашли сведения обо мне и подтвердили участие в войне. Был уже 1984 год, и от войны нас всех отделяло тридцать девять лет. Можно представить, в каком я была ужасе, когда мне сказали, что моей фамилии в списках нет. Я настаивала, назвала номера госпиталей. Номер моей последней полевой почты был 15 938. Номера менялись, когда госпиталь после бомбежек переформировывали, сливали с другими.

— Вы нигде не числитесь, — услышала я вновь.

— Этого не может быть! — твердо сказала я. И назвала фамилии начальника госпиталя, замполита, заведующего лабораторией, предъявила справку, что была лаборанткой.

— Не волнуйтесь, — успокоили меня работники архива. — Посмотрим более тщательно. А пока очень просим вас выступить перед нашим коллективом.

И пока я выступала, были найдены документы на мое материальное обеспечение в госпитале. Но не за весь период — это же надо было просмотреть безумное количество документов. Но и по тем, что нашли, мне определили полтора года службы в действующей армии. Это очень серьезный срок — такой есть не у каждого бывалого фронтовика.

Со временем меня наградили орденом Отечественной войны II степени, медалями за участие в войне. И даже вручили значок «Сын полка» — звания «Дочь полка» не было.

Свой первый «мирный» орден я получила после поездки в США — «Знак Почета». Естественно, в Америке я никаких подвигов не совершала и искренне недоумевала, за что меня наградили: к орденам, как и у всех фронтовиков, у меня было святое отношение. Потом последовали другие награды: Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, еще один «Знак Почета» и совсем недавно — «За заслуги перед Отечеством» II степени. Медали мне перечислить было бы сложно...

На дальних подступах к мечте

Я не должна была стать актрисой, мои родители решили, что я пойду по стопам отца. Он был очень уважаемым военным врачом широкого профиля, добросовестно изучил многие медицинские специальности. Если надо было оперировать — он оперировал, если требовалось лечить воспаление легких — он и это умел.

Мама тоже очень хотела, чтобы я продолжила папину профессию. И когда я впервые заговорила о театральном институте, они и слышать об этом не желали. Я с огромным пиететом, даже преклонением относилась к врачам, но у меня была своя мечта. Я не скрывала ее, хотя и понимала, что еще рано говорить о том, что хочу стать актрисой. Уступая воле родителей, я, фронтовая «сестричка», легко, без напряжения окончила медицинское училище. Как я уже упоминала, получила специальности фельдшера и акушерки. Диплом с отличием давал мне право без экзаменов поступить в единственный институт в Нежине — педагогический. Против этого родители не возражали. Но я твердо решила, что буду бороться за свою мечту, и в педагоги не спешила. У меня были свои планы.

В нашей семье последнее слово принадлежало папе, и я отважилась на серьезный разговор с ним. Он приехал к нам в отпуск, первый раз после войны, из Дрездена, где тогда служил. Я выбрала удобный момент, чтобы заявить:

— Буду готовиться к поступлению в театральный институт.

Наверное, что-то в моем тоне было такое, что отец понял: это серьезно. И он, казалось, сдался:

— Хорошо, я сам посмотрю, что это за институт такой.

С искренним волнением вошла я в парадный подъезд этого учебного заведения, где, надеясь, найду свое счастье! Я шла рядом с отцом по ковровой дорожке, которая казалась мне неслыханной роскошью, ведь всю войну мебель заменяли нам деревянные ящики, служившие и столами, и кроватями. Мне казалось, что на нас оглядываются все встречные — отец был в военной форме: китель, начищенные до блеска хромовые сапоги, погоны, ордена.

Я гордилась своим отцом. Он был красивым человеком, форма ему шла, он носил ее уверенно, как и многие мужчины тех лет, считавшие, что это единственно достойная одежда. Мне казалось: вот сейчас мы войдем в кабинет директора, папа скажет какие-то веские слова и директор не сможет ему отказать, меня примут даже без экзаменов.

Вошли... О директоре, Семене Михайловиче Ткаченко, среди абитуриентов и студентов ходили легенды — и грозный, и неприветливый. А тут из-за стола поднялся очень импозантный улыбающийся человек, скользнул взглядом по наградам отца, шаркнул ножкой и почтительно осведомился:

— Чем могу быть полезен?

Лишь много позже я поняла, что у такого института директор должен быть актером — он умел держаться по-разному.

— Объясните, пожалуйста, моей глупой дочери, что ей не следует поступать в ваш институт, — произнес отец.

У Семена Михайловича вытянулось лицо. Впервые к нему обращались с просьбой не принять дочь в институт, а наоборот, отказать ей. А мои чувства вообще невозможно описать. Хрустальная мечта на глазах разлетелась вдребезги. У меня слезы брызнули градом. Я пулей вылетела из директорского кабинета...

Вечером я объявила отцу, что вообще нигде учиться не буду. Внешне спокойный, он ответил:

— Как хочешь. Мы поедем в Дрезден.

Отец умел быть непреклонным.

Ничего хорошего в моем упрямстве не было, это я поняла позже. А тогда я просто была обижена на весь белый свет.

Отец всю семью осенью увез в Дрезден, где служил в госпитале. Уже начался учебный год, и я ходила в десятый класс школы для детей военнослужащих.

Я, видевшая в госпиталях столько смертей, крови и боли, с трудом приучала себя не смотреть на немцев как на врагов. Один из уроков всепрощения преподала мне мама. Квартиры нашего дома время от времени обходил пожилой немец в заштопанном костюмчике. Он собирал подаяние. И мама моя, у которой были расстреляны гитлеровцами мать и сестра, всегда ему что-нибудь давала — немного денег или еды. Немец ходил с портфелем, куда складывал все, что ему удалось собрать, чтобы никто не узнал, что он просит милостыню: это запрещалось.

Я многое забыла из своей дрезденской жизни, а этого немца помню — всегда чистенький, аккуратненький, словно весь заштопанный...

Отца из Дрездена перевели служить в Вильнюс. Он был совершенно безотказным человеком — ехал туда, куда его посылали, не хитрил, не выгадывал.

Мама, я и сестричка возвратились в Нежин, где у нас была квартира. Ведь по правилам тех лет квартиры военнослужащих или уезжавших за границу «бронировались». Они опечатавались и ожидали своих хозяев.

В Нежине я часто вспоминала аккуратного немецкого господина, которому подавали милостыню. На Украине в те годы был страшный голод. Я видела, как люди падали и умирали прямо на улицах. Когда я училась в училище, по дороге на занятия каждый день встречала опухшую от голода женщину. А однажды увидела, что она лежит на земле и по ней ползают вши. Умерла... В голодающей Украине подавали мало — нечего было подавать.

Мы тоже голодали, хлеб делили на крошечные дольки. Мама заболела, и ее госпитализировали. При первой же возможности отец забрал ее в Вильнюс. А я осталась в Нежине с сестренкой на руках.

Мама умоляла меня сберечь сестру. Я ей пообещала и свое слово сдержала. Я была вполне самостоятельной девушкой, мне можно было и сестричку доверить, и не опасаться, что наделаю глупостей. В войну выросли рано и быстро.

Между тем я решила, что не буду терять времени и начну готовиться к будущей профессии актрисы. Узнала, что в музыкальной школе есть балетный класс. Пришла к преподавательнице школы Екатерине Владимировне Медведевой и сказала, что хочу учиться балету.

— Вы опоздали, — ответила она.

— Я знаю. Но я собираюсь пойти учиться в театральный и мне надо уметь двигаться.

Мне никто не подсказывал таких шагов, у меня не было тогда старших, опытных друзей. Просто я понимала, что навыки балета, пластичность походки, привлекательность движений необходимы актрисе, если она хочет добиться успеха.

Конечно, мое самолюбие страдало, когда рядом со мной маленькие девочки легко проделывали то, что давалось мне с большим трудом.

Тогда были какие-то сроки, до истечения которых я, вчерашняя фронтовичка-медсестра, имела право преимущественного приема в высшие учебные заведения. Чтобы не потерять эти льготы, я все-таки сдала документы в Нежинский педагогический институт, ненадолго отложив поступление в театральный. Я не оставила занятий балетом, продолжала посещать школу, а в пединституте стала руководить танцевальным кружком. Занималась я так усиленно, что за полтора года окончила пять классов балетной школы. И только когда стала «на пальцы», решила, что с меня достаточно. К этому времени я уже успела принять участие в спектакле Нежинского музыкально-драматического театра «Маруся Богуславка» — играла одалиску в гареме султана, самозабвенно исполняла танец, который был поставлен на музыку Рубинштейна из «Демона». «Восточный танец» удался, и мне аплодировали. Это был мой первый выход на сцену именно в спектакле, если не считать номеров художественной самодеятельности.

Мама стала чувствовать себя получше и приехала к нам, дочерям. За мою младшую сестру Софию она была спокойна, но вот мои строптивый, излишне самостоятельный характер всегда вызывал у родителей тревогу.

Мама пришла на спектакль, я ее усиленно зазывала. Но сказала мне уже дома:

— Как можно в таком виде выходить на сцену, чтобы пупок был голый? Это неприлично!

А для меня самым важным было то, что я танцевала! Хотя, конечно, слова мамы очень меня огорчили, я надеялась, что она станет союзницей в борьбе за мою мечту быть актрисой.

Мама очень любила театр, она восхищалась замечательным Николаем Афанасьевичем Светловидовым, которого видела в «Орленке» Ростана. Светловидов в молодости блистал в героико-романтических ролях, а в зрелом возрасте потрясающе играл характерные роли. Через несколько лет я с ним встретила в Малом театре и рассказала о его скромной поклоннице из украинского Нежина.

Николай Афанасьевич однажды сделал мне невероятный подарок. Я срочно вводилась в спектакль «Иванов» на роль Сарры: заболела актриса, нужно ее заменить, времени было очень мало, всего три репетиции. Между второй и третьей репетициями Светловидов сказал мне:

— Эличка, обратите внимание: Сарра любит стихи.

Я просмотрела всю роль и с недоумением подумала, что никакими стихами Сарра не говорит, откуда он это взял — неизвестно.

На третьей, последней репетиции я подошла к Светловидову и спросила:

— Николай Афанасьевич, я не нашла у Сарры стихов. Почему вы решили, что она их любит?

— А вы вдумайтесь вот в эти ее слова: «Цветы повторяются каждую весну, а радости — нет», — нараспев произнес он.

— Я помню... Где же здесь стихи?

— Ну, как она говорит... Вслушайтесь в ритм... Это поэзия!

Цветы повторяются
Каждую весну, а радости — нет...

Вот высочайшее мастерство — за словами увидеть скрытый характер героини. И дорогого стоит получить такой совет от мастера. Я потом у многих своих героинь выискивала места, в которых должна была бы проявиться их поэтическая натура.

Роль Сарры, по общему мнению, у меня получилась, это была хорошая работа. Событием стали для меня гастроли Малого театра в Киеве. Именно тогда руководство разрешило мне выходить на поклонны. Напомню, что в спектакле Сарра умирает в третьем акте, четвертый акт идет уже без нее. И, сыграв свою роль, я уезжала вместе с друзьями по всяким, скажем так, памятным и привлекательным для меня в Киеве местам. Можно понять, как мне это было интересно: киевские гастроли шли через пятнадцать лет после окончания института и я как бы возвратилась в свою юность. Пятнадцать лет я не была в Киеве, на то имелись свои причины, о которых я еще расскажу...

Выходить в финале на поклонны — это большая честь, это свидетельствует о признании актрисы. Моя тетя была на спектакле и потом сказала мне:

— Элочка, что такое? Весь зал говорит: «Быстрицкая, Быстрицкая...» А тебя нет... Это же неприлично...

Я шутливо пересказала этот разговор режиссеру. «Нет проблем, — сказали мне. — Выходи, кланяйся!»

Киевские зрители меня приняли. Я играла этот спектакль, пока он шел. Моим партнером был Борис Андреевич Бабочкин! Феноменальный артист!

Но тогда, летом 1947 года, все это было от меня еще очень далеко: и работа в Малом, и знакомство с Николаем Афанасьевичем Светловидовым, и партнерство с Борисом Андреевичем Бабочкиным...

Вернусь в те времена, когда я, студентка провинциального педагогического института, изучала филологию и руководила студенческим танцевальным кружком. На олимпиаде в связи с завершением учебного года наш кружок получил первое место. Пожалуй, это было первое в моей жизни признание. Невелика награда, но я ею очень гордилась и мысленно говорила родителям: «Видите? У меня кое-что получается». Тем более что меня премировали путевкой на двенадцать дней в дом отдыха профсоюза работников искусств. Там отдыхали и начинающие, и уже известные актеры, даже целые ансамбли. И, конечно, устроили вечер самодеятельности — пели, танцевали, играли. Не помню уже, что я делала на сцене, но, наверное, выступила с успехом, потому что ко мне подошла актриса Киевского театра имени Ивана Франко и спросила:

— Дочка, вы где учитесь?

Я ответила, что в Нежинском педагогическом институте. И она вдруг сказала:

— Жаль. Вам надо в театральный.

Это была Наталья Александровна Гебдовская. Сегодня ей уже за девяносто, она иногда мне звонит, у нее чудесный молодой голос. Спрашивает:

— Ну, як вы там, дорогая моя?

Мы с нею разговариваем на украинском языке, его я помню, он мне нравится своей певучестью.

А тогда Наталья Александровна сказала всего лишь несколько слов, но это были именно те слова, которых я интуитивно ждала. Мне требовалось заинтересованное участие опытного, умного человека, чтобы побудить меня к действию. Я говорила себе: «Вот, разглядела же во мне Наталья Александровна что-то такое, раз посоветовала мне стать актрисой!» Ее мнение было очень важно для меня, так как Наталья Александровна являлась актрисой известного всей Украине театра. А я — всего лишь провинциальная девушка, мечтающая о сцене.

Ни тогда, ни позже я не отличалась робостью или неуверенностью, но мне всегда требуется собраться с душевными силами, чтобы совершить Поступок.

Из дома отдыха я возвратилась с четкими планами на ближайшее будущее. Папа в это время все еще служил в Вильнюсе, и я решила сохранить летнюю стипендию, чтобы отвезти сестру и все наши вещи к нему. А на те деньги, что останутся, поехать в Киев и попытаться поступить в Театральный институт имени Карпенко-Карого.

День шел за днем, время поджимало: надо было сдавать документы, готовиться к экзаменам. Но вначале требовалось сказать родителям, что я не изменила своих планов — хочу стать актрисой. И стану! Родители считали ведь, что я угомонилась, как говорят на Украине — перебесилась. Снова были разговоры-уговоры, призывы одуматься.

— Ну хорошо, — говорила мама. — Ты не хочешь стать врачом, это можно понять. Но ты уже студентка педагогического института, профессия педагога очень уважаемая, что тебе еще надо?

Родители не узнавали свою послушную дочь. Я слушала их с большим почтением, но, когда они исчерпали все доводы, заявила, что решение свое не изменю и очень прошу понять меня.

Мама была настолько против, что заперла всю мою одежду. Это меня не остановило. «Все равно поеду», — заявила я твердо.

Мама спросила, тяжело вздохнув:

— А на что ты будешь жить?

— Заработаю, — с оптимизмом ответила я.

Сняла с веревки платье, которое постирала, и в нем уехала. Весь мой багаж состоял из небольшого чемоданчика.

Отец, провожая меня, купил буханку черного хлеба и две бутылки сидра. Он сказал:

— К сожалению, я больше ничего не могу тебе дать.

Небольшие деньги у меня были свои — остатки летней стипендии. Я чувствовала себя очень свободной и независимой. И тогда, и впоследствии часто вспоминала моих старших друзей по госпиталю, благодаря которым я научилась самостоятельно принимать решения и добиваться их осуществления.

Это были для меня поворотные дни. Еще можно было отступить, смириться. Но я понимала, что тогда моя мечта стать актрисой так и останется просто красивой мечтой.

В Киеве я остановилась у бабушки, мне не надо было платить за жилье. Я ни минутки не сомневалась, что поступлю в институт. Это была какая-то безоглядная вера в себя. А пока я не пропускала случая побывать на спектаклях замечательных украинских театров. Тогда играли выдающиеся мастера — Амвросий Бучма, Наталья Ужвий, «семейство» Юра — Гнат Петрович и его брат Терешко, и многие другие.

Театральный Киев всегда соперничал с театральной Москвой, и это приносило обоюдную пользу. Именно в то время в Киеве блистала плеяда актеров, которых зрители буквально боготворили. И Киевский институт театрального искусства пользовался огромной популярностью среди молодежи, его можно было сравнить лишь с московскими ГИТИСом или ВГИКом. Конкурс был очень высоким, отбор — тщательным. И это можно понять. Преподавали в институте признанные мастера украинского театра и кино, и никто из них не хотел потратить четыре года своей жизни (в институте было четырехгодичное обучение) на натаскивание бездарностей.

В институте я подавала документы на киноотделение, студентов туда набирал Амвросий Максимилианович Бучма. Он уже тогда был легендой украинского и советского кино и театра. Достаточно сказать, что на сцене он был с 1905 года, играл в первых советских кинофильмах. Я не буду перечислять все сыгранные им роли — их было много. Напомню лишь, что это он сыграл Тараса в «Непокоренных», Алексея Басманова в «Иване Грозном», Лещука в «Подвиге разведчика». Это был человек, словно сотканный из таланта. Он покорил вершины мастерства. Учиться у такого мастера было пределом моих мечтаний.

Но... мне отказали. Я не знаю причины, но думаю, что было слишком уж много

желающих. Тогда я попросилась на русское театральное отделение, однако меня определили на украинское. Думаю, это произошло потому, что среди абитуриентов было немного таких, кто чисто и свободно говорил по-украински, а я владела им так же, как и русским.

Я написала маме, что не сомневаюсь: пройду все отборочные конкурсы и поступлю. Но я лукавила: панически боялась провалиться — душа уходила в пятки, и я дрожала перед каждым экзаменом. Тяжелой была мысль: вдруг придется возвратиться к родителям ни с чем? Они, конечно, не будут упрекать, но боже мой, зачем мне такой позор?

Но я умела держать себя в руках. Уже тогда твердо знала: никто не должен видеть тебя растрепанной или беспомощной, уверенность в себе — шаг к успеху.

К счастью, перед сдачей документов и экзаменами у меня не случилось очередного бурного объяснения с родителями. Мама смирилась, а отец... Он хотел мне добра, стремился, чтобы у меня в руках была надежная, уважаемая в его окружении и вообще всеми профессия. Но уже коль так не получилось, каждый из нас остался при своем мнении.

Директор института, естественно, не забыл о необычной просьбе моего папы — такое не забывается. Но он оказался достаточно мудрым человеком, чтобы не вспоминать об этом. Приемная комиссия ориентировалась на результаты вступительных экзаменов, мою куцую творческую биографию и прочие объективные данные.

Общеобразовательные экзамены я не сдавала: у меня был диплом с отличием и я уже училась в Нежинском пединституте. Зато на экзаменах по специальности меня «пытали» довольно строго. Я читала басню, прозу, стихи, пела, танцевала — такое вот тестирование на «профпригодность». Видит Бог, как я старалась! После нескольких дней тревожного ожидания я нашла свою фамилию в списке принятых. Трудно передать мою радость — я была просто счастлива. Планов у меня было множество, я видела себя уже актрисой. словно огромная тяжесть свалилась с плеч — жизнь прекрасна!

И вот буквально за несколько дней до начала занятий вдруг узнала, что мандатная комиссия... меня отчислила! Оказалось, я не предоставила справку о том, что вошла в те пять процентов выпускников медучилища, которым разрешается продолжать учебу в других учебных заведениях. Было тогда такое правило. Кстати, цифра «пять» для меня почему-то роковая, она меня преследует всю жизнь. Но у меня справки и не могло быть на руках, поскольку я ее сдала при поступлении в Нежинский пединститут. Что же делать? Я в ужасе: столько пережить, столько перетерпеть, быть принятой и вдруг отчисленной? Растерялась, и на лице, видимо, у меня было написано все, что человек чувствует в такие минуты.

Мимо проходил Яков Иванович Токаренко, преподаватель истории, приятный и очень колоритный человек.

— Чого ж вы так стоите? — сочувственно спросил он.

Я ему все выложила.

— Езжайте в Нежин, — посоветовал он, — пойдите в пединститут и возьмите свою справку.

И я поехала. Но в институте мне справку не выдали — не положено.

Был там замечательный педагог и писатель, который случайно меня встретил и участливо расспросил, что со мною приключилось.

— Ну что вы расстраиваетесь? Зачем вам объяснять в кадрах, для чего понадобилась эта справка? Просто скажите: для снятия копии.

— Но в театральном институте нужен оригинал, — засомневалась я.

— Ну и поезжайте с оригиналом, — спокойно сказал он.

Это было для меня, наивной, таким потрясением! Но именно так я и поступила. Справку я предъявила в приемную комиссию института, оттуда ее передали в мандатную комиссию, и меня восстановили. Для этого мне пришлось походить по начальственным кабинетам, доказывать, ждать. Но война научила меня терпению и стойкости.

В популярной песне поется: «Мне часто снятся те ребята...» Мне всю жизнь будут сниться мои раненые, мои передвижные, на колесах, госпитали, окровавленные бинты, кровь на белых халатах. И поступление в театральный институт стало как бы рубежом: прошлое

уходило, начиналось будущее. Закончился важный период моей жизни, в котором объединились военные годы, время взросления, пришедшее на послевоенную разруху, поиск себя. Судьба не скупилась на испытания. Может, это было и неплохо? Ведь тем, что получаешь легко, беззаботно, из чужих рук, не особенно дорожишь. Много позже я думала: а как сложилась бы моя жизнь, если бы во время памятного посещения директора института отец, в полном офицерском блеске, при погонах и орденах, сказал:

— Вы должны принять мою дочь в институт! Я — фронтовик, и она фронтовичка...

К счастью для меня, он сказал прямо противоположное. И я ему за это низко кланяюсь, ибо он поступил мудро, отдав мою судьбу в мои собственные руки.

Легкомысленные опыты самостоятельной жизни

Я — студентка! Будущая актриса! В это я долго не могла поверить. Мне все казалось прекрасным сном, и я опасалась, что однажды утром проснусь, а сон ушел, рассеялся.

Прошли первые праздничные дни, педагоги выступили со своими напутствиями, и потекли будни.

Требовалось научиться жить полностью самостоятельно. Меня больше никто не опекал, над душой никто не стоял. Живи, как сумеешь! «На жизнь я себе заработаю», — легкомысленно заверила я маму. Легко сказать, но трудно сделать! Родители не отказывались помогать мне, но возможности для этого у них были ограниченными. Приходилось рассчитывать на собственные силы.

Я легко познакомилась с другими студентками. Одна из моих новых подруг сообщила мне:

— Сейчас снимают «Тараса Шевченко». Давай попытаемся попасть в массовки.

На массовках можно было заработать — я ведь твердо решила быть самостоятельной. Вспоминая то время, я думаю об оптимизме, с которым смотрела в ближайшее будущее. Впрочем, я даже не особенно задумывалась, на какие средства буду жить. У меня была цель и уверенность, что не пропаду.

Если ты не встретился с трудностями в профессии актера, если ты их не пережил, если в твоей жизни не случилось ничего такого, что заставляет сильнее биться сердце, испытывает тебя и физически и нравственно на прочность, — ничего потом из тебя не получится. Нужно все испытать, узнать, попробовать, понять. Одной лишь фантазии, даже самых благих порывов, не подкрепленных делом, не хватит для серьезных выводов, для того чтобы наполнить жизнь нужным содержанием. Но все это я поняла гораздо позже, когда появился житейский и сценический опыт. А тогда было лишь оптимистичное: «Не пропаду!» И слабая надежда, что немного заработаю участием в массовках.

Съемки массовых сцен будущего фильма «Тарас Шевченко» шли на Аскольдовой могиле. Напомню читателям, что Аскольд — это древнерусский князь, который вместе с Диром правил Клевом и был убит князем Олегом. Аскольда похоронили на крутом берегу Днепра, и его могила стала своеобразным местом паломничества для многих поколений украинских творцов. Бывал здесь и Тарас Шевченко.

Подружки сказали мне, что надо с утра пораньше пойти к Аскольдовой могиле. Меня предупредили — желающих много. Я не пришла — прибежала. И увидела огромное количество людей — и совсем юных, как я, и уже «закаленных» в киномассовках. Каким-то чудом я пробилась сквозь беглый отбор.

Самое любопытное, что в этой творческой сутолоке я почувствовала себя хорошо, ибо надо было танцевать гопак или казачок, а для меня это было легко и просто. Мне выдали украинский народный костюм, я встала в круг девушек, которые были очень близко от съемочной камеры, и с волнением подумала: «Боже мой, какое счастье, папа с мамой увидят меня и поймут, что я уже актриса». Я все еще пребывала в том возрасте, когда самым важным было, что скажут папа с мамой.

Тогда для меня все было ясно, все решения — просты. Не то чтобы я ни над чем не

задумывалась, всего сильнее были желания, и именно они давали силу для достижения того, чего хочешь. А вот сомневаться, колебаться — вдруг не получится, мне это тогда было несвойственно. Я ставила цель перед собой и шла к ней своим трудом, работой, на пределе тех возможностей, которые дала мне судьба.

Я с упоением танцевала быстрый, веселый гопак, мне казалось, что я это делаю лучше других девушек. Но вдруг раздался раздраженный голос режиссера:

— Уберите отсюда эти черные сапоги!

«Черными сапогами» оказалась я. На всех остальных девушках были красные сапожки, а мне, единственной, достались черные. Помню, я подумала: «Я же не хуже других, я танцую на их уровне! Но почему же мне не поменяли сапоги?» Наверное, это была нелепая случайность, но все надежды, что меня увидят в фильме папа с мамой, тут же рассыпались в прах из-за нелепой случайности.

Впервые я подумала, что дело, которому собираюсь посвятить всю свою жизнь, не всегда зависит от меня, что бывает множество случайностей, которые невозможно предвидеть. Но это не поколебало моей уверенности в успехе. И, надо сказать, я все-таки снялась в другой массовой сцене этого фильма.

Я упорно искала любые возможности, для того чтобы попробовать свои силы и одновременно заработать. Конечно, я понимала, что у меня нет имени, меня мало знают, а по правде, совсем не знают, и потому не приходится капризничать, выбирать. В это время в Киев приехал на гастроли знаменитый цирковой артист, «король манежа», как его тогда называли, Кио со своей группой. Одна из студенток, сейчас известная актриса, которую знают и любят, сказала мне:

— Пойдем, они всегда набирают балет.

И мы с нею пошли. Но нам сказали, что в этот раз балет не нужен. Огорченные, мы уже повернулись уходить. Но, очевидно, мы все-таки приглянулись, понравились. Нас остановили:

— Кио нуждается в двух ассистентках.

Меня спросили:

— Вы воздуха боитесь?

— Нет, что вы! Конечно, нет, — ответила я.

В самом деле, кто же боится свежего воздуха?

Но я представления не имела, что такое у цирковых артистов «воздух». И поняла это только на выступлении. Все репетиции были за кулисами, в служебной части цирка. Я должна была заменить лилипутку, которая выезжала на арену в китайском фонаре. Точнее, гвоздем этого аттракциона был выезд трех лилипуток в этих фонарях: нарядные лошади, разукрашенные фонари, маленькие, невесомые актрисы в нарядных, блестящих одеждах... Китайский фонарь — это ажурное сооружение из прутьев со шторками, со специальной системой зеркал, линз, красивой подсветкой. С небольшой площадки фонарь поднимается под купол цирка. Я не буду раскрывать секреты этого аттракциона, он и сейчас используется в репертуаре. Просто хочу объяснить, что испытала, когда вдруг фонарь медленно поплыл под купол, его шторки раздвинулись и я оказалась высоко над ареной. Увидела внизу маленьких людей, странно уменьшившуюся в размерах арену. Фонарь слегка качался... Вот тут я и поняла, что циркачи именуют «воздухом». Повисев под куполом, фонарь медленно опускался, Кио хлопал в ладоши, а я должна была, как от меня требовали, «легко спрыгнуть и грациозно убежать с арены». Между прочим, спрыгнуть с высоты в полтора метра, в туфельках на тоненьких каблучках!

Теперь признаюсь: я безумно боюсь высоты. И когда раздвинулись шторки, я панически испугалась. Схватиться было не за что — прутья у фонаря тоненькие, хлипкие. Спрыгнула я довольно удачно и, как мне казалось, элегантно раскланялась со зрителями.

Я была в жутком страхе, за кулисами у меня долго дрожали руки. Гордость не позволила попросить стакан воды. Требовалось спрятать эмоции, не показать страха, ибо мне нужно было удержаться у Кио. По сравнению с участием в киномассовках у него платили в

шесть раз больше. А я лишь начинала свою студенческую жизнь, мне нужны были деньги на питание, хотелось приодеться, ибо правильно говорят: «Встречают по одежке...»

Актриса, даже начинающая, не должна позволять себе небрежно одеваться, ибо те, кто может дать ей работу, часто судят о ней по первому впечатлению. Но тогда я просто не могла позволить себе одеваться модно. У меня были две-три блузки, сарафан и много бантиков.

Это время я назвала впоследствии временем надежд — главным было удержаться, пробиться, не затеряться в толчее сотен и тысяч красивых, раскованных, уверенных в себе девушек, толпящихся у входа в мир искусства.

Я понимала, что если поработаю у Кио месяц, то смогу год спокойно заниматься в институте, у меня появится возможность жить безбедно, и я докажу родителям, что поступила правильно, хотя и пошла против их воли. И я очень старалась...

Молодость бывает излишне самоуверенной, и это очень хорошо. У Кио я работала до тех пор, пока не закончились его гастроли в Киеве.

Студентка, комсомолка, отличница

Я несколько изменила шутливую реплику из известной кинокомедии, но мои дела обстояли именно так: я была студенткой, комсомолкой стала еще на фронте, где комсорг эвакогоспиталя вручил мне комсомольский билет, а все экзамены я сдавала на «пятерки».

Вначале учеба давалась мне с трудом. Я ведь очень многое в связи с войной пропустила, систематических знаний за среднюю школу у меня не было, а медицинское училище обучало фельдшерско-акушерским навыкам, азам медицинской профессии. Мне многое дал Нежинский педагогический институт, но ведь я там проучилась всего год.

И я держалась на самолюбии, свои «пятерки» зарабатывала трудом. Уходила в институт рано утром, приходила домой поздним вечером.

Бабушка с недоумением говорила:

— Что это за институт, в котором девочка занимается с раннего утра и до ночи? Что ты делаешь там по вечерам?

А я днем училась, слушала лекции, а по вечерам репетировала. Расписание составлялось с учетом того, когда свободны аудитории и студии.

Вначале институт находился на старой киевской улице — Мало-Васильковской. И мы, студенты, лихо распевали свой гимн:

Пусть говорят, что лучше всех московский,
Пусть ленинградский лучшим назовут.
Мы любим наш на Мало-Васильковской
Родной и близкий театральный институт...

Вскоре его перевели в более престижное место — на Крещатик. И вторая часть куплета стала звучать так:

Мы любим наш напротив Бессарабки
Родной и близкий театральный институт.

Те, кто нас слушал, улыбались. Дело в том, что Бессарабка — это известный всему Киеву рынок, примыкающий к Крещатику. С ним у киевских старожилков связано множество анекдотов и забавных историй, там можно было встретить весьма колоритные фигуры.

Педагогами моими были Иван Иванович Чабаненко и Леонид Артемович Олейник. Именно они учили актерскому мастерству. Сценическую речь преподавала Полина Моисеевна Нятко, замечательная актриса с дивным голосом, великолепная чтица. Она помогла мне избавиться от моего южнорусского говора.

Большинство своих педагогов я уже не очень хорошо помню — прошло столько времени, а дневников я не вела. Но там, в институте, были очень хорошие люди. И воспоминания мои о студенческих годах остались совершенно изумительные. Я очень многое познала и многому научилась. Налет провинциальности постепенно исчезал.

Училась я с наслаждением. Обожала занятия по актерскому мастерству, по сценической речи, по движению. По пластике я была впереди других студентов. И даже вокал мне нравился. У меня было колоратурное сопрано, но меня раздражал обязательный репертуар. «Зачем? — думала я. — Зачем я пою романс Антонины, алябьевского «Соловья», если мне предстоит стать драматической актрисой и в лучшем случае исполнять простенькие романсы?» Когда я начала сниматься в кино, стала убирать «верхи» своего голоса.

Четыре года — это большой срок. Отношения с родителями продолжали оставаться натянутыми, что беспокоило. Меня не устраивала растянувшаяся во времени «роль строптивой дочери». Я люблю, когда в семье царит взаимопонимание.

После первого курса родители разрешили мне на каникулах навестить их в Вильнюсе. Я с радостью отправилась к ним. Тогда я проходила пробы в моем первом фильме. Меня должны были вызвать на студию. И вот однажды утром мама вышла на звонок в дверь и тут же позвала папу. Я вслед за ними выскочила на лестничную площадку. И вижу: стоят папа с мамой на ступеньках и не могут разобраться, что за телеграмма ко мне пришла. А в телеграмме было примерно следующее: вы утверждены на роль Лены в фильме «В мирные дни», приехать тогда-то и туда-то... Родители не знали о пробах: я, может быть, из суеверия скрывала от них, что меня «смотрят» на одну из главных ролей в новом фильме.

Я перегнулась через перила, взяла телеграмму и со смешным достоинством сказала:

— Это мне! Я знаю, в чем дело.

Уже в квартире объяснила, что буду сниматься в новом фильме студии Довженко. Фильм «В мирные дни» — о подводной лодке, героизме наших моряков. Его снимал режиссер Владимир Браун. Напомню, что тогда практиковались конкурсы на роль, то есть предполагалось вполне честное соперничество: покажи себя, и, возможно, специальная творческая комиссия выберет тебя. Врачом Леной, возлюбленной капитана подлодки, хотели стать несколько вполне профессиональных актрис. Я же была новенькой, нигде и ничем не заявившей о себе.

Моя актерская карточка после съемок в массовках оставалась на киностудии. Кроме массовок, у меня была в «Тарасе Шевченко» крошечная роль горничной графини Толстой. Графиню играла Марина Алексеевна Ладынина. Потом эпизоды с графиней сильно сократили, и, естественно, эта участь постигла и ее горничную. Но в массовых сценах я мелькала. Думаю, что кто-то мне симпатизировал или проникся сочувствием к дебютантке в кино. И когда собирали актеров для фильма «В мирные дни», меня пригласили на студию. Спросили, на каком я курсе.

— На втором, — гордо ответила я.

Действительно, я уже окончила первый и благополучно перешла на второй курс. Студия стала наводить справки. Второй курс вел Гнат Петрович Юра. Меня в списках студентов второго курса не оказалось — приказ о переходе еще не был подготовлен. Подумали, что я обманула, возникла неловкая ситуация. В общем, это не важно, в конце концов все выяснилось, и я снялась в пробах. Потом пришла телеграмма в Вильнюс...

Я поехала на студию. Был подготовительный период — подбор костюмов, грима, знакомство с другими участниками съемок. Да, я забыла сказать, что для того, чтобы получить эту первую в моей жизни роль в фильме, я не пользовалась никакими связями — у меня их не было. Просто я искала, к чему бы приложить силы. Узнала о фильме, о том, что «смотрят» для него студентов института, и предложила свою кандидатуру. На меня «посмотрели» и предложили пробы. И в будущем я не раз убеждалась, что уповать на связи и помощь друзей можно, но не нужно на это сильно рассчитывать, лучше надеяться на собственные силы и проявлять инициативу.

Дорога в Клев оказалась неожиданно тяжелой. В Гомеле — пересадка, надо было ждать киевского поезда двадцать шесть часов (из Вильнюса прямого железнодорожного сообщения с Киевом не было). Путешествие получалось длинным. Папа устроил меня в офицерский вагон. Как сейчас помню, в те годы для военнослужащих предназначался седьмой вагон. Папа посоветовал в Гомеле пойти в комнаты для проезжающих (были и такие), заплатить за ночлег и дожидаться поезда.

Я оказалась в одной комнате с женщиной, которая ехала во Львов и тоже дожидалась своего поезда. Она была из Коми. Мы разговорились. Я узнала, что у нее остались пятеро детей в поселке, где она живет.

— А кто же с ними?

— Как кто? Собаки...

Оказывается, там, у нее на родине, собаки натасканы, выдрессированы на охрану и даже... на воспитание детей! Они не позволят детям сделать ничего такого, что не положено. Собаки охраняли детей, а соседки их кормили.

Рассказ этой женщины был для меня потрясением. Вот из таких встреч, из изумления увиденным и услышанным и слагалась тогда моя жизнь.

В Киев я доехала благополучно, и буквально на следующий день начались съемки. Мне очень хотелось, чтобы роль у меня получилась, и я честно работала. Но роль была невыигрышной, без динамики, только пребывание в кадре. Я очень старалась, слушала все, что мне говорил режиссер, опытный «маринист» Владимир Браун. Вторым режиссером фильма был Евгений Брюнчугин, оператором — знаменитый Демущкий, мастерство которого высоко ценилось, — один из классиков операторского искусства. В фильме были заняты профессиональные актеры — я впервые попала в такую среду.

Снимались «В мирные дни» на Черном море, в основном в порту Поти. Съемки заняли все лето. В профессиональном плане я сильно продвинулась. Моими партнерами были Г. А. Юматов, В. В. Тихонов, Н. С. Егорова — они тогда только начинали, но уже были настоящими актерами. А Сергей Гурзо после фильма «Смелые люди» стал просто всенародно известным, не было такого города или городка, где бы его не знали. Я много почерпнула из общения с ними, гордилась совместной работой. Правда, у них были роли, а у меня только присутствие.

Возвратилась на занятия в институт с опытом и массой впечатлений. На моем втором курсе только-только справились с исполнением отрывков из художественной прозы. Я же считала себя уже опытной актрисой.

Мне после съемок в фильме предстояло сыграть роль Пановой в спектакле «Любовь Яровая», который готовился в институте. Панова курила, и по вечерам, после съемок, когда все уходило погулять в красивом городке, я оставалась в номере, брала пачечку «дукатинок» и давилась горьким дымком. Так я научилась курить. Это безобразие длилось довольно долго, лишь через много лет я все-таки сумела бросить. А после возвращения в Киев со съемок на курсе все смотрели с любопытством, как я «дымлю». В то время ведь очень немногие девушки курили, в основном врачи и медсестры-фронтовички. Тогда я, кстати, поняла, что не все смотрят на них с восхищением, совсем наоборот, многие «штатские», не воевавшие, с осуждением: мол, прошли девушки огонь и воду, и еще кое-что.

Война все дальше уходила в прошлое, и вместе с нею — героика и романтика тех лет. С удивлением я обнаружила, что многие хотели бы забыть войну, хотя все напоминало о ней. Вчерашние солдаты и офицеры все еще носили военную форму, но без погон — другой одежды у них просто не было, жили все скудно. На улицах встречалось много инвалидов, людей, искалеченных войной. И на них смотрели уже с привычной жалостью.

Много позже я поняла, что люди стремились забыть не войну, а кровь, горе, невозвратимые потери.

Студенты ходили разбирать руины Крещатика, и я вместе со всеми участвовала в этих субботниках-воскресниках. Почему-то думалось, что заново отстроенный Крещатик подведет черту под военными годами.

В институте среди студентов мое участие в съемках фильма не вызвало особого оживления. Все мы пытались что-то делать, где-то играть или сниматься. Однокурсники считали, что мне повезло — только и всего. Меня расспрашивали, как это мне удалось, я говорила правду, мне не верили.

А для меня было важно то, что я не разочаровалась в профессии. И этими съемками, и многим другим я все время доказывала себе и окружающим, что все сделала правильно.

Правда, уверенность в себе у меня была внешняя, напускная. Уверенности никогда нет у актера. Каждая новая роль — это миллион сомнений и терзаний. Но окрепло желание овладеть профессией, получить право работать в этой области. Театр и кино по-прежнему оставались для меня «загадочным континентом», о котором мне ничего не было известно — ведь я жила в совершенно ином кругу. И более тесное знакомство с моей будущей профессией предполагало еще множество больших и маленьких открытий.

Каждый вечер, если у меня не было репетиций, я ходила в какой-нибудь театр. Другие студентки бежали на свидания, я — в театр.

Я не пропускала ничего более или менее значимого в театральной жизни. Восхищалась Михаилом Романовым в «Живом трупe», Амвросием Бучмой в «Макаре Дубраве», Полиной Няtko в роли Дуньки в «Любови Яровой». Сами того не ведая, эти выдающиеся актеры преподавали мне неоценимые уроки мастерства. Я не стремилась им подражать — это невозможно, я просто была прилежной ученицей.

У меня были и сугубо практические цели: в Театр русской драмы имени Леси Украинки я ходила, чтобы овладеть чистым русским языком, в Театре имени Ивана Франко я училась хорошему украинскому языку. В Киевском оперном театре смотрела все балеты и слушала некоторые оперы (на те, что мне активно не нравились, я не тратила времени). Иными словами, занималась самообразованием, ибо прекрасно понимала, сколько всего еще мне не хватает. Столичные девочки многое получили уже в юные годы, ибо росли в благоприятной для развития среде. А от Киева до Нежина — рукой подать, но Нежин был уже провинцией.

И вообще огромное, странное пространство пролегалo между мною, студенткой, и «сестричкой» из фронтовых госпиталей. Но я никому не завидовала — просто стремилась наверстать то, что было упущено не по моей вине. Помню слова из популярной в те годы песни: «Ах, война, война, война, что же ты наделала...» Война оставила в живых отца, маму, меня, сестренку, и уже за это я была благодарна судьбе. А остальное, считала, я нагоню и свои шансы не упущу — такая верящая в себя и одновременно сомневающаяся в себе девушка...

Признаюсь: я не умела кокетничать и никогда не использовала свои, по общему мнению, незаурядные внешние данные для достижения амбициозных целей. Чтобы была понятна моя мысль, скажу: обо мне не говорили «красотка», а вот «красивая девушка» — часто. На курсе и в институте отношение ко мне было спокойное, ровное. Уже потом студенты мне признавались, что, хотя я и числилась среди первых красавиц, они не решались в отношении меня переходить допустимые границы. Меня это вполне устраивало, так как я считала, что и большая любовь, и высокие личные эмоции — это все впереди...

Через полгода учебы я ушла от бабушки. Мне было страшно неудобно приходиться каждый вечер поздно, беспокоить пожилую женщину, к тому же не очень здоровую. Сняла, как тогда говорили, угол — жила в одной комнате вместе со студенткой, кажется, Института физкультуры. «Углы» мы искали не вместе, просто нас свел случай: ей требовалось где-то жить, мне — тоже. Моих средств на то, чтобы самостоятельно снять комнату, не хватало.

«Угол» я нашла в коммунальной квартире в доме по улице Красноармейской, там, где она примыкает к площади Льва Толстого. Сейчас она называется улицей Льва Толстого, а площади, я думаю, вернули старое название — Караваевская. Это был почти центр города и от моего института поблизости.

В коммунальной квартире жили две семьи — наши «хозяева» и еще одна пара, у которой был сын Яков, студент медицинского института, очень музыкальный парень. Мы до

сих пор с ним друзья, хотя разбросало нас в разные города и даже страны, и профессии и судьбы у нас разные. После окончания института мы на какое-то время потеряли друг друга из вида, тем более что я долго не была в Киеве. Когда же приехала на гастроли с Малым театром, при первой же возможности побегала повидаться с Яковом. Он уже женился, у него родился сын. К сожалению, мерзость той странной жизни, которой мы жили тогда, не обошла эту семью стороной. У мальчика было косоглазие, его требовалось лечить: благодаря помощи друзей и дальних родственников его приняли в хорошую клинику в США. Мальчик уехал. И Яков, который блестяще окончил медицинский институт, стал ученым, работал в известной лаборатории, потерял сразу все — работу, друзей, которые его начали сторониться, перспективы. Яков и его жена страдали, он работал дворником, разносил почту, словом, ему надо было хоть что-то делать, иначе бы его судили и выселили из Киева как бездельника и тунеядца...

Я не могла понять, почему преследуют людей, у которых и так огромное горе — болезнь сына. Разве они враги? Просто несчастные люди... Я и сегодня не понимаю, кому и зачем это было нужно. Слава богу, времена меняются.

С огромными трудностями и сложностями через несколько лет Якову и его жене удалось выехать в США. Мы иногда перезванивались. И первое, что я сделала после страшного террористического акта 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, — позвонила Якову, чтобы узнать, не зацепила ли их беда. Обошлось, они живы и здоровы.

У меня не было той шумной студенческой жизни, как ее традиционно представляют. Редко случались веселые вечеринки, я сторонилась шумных компаний. На них не хватало ни времени, ни денег. Учиться в театральном институте и остаться живым и здоровым очень непросто. Труд это тяжелейший. Только когда я освоилась, добралась до старших курсов, появились какие-то ребята, «кавалеры», пошли разговоры о замужестве. А раньше, извините, никого, нигде и никак...

С учебной проблем не возникало, просто иногда случались маленькие недоразумения. Допустим, мне надо было сдать зачет по плаванию... А у моей мамы в детстве утонул брат, мама боялась отпускать меня на воду, и я не научилась плавать. Зачет мне поставили условно, я клятвенно пообещала, что за лето научусь плавать, постараюсь преодолеть боязнь воды. И научилась — во время съемок фильма «В мирные дни» на море. И сдала зачет после возвращения в Киев. Когда я приезжала на каникулы к папе с мамой в Вильнюс, я с гордостью переплывала студеный Нерис.

Закончились каникулы, и я возвратилась в Киев.

Мои дела в институте, повторяю, обстояли вполне благополучно. Я очень любила все специальные предметы, связанные с будущей профессией, к общеобразовательным относилась спокойно: раз надо — значит надо. Считала, что актриса должна делать не только то, что любит, но и то, от чего не отвертеться.

В 1952 году на зимние каникулы нас, группу студентов-от-личников, премировали поездкой в Москву. По тем временам это была большая честь, и другие студенты нам завидовали. А я была просто счастлива.

Именно тогда я впервые побывала в Большом театре, впервые — во МХАТе и впервые смотрела спектакли Малого театра на его «родной» сцене, в его священных стенах.

Конечно, встала в очередь в Мавзолей В. И. Ленина и... отморозила себе ноги. Я не подготовилась к московской зиме и была наказана за это. Но не пойти в Мавзолей не могла — так мы были воспитаны.

Жили мы в общежитии ГИТИСа, и все время я буквально носилась по Москве. Раззолоченный Большой театр... Красная площадь, Кремль... Я видела все это в кино, но вот так, «живьем»...

Мне и в голову не приходила мысль сравнивать Москву с Киевом. Это были разные планеты. Киев — родной, уютный, в нем все знакомо, известно. А Москва поражала величием, державностью. Сейчас я изредка бываю в Киеве и не узнаю его. Он стал совершенно иным и словно отдалился от меня. А Москва с каждым прожитым в ней годом

становится все ближе и ближе. Но тогда, зимой 1952 года, я и представить не могла, что буду жить в Москве и работать в Малом театре. Это была неосуществимая мечта, хотя я и внушала себе, что все в моих руках. Мои интересы сосредотачивались на учебе, я не позволяла себе ничего, что могло помешать мне, избегала мимолетных романов, зряшных знакомств. О замужестве даже не помышляла, хотя такие предложения были — парни не обходили вниманием красивую девушку, а студенческая жизнь конечно же предполагала и любовь, и свадьбы.

В нашем институте училось много красивых девушек, иные выходили замуж, особенно на последних курсах, когда требовалось устраивать свою судьбу, и в разговорах замелькали слова «распределение», «назначение», «киевская прописка». Однажды «дрогнула» и я: сблизилась с одним молодым актером, которому очень нравилась. Парень настойчиво предлагал нам расписаться, сокурсницы именовали его моим женихом. Он очень серьезно смотрел на наши отношения, о намерении жениться на мне сообщил своим родителям. Его мама даже поехала в Вильнюс, чтобы познакомиться с семьей будущей невестки. Тогда к таким вещам относились очень серьезно. Мои родители ей понравились. Я искренне считала, что влюблена в этого симпатичного парня. И дала согласие к концу учебы выйти за него замуж. Конечно, все это было страшным «секретом» для подруг и знакомых.

Но, видно, наши отношения были не очень крепкими, если рухнули почти мгновенно. Он уезжал на гастроли. Я собралась его провожать. И очень тогда торопилась. Сдала экзамен, забежала на рынок на Бессарабке, купила огромный букет распустившихся пышных пионов, помчалась на вокзал, чтобы успеть к отходу поезда. Поезд вот-вот должен был уйти. У входа в вагон рядом с моим женихом стояла девушка и прикалывала к лацкану его пиджака изящный букетик ландышей. И я вдруг представила себе, как нелепо буду выглядеть рядом с ним со своим огромным букетом красных пионов! То, что я увидела, было изысканным, тонким, прелестным. А то, что делала я, — излишним, грубым. Такое унижение я снести не могла! В этом что-то было, какой-то знак, сигнал, подсказка судьбы. Переживания ужасные, но сегодня я уже могу говорить об этом спокойно...

Те, кто знал эту историю, а таких было немного, говорили мне, что я была излишне суровой девушкой. Но я была суровой по отношению к себе! Объясню: я никогда не считала, что моя внешность позволяет мне делать то, что не разрешает мне моя нравственность...

И вот наступил 1953 год — год смерти Сталина. Начался он для меня неожиданно бурно. Я была уже на последнем курсе, уверенно шла к выпускным экзаменам, к диплому и, надеялась, — к интересной работе.

21 января был траурный вечер, посвященный годовщине смерти В. И. Ленина. В таких случаях полагался строгий, под печальное настроение, концерт. Естественно, участие в нем, по традициям того времени, было большой честью для каждой студентки. Я стояла перед дверью аудитории — должна была прочитать преподавательнице Полине Моисеевне Няtko «Поэму о Ленине» известной украинской поэтессы Натальи Забилы, чтобы услышать ее замечания и рекомендации. Ни она, мой любимый педагог, ни я, ее ученица, не хотели провала, конфуза на сцене — по тем временам это грозило бы большими неприятностями. Я повторяла про себя текст поэмы, настраивалась на минорно-торжественный лад. Помню, у меня на руке было пальто, сшитое из папиных отрезков на брюки — материал для формы выдавали офицерам каждый год (родители все-таки мне помогали одеваться). В другой руке у меня был портфель. Вот так я и стояла, прикрыв глаза, сосредоточившись на предстоящей декламации.

Очнулась я от жуткой боли. Студент второго курса какой-то свистулькой дунул мне прямо в ухо. Еще в детстве у меня была болезнь ушей, ее кое-как вылечили, но они так и остались очень чувствительными на любые громкие звуки. От свиста меня буквально пронзила острая боль. Я абсолютно автоматически перебросила пальто на левую руку и дала этому хулигану жуткую затрещину — от всего сердца, как говорится. Он отлетел, но не успел мне дать сдачи — открылась дверь в аудиторию, вышел другой студент, а я нырнула внутрь — читать. Прочитала без замечаний, вышла минут через тридцать — студенты уже

живо обсуждали происшедшее: «Быстрицкая дала пощечину Медведеву». Вот почему помню его фамилию — из-за волны разговоров, которая прокатилась по институту.

Вечером мне мой педагог сказал:

— Подавайте заявление о вашем переводе в Харьков, потому что завтра будет приказ о вашем отчислении.

Сегодня это кажется невероятным, но тогда было именно так. В стране нарастала кампания борьбы с сионизмом, некоторые наши отнюдь не бездарные студентки уже испытали ее удары на себе. Быстрицкая подняла руку на Медведева! Этого было достаточно, чтобы вынести приговор, даже не выслушав меня!

Не задумываясь ни на секунду, я сказала педагогу:

— Если завтра будет приказ об отчислении, послезавтра ищите меня в Днепре.

Я прочитала поэму во славу Владимира Ильича, уехала домой и ночь провела в тяжелых раздумьях. На следующий день заместитель директора института, чудесный человек, сказал мне:

— Мы ничего решать не будем, пусть с вами решает комсомолия. А мы вас отчислять не станем...

Господи, были же и тогда разумные, добрые люди, для которых важна была суть конфликта, а не национальность студентки, отвесившей оплеуху хулигану!

Я уехала на каникулы к папе с мамой. Это были короткие зимние каникулы — после первого семестра. Возвратилась 6 февраля. Все было тихо и спокойно. Наступил март — умер Сталин. Конечно, я, как и все студенты, плакала, горевала. Но не могу сказать, чтобы я уж очень сильно страдала — я видела на войне, как умирали люди, и давно поняла, что человек смертен. «Сталин умер, но дело его живет!» — звучали заклинания на всех собраниях. В стране шла истерия по поводу «кремлевских врачей-вредителей», «сионистских наймитов». Героиней на час стала доносчица-шизофреничка Тимашук. И в нашем институте нашлись «деятели», которые посчитали своим долгом включиться в эту кампанию: дело Сталина продолжало жить.

В институте пошли разговоры по поводу моих «странных» политических склонностей и привязанностей. Вспоминали, где и что я сказала, как вызывающе легкомысленно вела себя на каком-то страшно важном мероприятии. Вокруг меня создавалась атмосфера недоброжелательности, иные вчерашние друзья обходили меня стороной.

И вот на вторую половину марта назначается комсомольское собрание для обсуждения моего персонального дела. За всю войну я никогда и нигде ничего не услышала такого, что дало бы основание мне подумать, что я в чем-то ущербна. А тут... Я не понимала: на фронте меня любили раненые, ко мне хорошо относился медперсонал, и никому не было дела до того, как звучит моя фамилия. Тот парень, Медведев, кстати, оказался никудышным, никчемным — он сладострастно раздувал пустяковый конфликт, увидев в нем повод привлечь к себе внимание.

Это общеинститутское комсомольское собрание я забыть не могу. Уже и комсомола нет, а я все его помню. Мне инкриминировали странные вещи. Оказывается, на первом курсе я отказалась танцевать с Ваней Марушко, потому что от него «пахнет деревней». «Деревня пахнет хлебом, товарищи!» — восклицал один из ораторов. Не буду перечислять другие «обвинения» — противно. Коллективно «гоняли ведьму», а роль ведьмы досталась мне. Аспирант, которого я до этого и не видела, призывал: «Мы должны быть бдительными, товарищи! Вот и в университете раскрыли сионистскую организацию!» Назывались и другие вузы. Какое это отношение имело ко мне, я не представляла. Как позже выяснилось, никаких сионистских организаций нигде не было и в помине. Но некоторые вузы Киева уже захлестнула волна антисемитской истерии. В немилость попадали даже студенты, русские и украинцы по национальности, за то, что женились на студентках-еврейках. Их, оказывается, «завлекли», «вовлекли» и т. д.

Меня «молотили» до трех часов ночи. Наконец поднялся мой однокурсник Борис Кадаколович, по-моему, белорус. Он сказал:

— Ребята, вы что, с ума посходили? Она же все годы с нами училась, что мы, не знаем ее? О чем вы говорите, что вы ее затюкали?

Но это был голос одиночки. Я впервые видела, как еще вчера нормальные люди теряют здравый смысл, впадают в истерию, «разоблачают» и изничтожают человека. Зачем? Почему?

По всей стране шла охота на «сионистов» и «безродных космополитов», и наиболее ретивые в Киеве не желали остаться в стороне. Я не знаю, не помню, был ли на собрании Медведев, которого я наградила оплеухой. Про него все забыли, как и о первопричине моего «персонального дела».

Собрание закончилось в три часа ночи. Оно постановило исключить меня из комсомола и просить дирекцию исключить из института. Слава богу, на советском «дворе» был не тридцать седьмой год, потому что за таким решением тогда автоматически следовали репрессии — лагеря и смерть. Но я была готова ко всему...

Я вышла на улицу — была густая, мрачная мартовская ночь, город спал, горели лишь редкие уличные фонари, и изредка пронеслись машины. Шла в одиночестве, совершенно убитая, к себе на Красноармейскую и думала: «Что мне делать?» Решила: если меня исключат из института, я покончу счеты с этой жизнью. И я знала, что сделаю это.

В парадном подъезде моего дома вдруг увидела комсорга нашего курса. Он ждал меня, чтобы объяснить, что иначе он не мог поступить. Я не стала с ним разговаривать. У меня не было сил выслушивать его сбивчивый лепет. И сейчас помню, как жалко он выглядел.

Дома вновь вспоминала, что говорили на этом собрании в большом зале, где собрались комсомольцы всего института. Я не могла понять: как за пощечиной хулигану могло забыться то, что я воевала, защищала Родину? Всеобщая истерия — страшная вещь. Выдержать этот «показательный процесс», судилище и остаться здоровой, грубо говоря, не свихнуться — это было непросто. Я выдержала, потому что буквально на следующий день ко мне пришла неожиданная помощь.

Я встала, как всегда, рано, надо было идти на занятия — меня пока еще не исключили. Была так измолочена, так побита, что потребовалось собрать все свои силы, чтобы пойти в институт. Вошла в аудиторию, ни на кого не глядя. Жуткая ситуация... Никто со мной не разговаривал, я — чужачка, меня уже определили во «враги». Мелькнула даже мысль — а вдруг кто-нибудь из заклятых «активистов» спросит: «А ты что здесь делаешь?» Я была готова ко всему.

В аудиторию вошел художественный руководитель курса Иван Иванович Чабаненко — обычно у нас первые две пары были занятиями по актерскому мастерству. Иван Иванович сказал:

— Ох, я забыл журнал в деканате. Быстрицкая, пожалуйста, пойдите принесите его.

Я пошла за журналом. Возвращаюсь — не хочется входить в аудиторию. Решила, что неспроста меня «выделили». Обычно никогда ни за чем не посылали, по мелким поручениям ходили мальчишки. Мне не хотелось переступить порог аудитории, и я остановилась у неплотно прикрытой двери. И вдруг услышала, как Иван Иванович говорит:

— Если кто-нибудь из вас напомнит ей хоть словом, хоть взглядом о том позоре, который вы учинили ночью, — выгоню! Так и знайте.

Всем было известно, что Иван Иванович не меняет своих решений.

У меня в горле застрял комок. Я поняла, что он не отдаст меня. Вошла в аудиторию, положила журнал на кафедру, прошла в тишине на свое место. Для меня вопрос еще ночью, на рассвете стоял трагически определенно: жить или не жить — чисто гамлетовский вопрос. А теперь я решила, что буду не только жить, но и учиться дальше. Но никогда не прощу того позора, который мне устроили, и после окончания института при первой же возможности уеду из Киева, с Украины. Даже не знаю, кого я собиралась этим наказать.

Я действительно после окончания института не была в Киеве пятнадцать лет. После длительного перерыва приехала впервые с моим Малым театром на гастроли. Это был, как говорится, тяжелый случай — я снова все вспомнила: боль ушла, но человек не властен над

памятью.

Но пока все шло «по порядку». Через какое-то время меня вызвали в райком комсомола. Райкомовский работник сказал мне:

— Дай комсомольский билет...

— Нет! — твердо заявила я. — Билет я получала на фронте! Вот, можете посмотреть издалека — вам я его не отдам!

Эти ценности того времени сегодня считаются дикостью. Но тогда я не представляла, как могу расстаться с комсомольским билетом. Современная молодежь не может понять, как мы жили, как позволяли вот так к нам относиться и вести себя так, как вели. Но ведь мы были честными и чистыми! И просто не знали другой жизни. По крайней мере, многие из нас или почти все.

Работник райкома сказал:

— Хорошо, просто покажи билет, мы хотим посмотреть, уплачены ли взносы.

Я ответила:

— Уплачены! Смотрите, все отмечено!

Тут же был Медведев — он не уплатил взносы за несколько месяцев. Услышав это, я почувствовала себя удовлетворенной. Мне вынесли строгий выговор — об исключении из комсомола речи не шло. Через два месяца его сняли... Но за что мне «выговорили», я так и не поняла — ведь я была права! Меня оскорбили и меня же наказали...

Нелегко было пройти через все это. Но я не позволяла себе впасть в отчаяние, опустить руки. Училась, как обычно, на пятерки, готовилась к выпускным экзаменам. Моей дипломной работой была роль Поэмы в спектакле «Не называя фамилий» В. Минко, популярного драматурга, написавшего нечто вроде пародии на нравы «золотой молодежи».

И педагоги, и сокурсники говорили, что роль Поэмы мне удалась. Я же быстро выбросила из памяти свою глуповатую героиню. Однако она вскоре напомнила о себе...

Назначение в тупик

Еще до получения диплома мы на курсе бурно обсуждали, кого куда пошлют и кому где предстоит работать. Тогда был жесткий порядок: два года надо отработать по «назначению».

Комиссия по распределению выпускников института направила меня в Херсонский музыкально-драматический театр. Предстоял отъезд в Херсон, и я понятия не имела, как буду там жить, какие роли играть. Было еще в памяти комсомольское собрание, и я помнила свое решение уехать с Украины...

В это время в Киев приехал главный режиссер Херсонского театра. Навсегда запомнила его фамилию — Павел Морозенко. Встретилась с ним. Морозенко бросил на меня оценивающий взгляд. Ткнул в меня пальчиком и сказал:

— Сегодня о сьомий, ресторан «Спорт»...

Он предлагал мне в семь часов встретиться в ресторане.

— А я не пиду...

— Ну дывись, тоби у мене працювати...

Я воспроизвожу этот диалог на украинском, тогда тамошние провинциальные «деятели культуры» демонстративно говорили на украинском. Но, думаю, читателям понятно и без перевода, для чего он меня приглашал в ресторан.

Морозенко развернулся и ушел. А я буквально закипела. Мне у него работать!.. Во-первых, не у него, а в Херсонском театре. А во-вторых, не поеду я туда! Ехать, чтобы из меня этот Павел Морозенко сделал неизвестно кого? А точнее, известно, не такой уж я была наивной, чтобы не понимать этого.

На следующий день я пошла в Бюро учета и распределения кадров Комитета культуры УССР. Руководила бюро женщина — чиновная, очень уверенная в себе. Я сказала:

— Не поеду в Херсон.

— А чому це так?

Я ей рассказала о «предложении» Морозенко.

Она на меня посмотрела с деланным удивлением и изрекла:

— Вы порочите наши кадры!

Я задохнулась от возмущения: меня режиссер пытается затащить в постель, и я же еще порочу эту «кадру»!

Было очевидно, что дама меня заставит туда поехать. Но я не хотела попасть в публичный дом!

Решительно повторила вальяжной чиновнице:

— В Херсон я не поеду.

Она не стала меня уговаривать: зачем тратить время на какую-то девицу? Куда она денется — не первая такая строптивая...

Не скрою, через несколько лет, когда я уже снялась в роли Аксиньи в «Тихом Доне» и успешно дебютировала в Малом театре, меня очень подмывало позвонить и ей, и «товарищу» Морозенко. И спросить:

— Ну як вы там?

Я знала, что Херсонский театр под руководством этого сластолюбивого режиссера медленно угасал. В своей не короткой творческой жизни я не раз была свидетелем того, как умирает театр, режиссер которого превратил актрис в свой гарем. Искусство не прощает распушенности...

Из Комитета культуры я вышла с твердым намерением взять свою судьбу в собственные руки. Размышляла, думала, искала выход. И решила попытать счастья в Московском театре имени Моссовета, который был в то время на гастролях в Киеве. Требовалось «показаться» художественному совету и руководителю этого театра — а вдруг меня возьмут, случаются же чудеса... Я уже к этому времени снялась в одном фильме, начинала сниматься в другом. Невелик, конечно, творческий багаж, но я им гордилась.

Добилась, чтобы меня принял Юрий Александрович Завадский. Пробивалась к нему очень долго, наконец пришла в Оперный театр, где шли спектакли Театра имени Моссовета. Завадский был на месте. Я очень нервничала — шутка сказать, встретиться с самим Завадским! Он разговаривал со мной в коридоре, мне это показалось плохим признаком. Волнуясь, стала говорить, как хотела бы работать в Москве, в его театре.

Юрий Александрович перебил:

— У кого вы учились?

— У Ивана Ивановича Чабаненко...

— А, так я его знаю, пусть он мне позвонит и расскажет о вас.

— Хорошо, — ответила я.

В институте уже жизнь замерла, сессия прошла, студенты уехали на каникулы, преподаватели — в отпуск. И я позвонила Ивану Ивановичу домой.

Мне на его квартире ответили:

— Иван Иванович поехал в Плюты на дачу.

Плюты — это сорок километров от Киева, на Днепре. Как туда попасть? Кто-то из моих друзей сказал, что есть такой парень, молодой архитектор, который строил в Плютах дачу драматургу Александру Корнейчуку, где тот и живет вместе с женой, писательницей Вандой Василевской.

Я нашла этого парня и попросила его поехать со мной.

— А мне тоже туда нужно, — кивнул архитектор. — Поплывем... Завтра в восемь утра отходит пароход прямо до Плютов.

В половине восьмого я была на пристани. Ни одного билета на этот пароход не было, и на наших глазах он отчалил.

Я пришла в отчаяние. Затягивать время нельзя, каждый день надо было что-то есть, а уже не на что... И я спросила архитектора:

— Петя, а как еще можно попасть в Плюты?

Он ответил:

— Пешком.

— Как? Сорок километров пешком?

— Ну, а что делать? До Корчеватого можно доехать на автобусе, а там все равно пешком.

Мы поехали на автобусе до Корчеватого — это восемь километров. Тридцать два километра надо было пройти пешком.

Когда мы вышли из автобуса, шел проливной дождь. Мы сразу промокли, никакого попутного транспорта не было. И пошли мы по шляху. Видела я тогда очень интересный мираж... Дождь вскоре кончился, и сразу наступила жуткая жара. И где-то на горизонте этот шлях блестел, будто река. Красиво!

Оставалось пройти совсем немного, когда нас догнала грузовая машина, на которой перевозили выкорчеванные пни. Шофер сжалился над нами и посадил на эти пни. По проселочной дороге доехали до Плютов и попросили остановиться у дачи Корнейчука.

Я не помню эту дачу, помню Ванду Львовну Василевскую — жену писателя. Она вышла нам навстречу босиком по прохладной земле и напоила холодной водой из погреба.

Я спросила:

— Где найти Ивана Ивановича?

— У Кривого, на краю Плютов.

Я сообразила, что Кривой — это один из местных жителей. Мы пошли искать хату Кривого. Нашли, и я спросила у хозяина:

— Скажите, пожалуйста, где Иван Иванович?

— А он утром уехал в Киев.

Я догадалась, что Иван Иванович уехал в одной из тех машин, которые шли нам навстречу, когда мы добирались до Плютов.

Ужас! Прodelать такой путь — и напрасно? Я даже не задумывалась, когда мы добирались до Плютов: а как же обратно? Такая простенькая мысль не приходила в голову. Была цель, ее надо было достигнуть, а уж потом разберемся...

Кривой, увидев нашу растерянность, стал давать разные советы. Среди них оказался и очень дельный. Из местного дома отдыха в Киев должна идти машина, и если мы поторопимся, то, может, успеем ее перехватить.

Мы помчались в дом отдыха. Там действительно стояла грузовая машина с уже работающим мотором. Ее кузов был битком набит людьми, как бочка сельдями. У самого края, у заднего бортика, нам с Петей достались места — люди потеснились, наверное, им просто стало нас жаль.

В Клеве мы приехали в половине одиннадцатого вечера, и я сразу бросилась к телефону-автомату.

Позвонила Ивану Ивановичу домой и попросила его о встрече. Сообщила, что ездила к нему в Плюты, но мы разминулись, а мне надо обязательно с ним поговорить. Наверное, что-то в моем голосе было такое, отчего он не стал задавать вопросы типа «о чем?». Просто предложил прийти на следующий день к десяти утра в институт.

Я пришла в точно назначенное время и рассказала Ивану Ивановичу, зачем я его искала в Плютах.

— Я прошу вас позвонить Юрию Александровичу Завадскому и рассказать обо мне.

Он ответил, что не может звонить Завадскому, хотя действительно с ним знаком, но правила гостеприимства таковы, что тогда надо пригласить его встретиться. Однако Иван Иванович на это не имеет ни времени, ни возможностей, и вообще его семья сейчас не в Клеве... Словом, есть масса сложностей.

И тогда я сказала, что брала с собою в Плюты почтовую бумагу и конверт, зная, что оттуда невозможно позвонить.

— Я не скажу Завадскому о том, что вы в Клеве, — и протянула ему бумагу и конверт.

Иван Иванович внимательно, долго на меня смотрел, потом взял бумагу. Пока он

писал, я сидела молча, сердце у меня вылетало из груди от напряжения и волнения. Когда Иван Иванович закончил, он протянул мне листок и сказал:

— Прочтите, я потом запечатаю.

Это был очень хороший отзыв обо мне. Просто великолепный.

Отзыв растрогал меня до слез. Второй раз Иван Иванович приходил мне на помощь. Ведь это он на следующий день памятного мне собрания привел в чувство оголтелую комсомольскую «братву».

Я отнесла это письмо Завадскому — отдала в коридоре Оперного театра. Стала ждать, что меня позовут на показ. Звонила-названивала, спрашивала. В конце концов проела все деньги, какие у меня были, и почувствовала, что, как говорили в войну, костлявая рука голода скоро схватит меня за горло. Шутка шуткой, но есть надо было каждый день. Требовалось как-то решать эту проблему, услышать «да» или «нет».

Помню, позвонила в очередной раз Завадскому и, может быть, была в разговоре излишне резка. Он спросил с недоумением:

— А что, собственно говоря, вам нужно?

Я ответила уже спокойнее:

— Чтобы меня прослушали.

Юрий Александрович назначил время. На последние деньги я купила пару чулок своей партнерше, моей однокурснице, чтобы она не чувствовала себя обойденной. Ради меня она не уехала из Киева на каникулы, задержалась, и мне хотелось ее поблагодарить. Нынешние выпускницы театральных институтов мне не поверят, но для нас чулки были тогда большой роскошью. Сказала подруге:

— Смотреть ведь нас будут двоих, а кого возьмут — неизвестно.

Я не обманывала: моя партнерша-однокурсница тоже получила возможность себя показать. А дальше — как сложится...

И мы отправились. Собрался художественный совет, внимательно нас посмотрели, ничего мне не говорили. Я показывала отрывок из дипломного спектакля «Не называя фамилий» В. Минко. Моя глупенькая Поэма вторично напомнила о себе.

Пока художественный совет совещался, я ждала. Наконец мне сообщили, что меня возьмут. И выдали мне на руки запрос.

Я поехала с этим запросом в Комитет культуры УССР, с тем чтобы меня направили на работу в Театр имени Моссовета. Пришла в приемную начальника Управления театров. Там услышала, как секретарь кому-то объясняла, что ее начальник через двадцать минут должен уехать в Харьков. Я испугалась, что не попаду к нему. Но он все-таки меня принял. Подала я ему мое заявление с просьбой направить меня в Театр имени Моссовета и запрос театра.

Начальник управления эти бумаги просто отшвырнул от себя и сказал:

— Мы свои кадры не выдаем...

Я вышла от него ужасно расстроенная: затратить столько сил, так много сделать, чтобы попасть в московский театр и получить отказ таким образом! Я расплакалась. И уже на улице вдруг подумала: этот начальник скоро уедет, а если бы я его не застала, к кому бы я пошла? Попыталась бы попасть на прием к его руководителю. Я не привыкла сдаваться без боя. И направилась к заместителю министра. Меня к нему пустили. Не возьмусь сейчас припомнить, что я в отчаянии лепетала, но, кажется, нашла совершенно «неотразимый» довод: решается моя судьба, а украинское театральное искусство не пострадает от моего отсутствия.

Заместитель министра меня пожалел и разрешил отпустить в Москву. Думаю, понял, что это несравненно лучшее назначение для начинающей актрисы, нежели захудалый Херсонский театр. Или что-нибудь знал о Павле Морозенко...

Я получила направление, отнесла его в Театр имени Моссовета, который все еще был на гастролях в Киеве. И мы договорились с директором, что к 1 октября я приеду в Москву.

Со спокойным сердцем и с большими надеждами на будущее отправилась я в Вильнюс к родителям — отдохнуть после окончания института и приходить в себя от истории с моим

определением на работу. Честное слово, я заслужила отдых. И я не подозревала, что судьба готовит мне испытание.

Десятого сентября в Вильнюс на мое имя из Москвы пришел толстый пакет. В нем были все мои документы и небольшое официальное письмо о том, что я не могу быть принята в театр без московской прописки, меня не пропишут без работы. В те времена было немало нелепостей подобного рода. Я не могла понять, как это может быть. Выходило, что ни при каких условиях я не могу стать актрисой Театра имени Моссовета и вообще любого московского театра. Очередной тупик...

Ну что было делать? На Украину я твердо решила не возвращаться, в московский театр пробиться не смогла. И я пошла в Вильнюсский русский драматический театр проситься на работу. Мама с папой относились ко мне с сочувствием, но помочь ничем не могли. В семье убежденно считали, что быть актрисой — это не профессия. Папа так и говорил:

— Все беды в том, что у тебя нет профессии. Надо что-то уметь делать.

Он, видимо, понимал это так: проявление актерских способностей — любительское дело. Знаете эту побасенку про портного, который говорил, что если бы он стал королем, то жил бы лучше короля, потому что еще немножко бы шил...

В театр я принесла весь комплект своих документов. Отдала их и стала ожидать в приемной. В это время шел художественный совет театра. Члены совета выходили поочередно в приемную по каким-то незначительным делам. Я понимала, что они меня смотрят, чувствовала это. Потом меня пригласили к главному режиссеру, и он сказал:

— Да, конечно, то, что Завадский хотел вас взять к себе, для нас очень много значит, но все-таки хотелось бы посмотреть, что вы умеете.

Мне это очень понравилось. Сказала, какие у меня были дипломные спектакли.

— У нас как раз репетируется «Не называя фамилий», — сообщил главный режиссер.

Так моя Поэма в третий раз напомнила о себе.

Но я ведь учила роль на украинском языке! И попросила отрывок из пьесы, чтобы выучить его на русском. Кроме того, было несколько вариантов пьесы В. Минко, и я уточнила, какой из них репетируется в этом театре.

Буквально через два-три дня мне назначили показ. Я его прошла, и меня приняли...

...Через несколько лет с помощью своих друзей я выяснила, почему все-таки мне отказали в Театре имени Моссовета. В сказки об отсутствии прописки я верила недолго. Если бы театр захотел, меня взяли бы и без прописки — смогли бы ее оформить, у них была такая возможность.

Все дело оказалось в том, что в театр пришло из Киева двадцать семь анонимок: я, мол, такая и сякая... Упирали, как тогда было модно, на «моральный облик», то есть на то, что невозможно ни доказать, ни опровергнуть. И руководители театра дрогнули. Тем не менее я свое обещание выполнила — в Киев не возвратилась, осталась в Вильнюсе, о чем не жалела. А тех, кто на меня строчил клеветы, никогда не искала — Бог им судья...

Друг по имени Волк

Начало работы в Вильнюсском драматическом театре у меня совпало со съемками фильма «“Богатырь” идет в Марто». На последнем курсе института я очень подружилась с секретарем дирекции Киностудии имени А. Довженко Яной Гречушниковой. Это была очаровательная молодая женщина, вопреки своей профессии секретарши отзывчивая и добрая. Она очень за меня болела, когда я снималась в картине «В мирные дни». И, кажется, именно Яна сообщила мне, что будет сниматься новый фильм под названием «“Богатырь” идет в Марто». Я прошла пробы, и меня утвердили на роль радистки. Уехала в Вильнюс, и уже оттуда меня стали вызывать на съемки.

Этим фильмом я никогда не гордилась. Но мне было очень лестно, что работала с хорошими актерами — с Вячеславом Тихоновым, Караманом Мгеладзе и другими. Добрые, немного странные отношения у меня сложились с Николаем Афанасьевичем Крючковым,

уникальным актером и обаятельным человеком. Во время съемок это был очень приветливый, дисциплинированный, высокопрофессиональный актер. Я не помню, чтобы он капризничал, опаздывал, кому-нибудь грубил, то есть совершенно не страдал от «звездной болезни». А в свободное от работы время резко менялся...

Но обо всем по порядку. Был какой-то праздник, и меня посадили возле Николая Афанасьевича. Он что-то выпивал, а может, и ничего — не помню. Но вдруг мне сказал, чтобы я кое на что согласилась или... ушла. Я встала и гордо удалилась. После этого мы с ним стали друзьями, у него ко мне появилось совершенно другое отношение.

И был вот какой случай. Нужно было уезжать из Крыма со съемок, а он в это время, мягко говоря, был не в форме. Администратор фильма никак не мог заставить его выйти из номера. Надо было ехать из Ялты до Симферополя, и все мы очень боялись опоздать на самолет.

Администратор стал меня упрашивать:

— Попробуй ты, может, он тебя послушает...

Все уже заметили, что Николай Афанасьевич относится ко мне с теплотой.

И я действительно его уговорила, он пошел в машину. Но в спешке я забыла в своем номере сумочку с документами и билетом. Вспомнила об этом на полпути к Симферополю. С нами в машине ехал администратор, он позвонил куда-то, сказал: номер в гостинице такой-то, в нем документы и билет Быстрицкой... Дорога до Симферополя длинная, Николай Афанасьевич пришел в себя, в аэропорту договорился, чтобы меня посадили в самолет без документов и без билета. В Москве он продолжил свое «шефство» надо мной и купил билет до Вильнюса. «Но деньги ты мне возврати», — предупредил. Мне это очень понравилось. И я пообещала в свой очередной приезд в Москву отдать долг. То есть сложились нормальные человеческие отношения: он меня не «покупал», он меня выручал.

Прилетели в аэропорт в Москве, и все таксисты хотели посадить его в свои машины, называли по имени-отчеству. Такой известности, такой всенародной славы вряд ли кто-то из актеров добился. Ну, может быть, так же знали Любовь Петровну Орлову. Или Петра Алейникова. Но у Крючкова была своя слава, такой не было ни у кого.

И после съемок все мои встречи с Николаем Афанасьевичем были добрыми, теплыми. Я точно знала, почему он стал любимцем «простой», как говорят, публики. Кроме уникального, чисто русского таланта у него была широкая душа, открытая всем. Люди это интуитивно чувствовали.

Из Москвы я должна была улететь в Вильнюс — там все еще были мой дом и моя основная работа. Но у меня возникла неожиданная проблема. Я всегда мечтала обзавестись хорошей собакой. Мои друзья шутили, что у меня с собаками, которые были у многих из них, складывались странные отношения. Я с ними разговариваю, как с людьми. Я их понимаю, и они меня тоже понимают. Кажется, мы настроены на общие волны.

У Яны Гречушниковой была очень строптивая овчарка, которой она дала мое имя — Эля. «Барышня» своенравная, ее никак не удавалось спарить, «женихи» шарахались от нее с лаем и визгом. Ее отвезли в зоопарк и запустили в клетку к волку. Перед матерым волчарой Эля не устояла. Родились щенки — помесь овчарки и волка. Последыша Яна подарила мне, и я, не мудрствуя лукаво, назвала его Волком. Временно он жил у Яны.

Съемки фильма завершились. Сценарий был слабеньким, фильм получился о чем-то героически-морском, успех его не ждал. Я получила свой гонорар и засобиравшись в Вильнюс. Яна принесла двухмесячного Волка в аэропорт. Никому и в голову не пришло, что такому «пассажиру» требуются ветеринарные справки и еще какие-то документы.

Щенок сидел в корзинке, и Яне удалось уговорить стюардесс взять Волка на борт. Волк меня узнал! Он, лобастый, пушистый, буквально пищал от восторга и вообще всячески демонстрировал свою радость. А ведь я виделась с ним однажды минут сорок у Яны...

Волк себя очень хорошо вел, пока мы летели. Маленький, он уже понимал, что не следует привлекать к себе внимание.

Самолет на Вильнюс летел с посадкой в Минске. В Минске нас с Волком высадили, не

помогли никакие уговоры. То ли экипаж сменился, то ли все-таки стало известно о «недозволенном» пассажире: ветеринарный контроль был строгим. Я стала думать, как нам добраться до Вильнюса. О том, чтобы расстаться с Волком, даже не помышляла. На железной дороге нас в вагон тоже не пустили без документов на Волка. А документов у меня не было, щенка ведь мне подарили.

И мне пришлось взять такси до Вильнюса. Весь свой гонорар за фильм я потратила на это путешествие. Волк понимал, что происходит что-то необычное, жался ко мне, заглядывал в глаза. Я ему сказала: «Я тебя не брошу», — и он меня понял, успокоился. Пока мы ехали — а это не один час, мы очень подружились, и я поняла, что у меня появился друг, очень серьезная собака.

Потом Волк вырос и стал замечательным псом. Я любила с ним гулять, он с большим достоинством шел рядом и гордо нес свою красивую голову. Мы ходили на речку, и он очень любил таскать большие-большие булыжники. Возле дома из них сложилась целая горка.

Волк не терпел унижений. Ребятишки его дразнили, швыряли в него камни. Он долго не обращал на это внимания, но обидчиков запомнил и однажды не выдержал, укусил мальчишку. Волк был в строгом ошейнике, но без намордника. Он куснул, тут же принял царственную позу и пошел дальше рядом со мной. Были неприятности...

Волк жил у меня несколько лет. Когда начались съемки «Тихого Дона», я вначале брала его в экспедиции, но, естественно, постоянно не могла возить туда-сюда, уделять много внимания. Когда я уезжала, с Волком никто справиться не мог, в том числе и мои родные, он себя вел очень плохо, признавал только меня, свою хозяйку. И я подарила его хорошей семье на одном хуторе. Волк был выдрессирован, отлично нес сторожевую службу, но в городских условиях жить такому огромному псу с волчьим норовом было трудно. Я потом семь лет бегала за каждой собакой, на него похожей...

Сейчас у меня очаровательный пекинес Фифа — маленькое, очень красивое чудо. Утром Фифа обычно приходит ко мне в постель и воображает себя чрезвычайно важной персоной. Как-то у меня было плохое настроение, она это почувствовала и буквально «вымыла» мне язычком руки до локтей. Я не могла понять, с чего бы это. Никакими кремами я не натиралась. Она, очевидно, пыталась меня утешить, приласкать, и я была тронута до слез. Настроение мое поднялось — наступал обычный день.

Фифа — замечательный товарищ, она очень тонко чувствует все, что происходит вокруг. Дружочек необыкновенный, на нее посмотреть — и то радостно.

Пекинесы — китайские дворцовые собачки. Мне очень нравится легенда о том, как они появились. Лев влюбился в обезьянку... И очень страдал: обезьянка маленькая, а он такой большой! Но лев чувствовал, что обезьянка тоже к нему равнодушна. И он обратился к Богу, стал умолять, чтобы тот ему помог. Бог его спросил: «Если я тебя сделаю маленьким, как ты к этому отнесешься?» И ради любви лев на это согласился. Легенда гласит, что так появились первые пекинесы: от льва и маленькой обезьянки, от необычной и красивой любви. У меня есть картинка, на которой изображены тринадцать пекинесов: пушистые, очаровательные, и глаза у них мудрые. А под ними подпись: «Давайте жить дружно».

Моя Фифа досталась мне не очень обычным способом. Когда я рассталась с Волком, очень тосковала. Но прекрасно понимала, что моя профессия мешает обзаводиться новой большой собакой. И подумала, что могла бы приобрести маленькую собачку, которую можно возить с собой, а не оставлять дома и уговаривать знакомых присматривать за нею. Через много лет я позвала к себе на дачу друзей, и мы поехали на ближайший рынок, чтобы чего-то прикупить к столу. Мужчины сказали:

— Мы сами все купим, вы не подходите к торговкам, а то с вами все получается дороже.

Кстати, это необъяснимое явление: при взгляде на меня продавщицы немедленно поднимают цены.

Я пошла в тот рыночный ряд, где выстроились торговцы щенками, котятками, кроликами и прочей живностью. Подумывала о йоркширском терьерчике — они маленькие

такие, ершистые. И вдруг увидела, что несут крошечку, которая могла поместиться в ладошках — курносенькую очаровашку.

— Можно посмотреть? — спросила я.

— Пожалуйста.

Я взяла крошку в руки. Собачка тут же начала язычком облизывать руки, ткнулась мордашкой в щеку — веселая, ласковая.

— Как ее зовут?

И вдруг называют уменьшительное имя моей покойной мамы, Эсфирь, родные называли ее ласково Фирой. Я никогда не слышала, чтобы у собачки было имя Фира. Это было 9 августа, а 11 сентября — день смерти мамы. И я решила, что это мама посылает мне такой подарок, напоминает о себе.

Спросила, сколько стоит собачка, и услышала сумму, от которой мои длинные волосы встали дыбом. Стою и думаю, где мне такие деньги взять. Это был 1998 год — дефолт и прочие радости-гадости. Да и сегодня я бы таких денег не собрала. Стою и думаю: что продам, у кого займу? Словом, разные мысли лезли в голову, совсем не по моим финансовым возможностям. И вдруг вижу: какой-то мужчина берет собачку. Подходит ко мне, протягивает ее и говорит:

— Я ваш почитатель... Прошу, возьмите ее...

Я была потрясена и, конечно, стала отказываться, сказала, что это очень дорогой подарок и я не могу принять его от незнакомого человека.

Он стал меня уговаривать: «Я работаю в таком месте, что могу себе позволить сделать вам этот подарок. И не отказывайтесь, пожалуйста...»

С тех пор я каждый божий день вспоминаю этого незнакомца добрым словом и мысленно благодарю.

Русские драмы с литовским акцентом

В Вильнюсском русском драматическом театре я работала с удовольствием. Пусть это было не совсем то, о чем я мечтала, но сейчас, с высоты опыта моей жизни в искусстве, я понимаю, что тогда я получила хороший шанс. Сколько талантливых девочек затерялось по простой причине — первые шаги им пришлось делать в убогих провинциальных театрах, раздираемых склоками, в случайно сложившихся труппах, которыми руководили бездарные, но амбициозные режиссеры!

Я ни в коей мере не хочу бросить тень на многие прекрасные театры в больших и малых городах страны. Там работали и работают поистине одаренные актеры и режиссеры. Не случайно именно провинция бесперебойно поставляет таланты в Москву и крупные города. Провинция — это ведь не географическое понятие, этим словом в России всегда обозначали узость кругозора, миропонимания. Вильнюсский драматический театр никогда не был провинциальным — это был театр с европейскими традициями, с очень прогрессивными взглядами. В нем культивировались подчеркнуто уважительное отношение к актерам, тщательный подбор репертуара.

Моей первой ролью была роль Тани в одноименной пьесе Алексея Николаевича Арбузова. Таня — врач по профессии. Вообще я никогда не отказывалась играть на сцене врачей, даже если была слабая роль. Считала, что так я отдаю свой долг родителям, которые мечтали видеть меня врачом. Это, конечно, эфемерное утешение, тем не менее так было.

С огромным удовольствием я репетировала эту роль. Знала, конечно, что ее играла в Москве великая Мария Ивановна Бабанова. Роль действительно была замечательной, я считала, что мне крупно повезло, когда ее мне отдали. Честно говоря, я даже не рассчитывала на такое начало моей театральной карьеры в Вильнюсе.

И вот пришел день премьеры... Я попросила родителей не приходить в театр — у меня все-таки были с ними натянутые отношения: я поступила не так, как они хотели, и они не верили, что я чего-то смогу добиться. Родители сказали мне, что и не собирались идти на

мою премьеру. Возможно, я обидела их своей просьбой.

Помню, как я волновалась и как сыграла эту роль. Наконец — финальные сцены, зажглись люстры, зрители очень долго не отпускали актеров, занятых в спектакле. Потом я уже одна выходила на сцену — меня актеры буквально выталкивали из-за кулис на поклон, потому что зрители требовали «Таню». Успех был ошеломляющим. Мне преподнесла огромный букет желтых хризантем сотрудница папиного госпиталя. Не помню сейчас, кем она была — то ли сестрой-хозяйкой, то ли старшей хирургической сестрой. Но знаю, что она была фронтовичкой. И помню ее слова о том, что она сама вырастила эти цветы.

Это был первый букет, полученный мною на театральной сцене. Если я сейчас скажу, что он остался для меня самым дорогим, многие сочтут меня сентиментальной. Но это правда: первая большая роль и первые цветы...

И вот все закончилось: аплодисменты, поздравления. Я разгримировалась, дождалась своего троллейбуса и поехала домой. Наш театр был не настолько богат, чтобы развозить на машинах после спектаклей даже исполнителей главных ролей. Ехала и думала: какая же я дура! Надо было сделать так, чтобы родители посмотрели мою игру, они бы поняли, что я пошла учиться туда, куда мне надо, и что я делаю то, что и должна делать.

Вспоминаю, как поднималась по лестнице в удрученном настроении: ну вот, сейчас никто даже не будет разговаривать со мною о спектакле, домашние сделают вид, что ничего не случилось — обычный вечер...

Я позвонила, дверь распахнулась, меня ждали. Мама и папа все-таки были на спектакле! За маминой спиной я увидела, что кипит самовар, у нас его всегда ставили по праздникам. Мы сели пить чай, и папа сказал тогда:

— Твоя взяла. Работай...

Я восприняла его слова как прощение. Папа вообще всегда был лаконичен. И это было прощение очень многого. Словно бы в этот вечер я и мои родители избавлялись от всего, что нас разъединяло.

Через какое-то время я получила вторую роль врача — Ольги, тоже в спектакле А. Н. Арбузова «Годы странствий». Тогда эта пьеса шла по всей стране. Ольга мне очень нравилась, и я с большим удовольствием ее играла. Много лет уже отделяют меня от Тани и Ольги, а я их по-прежнему люблю.

Мне везло и в другом плане: я оказалась в стороне от политических бурь, которые терзали Литву в послевоенные годы. Моим делом были театр, спектакли, роли, и я не желала знать ничего иного. В нашем театре были прекрасные отношения между людьми разных национальностей, более того, национальная принадлежность ни для кого не имела значения. Меня никто и никогда там не обидел и не оскорбил. Прекрасно чувствовали себя в этом коллективе и другие актеры. Наверное, потому, что Литва изначально, с древних времен была многонациональной. Имелись, конечно, различия в отношении к тем, чьи корни были в литовской земле, и к тем, кто приехал, переселился сюда гораздо позже. Но нам никогда не давали это понять.

Из Вильнюса я выезжала в Ленинград сниматься в «Неоконченной повести». И продолжала играть в театре. У меня была замечательная роль Клавдии Ивановны — медсестры в «Повести о настоящем человеке». Я сыграла неожиданно для себя роль Аленушки в спектакле «Аленький цветочек». С удовольствием играла Варю Белую в «Порт-Артуре». Были и другие роли. Для меня большой удачей оказалось то, что я постоянно была в работе, ибо нет ничего опаснее для молодой актрисы, чем престои, ожидания и неопределенность. Роли у меня были очень разные, но я не привередничала, соглашалась на все, что требовалось моему театру. Повторю, это был хороший театр. Его главным режиссером был тогда Андрей Константинович Поляков, директором — Оленев. В труппу входили замечательные актеры — Ольга Холина, Дубравин. Моим партнером был Ефим Байковский, он сейчас в Новом театре, в Москве.

Несколько лет назад Вильнюсский театр гастролировал в Москве, я ходила на его спектакли, смотрела... Увы, из моих давних друзей там почти никого не осталось.

Художественные руководители сменились, а из тех, кто был в мое время, осталась лишь Елена Майвина. И когда бываю в Вильнюсе, обязательно иду в театр.

Я приехала в Вильнюс в 1953 году, а уехала в 1956-м. Почти три года... Вспоминаю эти годы и этот город добрым словом. В этом городе похоронены мои родители, он остается для меня родным, я его помню красивым и радушным.

Мне было очень хорошо в Вильнюсе. Во-первых, город замечательный, высокой культуры. Я имею в виду культуру быта, повседневных отношений между людьми, хотя условия жизни там, как и в других городах, были трудными.

Во-вторых, город был очень красивым... со старинными зданиями, ухоженными скверами и парками, очень чистеньким и аккуратным. Река Нерис рассекала его голубым лучом, по ее берегам было приятно гулять.

Я приобрела байдарку и часто на многие километры уходила на веслах вверх по довольно быстрому течению. Полюбила одиночество, когда остаешься наедине с природой. Однажды мои друзья пригласили меня на рыбалку — самую простую, с удочками. Первая пойманная мною рыбка оказалась для меня неожиданно завлекательной — я пристрастилась к рыбной ловле на всю жизнь. Друзья подшучивали надо мной, говорили, что это мужское занятие. Самое странное, что впоследствии я увлеклась и другими «мужскими занятиями» — о них я еще расскажу.

Возвращаясь мысленно в свой «вильнюсский период», я могу теперь сказать — хорошая это была жизнь. Удача мне сопутствовала, и самое главное — все у меня было еще впереди...

Есть причины и для сентиментальных воспоминаний. Я там снова едва не вышла замуж... Я не люблю об этом рассказывать. И сейчас ограничусь только словами о том, что такая ситуация, как говорится, имела место. Но я убедилась, что это тщетные усилия — пытаться искусственно выстроить что-то, надо поступать так, как подсказывают чувства. Мама и папа страдали, что я не замужем, они часто заводили об этом разговоры. Словом, все, как у всех: родители начинают волноваться, что у них не будет внуков. Они жили надеждами на чудо — ведь прекрасно знали, что детей иметь я не могу. В юные годы в госпиталях я, девчонка, таскала тяжелые носилки с ранеными. Не женская, и тем более не девичья это была работа. Какие у меня там были силенки! Догадываюсь, что отец знал о моих неладах со здоровьем. Но сказал мне об этом лишь несколько лет спустя, когда я и в самом деле вышла замуж. Это был приговор врача: «Детей у тебя не будет, в любом случае не стоит рисковать».

С большой болью он мне это сказал...

Признаюсь, я все время надеялась: папа ошибается, прошло уже несколько лет после войны, я чувствую себя вполне здоровой. Увы...

Сегодня я думаю: как жаль, что у меня нет детей. Правда, неизвестно, какими бы они были. И так ныне в этом плане много беды. Ничего ведь не проходит зря, ничего не дается легко. И ничто не остается безнаказанным. У беды есть странное свойство передаваться по наследству. Я не говорю о генетической наследственности, о болезнях. Речь идет о социальных последствиях. Пережитое нами явно сказывается на новых поколениях. Им в наследство досталось не только то лучшее, чем жили мы, но и проблемы в интеллектуальном, культурном развитии, созданные жестокими военными и трудными послевоенными годами.

Об этом я впервые задумалась, когда играла Ксению Румянцеву в фильме «Все остается людям». Да, правильно: все остается людям. Это значит — каждому из нас. Но чувство потери чего-то очень важного неизменно появляется у меня при мысли о детях...

Мои родители прожили в Вильнюсе до самой смерти. Папа временно уезжал: его отправляли служить в Черняховск, потом на Камчатку. Он был человеком совершенно безотказным: куда велели — туда и ехал. Но всегда возвращался в Вильнюс. Мама ездила к нему в Петропавловск-Камчатский, это было как раз в то время, когда на экраны вышла «Неоконченная повесть». Но я еще расскажу об этом...

Конечно, в театре без особого восторга относились к моим частым выездам на съемки.

Я понимала дирекцию — актрису приходилось подменять, кого-то вводить на ее роли... Со мною проводились «профилактические беседы», однажды даже в такой беседе прозвучало предостережение.

Но я не могла отказаться от съемок, ибо они словно были окном в другую, более просторную и значимую жизнь. Эти мои слова не должны восприниматься с обидой для Вильнюсского театра — актриса всегда должна желать большего. Застыть на точке первого успеха — значит подрубить свое будущее. Мне было свойственно постоянное недовольство собой, и я всегда довольно скептически воспринимала похвалы в свой адрес. Хотя, не скрою, слышать их было приятно.

К чести для моих литовских коллег того времени скажу, что они относились без зависти к тому, что меня приглашают на съемки и пробы. Просто это было неудобно театру. У меня тоже были свои претензии. Я работала уже три с половиной сезона. За это время вышла на экраны «Неоконченная повесть», и в театр зрители уже ходили «на меня». То есть я стала ощутимо помогать сборам театра. А мне все не повышали зарплату: я, как и вначале, получала шестьсот рублей. Чтобы мои нынешние читатели, когда уже иные деньги, поняли меня, объясню, что это была зарплата самой «маленькой» служащей. У секретарш иных начальников оклады были гораздо выше. И однажды я директору театра сказала: «Что же вы мне зарплату не повышаете, я ведь давно уже у вас работаю». Мне нелегко было решиться на такой разговор, и провела его я как бы мимоходом. Просто я уже устала жить в постоянной нехватке всего, что требуется нормальному человеку, тем более молодой актрисе. Директор невозмутимо ответил: «Еще не время».

Я обиделась. Жить на такие деньги было невозможно, а находиться на иждивении родителей я больше не могла и не хотела. Конечно, я подрабатывала, ездила на киносъемки, но это все от случая к случаю, возможностей что-то заработать было немного. Да и платили «актрисе из Вильнюса» за съемки не очень щедро... И все чаще я задумывалась над тем, что, как бы ни было мне уютно в Вильнюсе, надо думать о будущем.

Неоконченная повесть со счастливым финалом

Две первые главные роли — Тани в одноименной пьесе Арбузова и Ольги в его же пьесе «Годы странствий» — стали для меня как бы пропуском в новый фильм. «Таню» и «Годы странствий» Вильнюсский театр привез на гастроли в Ленинград. Там вскоре меня пригласили на киностудию «Лен-фильм» на кинопробы. Запускался фильм «Неоконченная повесть». Снимал его Фридрих Маркович Эрмлер. Я знала, конечно, что это великий режиссер, и очень хотела сниматься у него. Для этого надо было, как и обычно, пройти пробы. Тогда ведь не брали актрису или актера, как сейчас: режиссер хочет (что касается актрис, то иногда в буквальном смысле), приглашает — и все. Тогда были конкурсы на роль. Я выиграла эту пробу.

К этому времени я заканчивала работу уже во втором своем фильме ««Богатырь» вдет в Марто». Напомню, что в моем первом фильме, «В мирные дни», я сыграла врача, позже мне еще несколько раз приходилось выступать именно в этом амплуа. Роль была никакой, хотя, к моему удивлению, фильм продолжает жить, и его совсем недавно показали по телевидению в годовщину гибели подводного крейсера «Курск». Это ни с чем не сравнимое чувство — увидеть себя на экране совсем юной, словно бы вновь окунуться в давно минувшие времена с их страстями и наивными надеждами.

Но вспомнила я об этом фильме вот почему. Когда Эрмлер посмотрел ««Богатырь» вдет в Марто», он — человек прямой — сказал:

— Если бы я увидел его раньше, ни за что не пригласил бы вас в «Неоконченную повесть».

Я не могла ему объяснить, почему так бледно выгляжу в фильме. А было так... Оператор Шамшурин полез ко мне с поцелуями. И я, отталкивая его, произнесла очень резкие слова. Мне было жутко противно. Такой характер: если человек мне не нравится, так

ему лучше ко мне не подходить. Я его со злостью отшвырнула, а он, упираясь, буквально прошипел:

— Я тебя так сниму, что тебя вообще никто и никогда не будет снимать.

У оператора много возможностей показать актрису на экране в очень невыгодном свете. Шамшурич «постарался», и отзыв Эрмлера это подтвердил.

Я страшно огорчилась и лишь позже поняла, что он так своеобразно пошутил. Я была очень доверчивой, и меня часто разыгрывали. Помню, что-то на съемках не ладилось, все в напряжении, какие-то взвинченные, и Эрмлер сказал мне:

— Ну представь, ты одна в доме и собираешься куда-то идти... Что обычно делает женщина в таких случаях?

Я посмотрелась в зеркало, поправила прическу, одернула на себе платье.

— Нет, этого недостаточно, — решил Эрмлер. — Ты одна в доме, понимаешь? Поправь чулок наверху. Проверь, все ли у тебя в порядке...

С большой добросовестностью я выполнила указания режиссера, и на площадке раздался гомерический хохот. Просто заставить меня показать что-либо из того, что непривычно, было невозможно, а вот подобным образом... Были и другие розыгрыши — смешные и не очень, но для меня каждый день работы с Эрмлером, великим режиссером, был счастьем. До него меня на съемках не столько снимали, сколько фотографировали то, что я делаю. Профессия киноактера для меня началась, собственно, с работы у Эрмлера. Я стала понимать, для чего я в кадре и что от меня требуется, почему я такая, а не другая...

Съемки длились полгода. Помню последний съемочный день. Снимали финальный крупный план. Эрмлер сказал:

— Всю свою жизнь, сколько ты будешь жить, ты будешь вспоминать этот день. Сегодня мы сделали тебе прижизненный памятник.

И действительно, фильм «Неоконченная повесть» заканчивается «длинным» кадром, идущим достаточно большое экранное время, — мой крупный план.

Я вспоминаю этот день, вспоминаю Эрмлера, Семена Деревянского, который был вторым режиссером, многих актеров. Это благодарная память, и время не в силах ее стереть.

Моим партнером был Сергей Бондарчук — тогда молодой, очень красивый, еще не «забронзовевший». У меня не сложились с ним отношения. К сожалению, это отразилось потом на моей жизни. И даже сегодня, когда я сталкиваюсь с людьми, которые работали с Сергеем Федоровичем, с его поклонниками, родственниками и друзьями, чувствую их отрицательную энергию по отношению ко мне. Приходилось не раз слышать в киношной среде, что у него был тяжелый характер, временами он мог быть просто нетерпим. Возможно, это и так. Но он был при всем при том очень талантливым человеком. Наша интуитивная неприязнь — так бывает — никак не сказалась на фильме, зрители ее не только не заметили — они восхищались чистотой взаимоотношений героя и героини. Потом мне доводилось играть со многими замечательными актерами, но Сергей Бондарчук — первый из них.

Я всерьез думала, что у фильма «Неоконченная повесть» символическое для меня название. Моя личная киноповесть начиналась именно с него, и я надеялась, верила, что у нее будет продолжение. Съемки фильма оказались счастливым для меня временем. И хотя это был третий мой фильм, но в киномире я все еще оставалась новичком. Мне требовалось осваиваться в нем, искать свое место, добиваться, чтобы этот сложный мир после первых удач не отторгнул меня. Это было очень непросто, а в одиночку просто невозможно. К счастью, судьба подарила мне встречи с замечательными мастерами киноискусства. Я уже говорила о том, какую роль сыграли в моей жизни Эрмлер, Семен Деревянский. Уникальным актером и редким человеком был Эраст Павлович Гарин. Вспоминаю, как однажды ранним утром, а может, даже и ночью (стояли белые ночи, и невозможно было без часов определить время), в моем гостиничном номере раздался звонок. Я еще была не одета, что-то набросила на себя, подошла к двери, открыла. Это был Эраст Павлович Гарин. Он протянул мне ландыши. Мне и в голову не могло прийти, что это «знак» ухаживания. Я поставила цветы,

потом мы сидели и разговаривали, по-моему, я даже приготовила чай. И вдруг я спросила его:

— Эраст Павлович, а который час?

У меня тогда еще не было часов.

Он ответил:

— Шесть...

Во сколько же он тогда пришел?

Где-то часов в восемь я отправилась на студию. За мной приехала помреж, с которой мы были в очень добрых отношениях, я ей рассказала, что ко мне заходил Эраст Павлович, принес цветы, пробыл недолго, и я так и не поняла, зачем он приходил. Помреж протянула загадочно:

— А-а-а, вон что...

И тут я узнала, что вчера вечером состоялся художественный совет и один из его членов предложил заменить актрису, которая, по его словам, ничем себя не проявила. Этой актрисой была я. Он хотел, чтобы главную роль отдали его жене.

Меня отстоял Эрмлер, и очень защищал Эраст Павлович. Я уже снималась в сцене с Гариным, и режиссер видел: я что-то могу, умею. Напомню, что героиня картины врач. Я жила в этом фильме той жизнью, которую знала, все получалось достоверно, мне даже не требовались консультанты.

Эраст Павлович, видимо, хотел, хотя впоследствии мы никогда не говорили об этом, как-то поднять мое настроение. Он боялся, что я приеду на студию, что-то узнаю о художественном совете и это выбьет меня из колеи, помешает работать. И он очень тонко дал понять, что требование снять меня с роли — амбициозная нелепость. Я хорошо делаю свою работу, и это признают коллеги. Да, с его стороны такие слова были проявлением добра, душевной щедрости.

Я впоследствии неоднократно встречалась с Эрастом Павловичем. Обычно это случалось в связи с какими-либо событиями. Помню, приходила к нему в театр не очень часто, потому что опасалась быть надоедливой. Я до сих пор чту Эраста Павловича как артиста и художника.

Мне, надо сказать, везло на хороших людей. Много лет спустя я летела в Америку с делегацией, которую возглавлял Николай Константинович Черкасов. У меня очень болели уши в самолете, на высоте. Было так больно, что я стонала, хотя всячески пыталась сдержаться. Рядом со мной сидел Николай Константинович, он складывал свои длинные-длинные ладони, приоткрывал их, как бы имитируя зевок, и приговаривал: «Зевай, Линуша, зевай».

Была ночь, перелет длился тогда семнадцать часов, это довольно тяжело, а меня к тому же настигла моя всегдашняя беда — боль в ушах...

Сочувствие к страдающему человеку — не такое уж и редкое качество. Но оно может быть естественным или показным. Николай Константинович был очень искренним человеком.

Памятны мне и встречи с Софьей Владимировной Гиацинтовой, с которой мы вместе играли в «Неоконченной повести». Общение с большими мастерами всегда являлось для меня школой. Каждый раз я чувствовала, что познаю то, что мне не было дано смолоду, что не могла получить в юные годы. Я смотрю на своих коллег, которые выросли в окружении мастеров театра или кино, писателей, — у них все получалось как-то легче, потому что генетическая память существует как бы сама по себе, но, кроме того, есть еще память детских лет. Все знают, что если в детстве мы изучаем какой-либо язык, то он остается с нами навсегда. А у меня были большие пробелы из-за войны, жизни в провинциальном тихом украинском городке, и мне многое приходилось познавать уже позже, будучи взрослой.

Почти всегда в беседах с выдающимися людьми я молчала, впитывая то, что могла узнать от них. Гении щедро одаривают искорками своего таланта, даже не замечая этого. Встречаясь с Софьей Владимировной, я поняла, какой это большой мастер. Мне было с нею

приятно и удобно работать.

Я вспоминаю «Неоконченную повесть» как истинное начало моей работы. Это время для меня оказалось очень насыщенным разными событиями, встречами, планами, поисками себя. Кроме съемок у меня проходили очень интересные пробы. Мне предложили попробоваться на роль Джеммы в «Оводе». Я пришла, уже загримировавшись, в павильон. Мне очень хотелось тогда играть все, что только возможно. А Джемма в «Оводе» — это же так здорово! На роль Овода пробовался замечательный Олег Стриженов. Черноволосого красавца я увидела в фотоцехе, куда меня привели делать фотографии. А когда пришла репетировать — там сидел другой актер, какой-то блондин. Достаточно миловидный, но я прежде всего почему-то заметила веснушки... Я не хотела репетировать с «блондином», была уверена, что буду играть со Стриженовым. Так и уехала, решив, что Олега подменяют другим актером: характер все-таки проявляется. Нет и нет! Я прямо сказала, что вижу себя в фильме только вместе со Стриженовым.

Недавно разговорились с Олегом на какой-то очередной киновстрече. И я напомнила ему об этом эпизоде. Он его запомнил совсем иначе, но оба мы немножко пожалели, что тогда судьба не свела нас вместе в одной картине. Олег очень уважительно относится ко мне, а я считаю, что он блистательный артист, который, к сожалению, не так востребован, как подобает человеку его таланта. Многие мог бы сыграть — и в молодые годы, и сегодня...

Еще у меня была проба на роль Виолы и Себастьяна в «Двенадцатой ночи». (Забегая вперед, скажу, что в этом фильме потом блестяще сыграла Клара Лучко, и я искренне порадовалась за нее.) Я была вся тогда в сомнениях и тревогах. «Двенадцатую ночь» должен был снимать Ян Борисович Фрид, очень известный режиссер, о котором говорили, что он не знает провалов. К тому же съемки намечались в Крыму — какой соблазн!

И я решила пойти на пробы. Явилась очень взволнованной, так как слабо представляла роль. Моим партнером был Вадим Медведев, и естественно, мне захотелось с ним посоветоваться:

— Я еще в стихах ничего не играла... И Шекспир для меня впервые... Какая она, по-твоему, Виола?

Вадим с умным видом стал мне объяснять:

— Ну, понимаешь, Виола... Виола... Это как виолончель...

Мне и в голову не пришло, что надо мной подшучивают.

Пусть не со злобой, но вполне достаточно, чтобы я предстала в нелепом свете.

Пробы проходили ночью, времени для того, чтобы настроиться, практически не было. Все нервничали, а я — вдвойне. Почему-то стало жутко обидно, что мою героиню, а следовательно и меня, сравнили с виолончелью...

Вторым режиссером назначили, кажется, Катю Кудрявцеву. Смотрю — у нее в глазах тоска. Спасибо, что она не поддалась первому впечатлению, возникшему от моей игры, вовремя «подправила», и вскоре я узнала, что меня утвердили. На студии пошли бурные разговоры: нашли, мол, молоденькую талантливую актрису, и меня хочет посмотреть сам мэтр, то есть Ян Борисович Фрид. Повели в костюмерную, стали облачать в одежду Себастьяна. Я пыталась возражать, что-то лепетала, но меня никто не слушал. Да и зачем слушать, если мало кому известной актрисе привалило такое счастье?

Наша беседа с Яном Борисовичем состоялась. Я поблагодарила его и сказала, что вынуждена отказаться от роли, так как в это время меня утвердили на роль в «Неоконченной повести». Можно представить, как я краснела и бледнела, объявляя эту новость знаменитому режиссеру. Он не стал меня упрекать в том, что потрачены время, деньги, усилия многих людей, хотя и имел на это право. Ян Борисович недоумевал. Он искренне не мог понять, как можно предпочесть какую-то «Неоконченную повесть» Шекспиру.

— Но почему? — спрашивал он. — Объясните мне, почему? Здесь две роли и Шекспир, а там — Исаев и Эрмлер... И еще неизвестно, разрешат ли ему снимать...

Ян Борисович намекал на неприятности, которые обрушили злопыхатели на Эрмлера.

— Боюсь, ваша «повесть» так и останется неоконченной, — Ян Борисович проговорил

это без злорадства, скорее с сожалением.

Тогда никто из крупных мастеров не был застрахован от неожиданных и потому особенно болезненных и опасных нападков. Волны всевозможных «разоблачений» катились одна за другой. Я в это не особенно вникала, мне казалось, что подобное ни в коей мере меня не касается. А вот в ответ на «почему?» я сказала Яну Борисовичу со свойственной молодости наивной бесцеремонностью жуткую вещь:

— Вот если бы вам предложили работу на «Мосфильме» или на студии Довженко, что бы вы выбрали?

— А почему вы считаете, что «Двенадцатая ночь» — это «Студия Довженко»? — внешне спокойно поинтересовался Фрид.

На это мне было нечего ответить. Лишь позже я поняла, что сморозила глупость и обидела известного режиссера, всуе помянув студию, над фильмами которой тогда много потешались. Мне нужно было ему просто сказать, что героиня «Неоконченной повести» — врач, а я с военных лет боготворю врачей и считаю, что жертвеннее и благороднее этой профессии на земле нет...

Эрмлер, без сомнения, выдающийся человек и режиссер. В то время, когда я с ним познакомилась, было принято восхищаться ветеранами партии, героикой Гражданской войны, пафосом социалистического строительства. Такими нас воспитали, и здесь ничего, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Героики в жизни Фридриха Марковича было много. Он вступил в партию в 1919 году. В Гражданскую был в рядах Красной Армии, служил в органах ВЧК. Его карьера кинематографиста началась в 1923 году с поступления на актерское отделение Ленинградского института экранного искусства — был тогда такой. Работал в сценарном отделе ленинградской кинофабрики «Севзапкино», вскоре организовал экспериментальную киномастерскую.

Именно в этой мастерской он поставил свой первый фильм — эксцентрическую комедию «Скарлатина».

В двадцатые годы фильмы Эрмлера вызывали бурные дискуссии среди общественности. Он был по характеру экспериментатором, чутко слышал все новое. Одним из первых кинематографистов оценил возможности звукового кино и снял первый звуковой фильм «Встречный».

Творчество Эрмлера мы изучали в институте — при жизни режиссера его фильмы стали классикой. Об одних его картинах я лишь слышала, другие видела, о третьих ничего не знала. Но одна лента мне была особенно близка — «Она защищает Родину», в которой русскую женщину, Прасковью Лукьянову, блестяще сыграла Вера Марецкая. Это был фильм о войне, а все, что касалось войны, для меня свято.

Сниматься в фильмах у Эрмлера считалось сверхпочетно. Это я понимала. Как и то, что я, начинающая киноактриса, в случае удачи могла получить «пропуск» в большое кино. Но, конечно, такие меркантильные соображения не являлись для меня главными: Эрмлер был человеком-легендой, а прикосновение к легенде всегда волнует. Очень вдохновляло и то, что «Неоконченная повесть» — первый советский цветной фильм. На Западе, в Голливуде, тогда уже почти полностью перешли на съемки цветных картин. И у нас наконец тоже решились попробовать. И дело здесь было не только в рутине и косности. Цветной фильм стоил намного дороже черно-белого. С улыбкой сегодня приходится вспоминать тогдашние бурные дискуссии о черно-белом и цветном кино, о том, что черно-белое является более «жизнеспособным и действенным».

Я была, впрочем, далека от этих дискуссий — вчерашняя студентка, начинающая киноактриса, пытающаяся поймать свою удачу. Но мне очень хотелось увидеть себя на экране в цвете, в красках. Я мало думала о том, что буду участвовать в очередном масштабном эксперименте Эрмлера — после «Неоконченной повести» недоверие к цветному кино оказалось разрушено. Так бывает: мы делаем работу, значимость которой проявляется лишь по прошествии времени.

Но вернусь к тем дням, когда делала выбор между «Неоконченной повестью» и

«Двенадцатой ночью». Я не восприняла слова Яна Борисовича Фрида всерьез, ибо мне было непонятно, что может помешать Эрмлеру снять фильм. Лишь позже я узнала, что поводом для его неприятностей послужила работа над какой-то комедией, где Игорь Ильинский ехал на белой «Чайке» и бросал реплики, которые бдительные киночиновники сочли крамольными, издевательскими для высоких руководителей страны. Тогда ведь выискивалась крамола везде, в том числе и там, где ее заведомо быть не могло. Но Эрмлера даже после фильма «Великий гражданин», посвященного памяти С. М. Кирова, уже обвиняли в том, что он находится в плену «ошибочных воззрений».

Эрмлер, как я теперь понимаю, тяжело переживал нападки, хмурое недовольство руководящих деятелей. К тому же он тяжело болел, жизнь его основательно потрепала, хотя было ему всего пятьдесят. Эрмлер защищался одиночеством. У него в комнате стояла то ли раскладушка, то ли старый диван, он все время лежал и выходил только на съемки. А в комнату никому не разрешалось заходить, нам говорили, что Фридрих Маркович отдыхает...

Когда началась работа над картиной, я поняла, какое это счастье быть рядом с таким режиссером, как Эрмлер. Никакие институты не могли научить мастерству лучше, чем он! Он был удивительно тактичный и чуткий человек. Вспоминаю, как меня сильно обидел мой партнер Сергей Бондарчук, бросив в мой адрес какие-то грубые слова — не хочется даже вспоминать. Я расплакалась, грим испортился. Меня успокаивали, а Эрмлер спросил:

— В чем дело?

— Не буду сниматься с Бондарчуком! — сквозь слезы и всхлипы заявила я.

Эрмлер понял меня и в тот съемочный день стал сам моим партнером. Меня снимали крупным планом, а моего «партнера» так, чтобы не была заметна подмена.

Я обиделась на Бондарчука, но все-таки мне пришлось понять простую истину: создавать что-то действительно ценное можно, лишь переступая через обиды и прочие эмоции. Входи в роль и делай то, что должен делать персонаж. Требуется время, чтобы к этому привыкнуть.

Вопреки пессимистическим прогнозам Я. Б. Фрида, Эрмлер успешно закончил наш фильм. После премьеры — естественно, в Москве и Ленинграде — «Неоконченная повесть» начала неторопливое шествие по экранам страны. Копий было мало — за этим не скрывался злой умысел, просто сэкономили на пленке. Прошло довольно много времени, прежде чем наш фильм добрался до Камчатки, где служил отец. Мама тогда гостила у него. Вдвоем они посмотрели фильм... Он произвел на них большое впечатление: родители с трудом верили, что на экране — я, их дочь. Была зима, Петропавловск-Камчатский заметала свирепая пурга, ночь начиналась рано — темень и круговороты снега. Между домами и вдоль улиц были протянуты канаты, и люди шли, держась за них, чтобы пурга не сбила с ног, не унесла, не замела. Так, каждый вечер мама и папа, держась за эти веревки, ходили в кинотеатр на встречу со своей своенравной дочерью. Они приглашали с собою друзей и очень гордились мной. Как мне хотелось быть в эти часы с ними! Но где Вильнюс, Ленинград, Москва, а где Камчатка...

Папа меня «простил» после арбузовской «Тани». После «Неоконченной повести» он меня признал.

Успех был триумфальным. В одной рецензии я прочитала, что это фильм о духовном мире советской интеллигенции. Боже мой, какова была тогда привычка к штампам, к подготовленным кем-то для нас формулам!

Фильм «Неоконченная повесть» удивительно совпадал с моими собственными настроениями и, как потом оказалось, с настроениями многих людей. Недавно закончилась война с ее кровью, грязью, страданиями. Нашу жизнь наполняло мало светлых красок — боль недавних потерь превращала ее в непрерывную, изнурительную борьбу за выживание. Главной нашей опорой были надежды и... любовь — к родным, близким, к стране. Мы всерьез считали, что, как можно лучше выполняя свой долг, поможем стране встать на ноги после войны. И когда это произойдет, сами станем жить лучше.

Все, кто играл в «Неоконченной повести», считали, что мы делаем фильм о волшебной

силе любви — к женщине и к жизни. Меня много снимали крупными планами — Элину Быстрицкую узнала вся страна...

Любопытно, как по-разному оценивали фильм наши и зарубежные кинозрители. Об отношении и оценке советских зрителей я могу судить по нескончаемому потоку писем. Они шли на студию — на мое имя или на имя моей героини, Елизаветы Максимовны Муромцевой. «Дорогая Елизавета Максимовна!» — обращались ко мне, то есть к моей героине тысячи людей. Две главные мысли легко выделялись в тех посланиях: «именно таким должен быть советский врач» и «я сумела показать подлинное величие и духовную красоту простого советского человека». Такой прямолинейный подход меня ничуть не смущал — я и сама думала почти так же.

В год выхода на экраны «Неоконченной повести» под ее влиянием десятки тысяч девушек пошли учиться в медицинские институты. Они стали прекрасными врачами. И одна из них впоследствии даже спасла меня...

По-иному воспринимался фильм на Западе. Он широко демонстрировался во время Недели советского кино во Франции — наши кинодеятели проницательно увидели в нем возможность показать «кинотовар» лицом — этот фильм выпадал из ряда производственно-помпезных лент.

Я тогда не очень понимала такие тонкости и потому с немалым удивлением читала во французской прессе, за что «они» хвалят фильм и мою героиню.

В большой статье в «Информасьон» делался, например, вывод: появился советский фильм, в котором утверждается, что «только работы еще недостаточно для счастья». Его героиня, врач, берет на себя смелость во время заседания районного совета заявить, что заводы отравляют воздух, а директора смеются над этим, ибо «для них важно только выполнение плана. Счастье людей их не интересует».

Я была очень довольна подобной оценкой, ибо свою страстную речь на районном совете произнесла с истинным гневом — я именно так и считала.

С помощью «Неоконченной повести» французская пресса и французы с удивлением открывали для себя мир советских людей, который был известен им пока лишь по пропагандистским плакатам и брошюрам.

«Мы впервые видим героев советского фильма, одетых как городские жители, в пиджаках и галстуках, мы видим, что они слушают радио и, естественно, пользуются телефоном. Впервые мы видим обыкновенную жизнь, где работа, конечно, занимает большое место, но где «дозволено иметь личные чувства, индивидуальность...»

В газете «Либерасьон» отмечалось: «Неоконченная повесть» — это очень хороший фильм, с замечательными красками. Он в замедленном ритме показывает нам лучше, чем любой репортаж, жизнь простых людей советской России. Мы видим Ленинград ночью и днем, его утро, его школьников в белой форме, а вечером мы видим на его улицах студенток в белых платьях. Но «Неоконченная повесть» — это также и очень глубокое психологическое переживание (Так в тексте. — Э.Б.), замечательно исполненное молодой актрисой Быстрицкой».

Фридрих Маркович Эрмлер был тысячу раз прав, стараясь придать нашему фильму общечеловеческое звучание. Наш скромный быт вызывал у зарубежных зрителей неподдельное удивление: «Любопытно видеть, что врач живет в многонаселенной квартире и сама готовит себе обед, прежде чем пойти на работу».

Правда, помню, когда прочла такой вот пассаж: «Элина Быстрицкая — совершенно очаровательная докторша, которая иногда напоминает Джину Лоллобриджиду», то презрительно фыркнула. Меньше всего я хотела бы походить на Джину — эта красивая актриса была не моей героиней.

Честно признаюсь, что после выхода «Неоконченной повести» на экраны я не очень понимала глубинные истоки ее успеха. И лишь позже я пришла к выводу, что это не мы — я, Сергей Бондарчук, другие актеры — обеспечили ей счастливую судьбу. Это полностью заслуга Эрмлера, гениально угадавшего нравственные потребности общества.

После роли Елизаветы Максимовны в «Неоконченной повести» я пребывала в серьезных раздумьях. Что дальше? Было совершенно ясно, что я не должна останавливаться. Нет ничего опаснее, если после удачи актриса слишком долго «купается» в лучах известности.

Поступало много предложений сниматься и играть, но я не торопилась давать согласие. Мне было уже тридцать лет, и я не могла делать ошибочные шаги, тратить время на «проходную» работу. Материально приходилось в это время не очень легко, но я не гналась за гонорарами — хватает на жизнь, и ладно.

Я была настолько увлечена своей профессией, что мечтала сыграть роль актрисы в театре или кино. Присматривалась к известным артисткам, но не находила среди них образца для подражания. Мне казалось, что моя героиня должна быть моей современницей — советской актрисой. В одном из интервью журналу «Советский экран» я даже говорила: «Временами я отчетливо вижу мою заветную героиню. Вот передо мною ее лицо, простое и прекрасное, ее глаза, широко открытые на мир. Она внимательно всматривается в окружающую бурную жизнь, чтобы потом вдохновенно рассказать о ней людям».

Сейчас я перечитываю эти свои откровения с грустной улыбкой. Романтические начала в характерах молодых актрис того времени были необычайно сильны, на них слишком влияли весь образ жизни и профессиональная подготовка. Реальная, окружающая меня действительность была другой...

Но мечта о роли актрисы не исчезла. Впоследствии она реализовалась неожиданным образом: я с удовольствием и, надо сказать, с успехом играла актрис в классических спектаклях.

Несостоявшееся «Убийство»

Я была в то время в хорошей форме, мне сопутствовал успех. И главное — я работала самозабвенно, с огромным удовольствием. Окончательно созрело решение уйти из Вильнюсского театра. Но я хотела сделать это тактично, без обид.

Так часто бывает, что удачи соседствуют с неожиданными ударами судьбы. И жизнь подставила мне подножку тогда, когда я ее совсем не ожидала. Да такую, что я и предположить не могла.

А поначалу все складывалось хорошо. Меня пригласили на пробы в фильм «Убийство на улице Данте». Снимал его Михаил Ильич Ромм, и я была счастлива, что попала к нему. Из всех актрис, которые пробовались на главную роль, он выбрал меня.

На натуру мы поехали в Ригу. Ведь многие фильмы на сюжеты из жизни Запада снимались в прибалтийских городах. Возвратились оттуда, я пришла на «Мосфильм» готовиться к очередной съемке, а мне вдруг гример говорит:

— Что это такое у вас с глазами?

— А что с ними?

— У вас желтые белки...

Я внимательно посмотрелась в зеркало — в самом деле...

Дочь врача и сама медичка, я сразу поняла, что дело плохо, у меня начался какой-то инфекционный процесс. Врачи поставили диагноз: инфекционная желтуха, и я попала в больницу.

Полтора месяца меня ждали, чтобы продолжить съемки. Возвратилась из больницы и... не смогла работать. У меня был упадок сил, я растолстела, ни в один костюм не влезала. Видимо, я «схватила» инфекционную желтуху во время гастролей театра — ездили очень много. Скорее всего в Баку, где мы были в творческой командировке. Эта болезнь очень сильно изнуряет и тяжело проходит, ее последствия долго дают о себе знать.

Ну что делать? Я безумно переживала, ночи напролет лежала с открытыми глазами и с тяжелым сердцем. Мне становилось ясно, что сниматься не смогу. Мои коллеги по фильму раньше меня это поняли, но не торопили с решением, хотели, чтобы приняла его сама.

«Мою» роль получила Женя Козырева. Она ее сыграла хорошо, симпатично.

А я вся испереживалась... Помню, приехал меня навестить после болезни Константин Федорович Исаев, написавший сценарий «Неоконченной повести». Рассказывая о том, что со мною приключилось, я расплакалась. Он сказал с сочувствием:

— Да не плачь, девочка... У тебя еще будут роли, у тебя все еще только начинается.

Но успокоить меня Константин Федорович не смог.

Когда я выписалась из больницы, коллеги относились ко мне очень доброжелательно, старались отвлечь от мрачных мыслей. Меня пригласили в Дом кино, который находился там же, где была гостиница «Советская», а теперь ресторан «Яр». Приехала группа французских актеров. Среди них — Ив Монтан, Симона Синьоре, Жерар Филип, Дани Робен, Николь Курсель. Всего их было семнадцать человек, и приезд таких знаменитых артистов стал для советских кинематографистов и вообще для общества большим событием.

Мое кресло в зрительном зале оказалось рядом с креслом Фаины Георгиевны Раневской. Она сразу сказала сидевшему по другую сторону от нее Иосифу Михайловичу Туманову, главному режиссеру Театра имени А. С. Пушкина:

— Вот вам, пожалуйста, героиня для «Белого лотоса».

Это была индийская пьеса, которую И. М. Туманов тогда ставил. Конечно, я сразу же согласилась. Правда, я мечтала о другой роли, но еще ничего не решилось, должно было пройти несколько месяцев, прежде чем мне скажут «да» или «нет»... Но было очень заманчиво прийти в известный московский театр, получить возможность работать в хорошем театральном коллективе, с актерами, у которых есть чему поучиться.

Вскоре я поехала в Вильнюс, надо было забрать свои вещи. Пришла в театр, а мне с порога сообщили новость:

— Вам утвердили оклад в полторы тысячи рублей.

Я ответила:

— Спасибо, но все надо делать вовремя...

И уехала в Москву, в Театр имени А. С. Пушкина, на те же шестьсот рублей, что и прежде в Вильнюсе. Никогда, наверное, не забуду, как к концу каждого месяца пересчитывала копейки... Я уже начала работу над ролью в «Белом лотосе», и вдруг мне сообщили, что меня утвердили на роль Аксиньи в «Тихом Доне». Но до съемок этого фильма было еще далеко, а жить ведь надо сегодня! Надеюсь, что смогу совместить работу в театре и участие в съемках. Конечно, это были напрасные надежды. Но в любом случае я делала все, чтобы забыть болезнь и, как говорится, дышать полной грудью. Жизнь преподнесла мне неожиданный подарок — поездку во Францию.

Мои коллеги по театру и кино часто ездили в составе различных делегаций за рубеж. Возвращались с массой впечатлений и... с модными одежками. Приличные модные туалеты — это в те годы была для актрисы большая проблема.

Меня при отборе кандидатов в поездки обходили. Справедливости ради скажу, что и я не пыталась пробиться сквозь толпу заслуженных претенденток, хотя тоже была не из последних в артистической «иерархии»: «Неоконченная повесть» сделала меня известной всей стране.

И когда мне предложили войти в первую делегацию советских кинематографистов для поездки во Францию, я конечно же согласилась. Эта поездка произвела на меня огромное впечатление. И начались изменения в моем восприятии жизни — нашей и чужой, западной. Наивная комсомолочка уходила в прошлое...

Французские кинематографисты нас очень радушно принимали. Я познакомилась с Симоной Синьоре, Ивом Монтаном, Жераром Филипом, другими звездами мирового экрана. Французы умели расположить к себе, и я оценила непринужденную обстановку, которую создали вокруг себя знаменитости. А когда побывали на товарищеской встрече в загородном доме одного из актеров, я была поражена тем, как живут наши французские коллеги. По сравнению с жизнью в Советском Союзе это было небо и земля. Честно скажу: выглядели мы на этом фоне довольно ущербными.

Мне, как и другим советским членам делегации, казалось, что нам устраивают показуху. Но вскоре пришло понимание, что это «их» реальный образ жизни.

На многое мне открыли глаза и чисто профессиональные разговоры. Словом, это был для меня иной мир, но я отнеслась к нему с философским спокойствием. Они так живут, ну и слава богу. Но я, русская актриса, живу по-другому — так предписано судьбой, и менять ее я не собираюсь. Собственно, я над этим не задумывалась, это было само собой разумеющимся.

Парижу же я буду вечно благодарна за то, что именно там я сделала первый робкий шаг к роли Аксиньи в «Тихом Доне»...

На ближних подступах к успеху

Однажды Алла Ларионова — она тоже входила в состав нашей делегации — мне сказала:

— Сергей Аполлинарьевич Герасимов будет снимать «Тихий Дон».

Сообщила она это буднично просто — поделилась новостью.

Я в душе ахнула. Всегда восхищалась великим романом М. А. Шолохова. Его Аксинья у меня как у актрисы вызывала жгучий интерес. Я чувствовала, что могла бы ее сыграть в кино или в театре, хотя даже в самых смелых мечтах не видела для этого возможностей. Но кто может запретить мечтать?

«Тихий Дон» прочитала давно, когда мне было лет двадцать. Эта книга однажды попала мне на глаза, я открыла ее и уже не смогла оторваться. Потом, уже в педагогическом институте, перечитывала роман снова и снова, но и думать не могла, что мне выпадет счастье играть Аксинью.

Не могу сказать, что «Тихий Дон» стал для меня некоей «библией», просто это была дорогая для меня книга. И, конечно, я рыдала, читая про безумную любовь, которую Аксинья испытывала к Григорию, про несчастья, свалившиеся на нее... На втором семестре первого курса театрального института обязательным было исполнение отрывков из литературных произведений. Я выбрала сцену встречи Григория и Аксиньи в подсолнухах. И стала читать. В какой-то момент педагог сделал неопределенный жест и произнес:

— Це не ваше дило... Ото Луизу Шиллера грайте...

То есть не ваше это дело — такие роли... Вполне вероятно, что я не была еще готова к тому, чтобы сыграть такой глубокий драматизм. Но обида от этой пренебрежительной реплики осталась на долгие годы. Я была убеждена, что он неправ.

Странно, но прелесть романа я в полной мере ощутила потом, много позже, когда уже снялась в фильме. Я снова читала и перечитывала роман, стремясь понять его досконально. Ведь справедливо говорят, что в юности мы читаем знаменитые произведения одними глазами, а с возрастом — другими. И хочу объяснить: другой такой книги в нашей литературе больше нет... Очень точно сказал С. А. Герасимов, назвав «Тихий Дон» народной эпопеей, своеобразным словарем русского языка, казачьего языка, энциклопедией характеров.

Узнав о том, что С. А. Герасимов будет снимать «Тихий Дон», я очень боялась опоздать. Скорее, скорее, пока тебя не опередили! Я готова была бросить Париж, Францию, чтобы успеть в Москву, пока С. А. Герасимов не утвердил исполнителей главных ролей. Знала я о Сергее Аполлинарьевиче только то, что слышала о нем в актерской среде. Говорили разное, но в основном хорошее. Видела его совершенно незабываемый фильм «Молодая гвардия». Что бы потом ни писали о молодогвардейцах, фильм был и остался шедевром. Помню, какое огромное впечатление он на меня произвел, когда я смотрела его впервые. Знала и то, что С. А. Герасимов — профессор и его выпускники составляют значительную часть актерской элиты в хорошем понимании этого слова, просто это были самые лучшие актеры и режиссеры того времени.

Я мечтала о работе с Сергеем Аполлинарьевичем. Представляла его почему-то великаном: огромного роста, с зычным голосом. Он виделся мне былинным героем от

кинематографа. Наивно? Конечно. Но что не придет в голову романтически настроенной актрисе!

Я сразу позвонила Герасимову, и он согласился со мной встретиться, когда вернусь в Москву. После этого разговора я стала жить ожиданием. Но внезапно мое возвращение в Москву затянулось.

Нам предложили «завернуть» в Западный Берлин, где проходил Месячник германо-советской дружбы. И пообещали, что мы сможем послушать оперу «Порги и Бесс», о которой много тогда говорили в мире культуры.

В Западном Берлине мои маленькие открытия капиталистического образа жизни продолжились. В СССР много тогда кричали об угнетении чернокожего населения в США, о борьбе негров за свои права. А тут за кулисами я увидела, как огромный негр, исполняющий главную партию, по-дружески оперся на плечо своего белого «хозяина»-продюсера и что-то ему объясняет. Ничего себе «угнетенный»!

Перед отъездом нас принял советский посол в ГДР Георгий Максимович Пушкин. По своей привычке говорить то, что думаю, я у него спросила:

— Почему Западный Берлин прямо как Париж, а Восточный — как вся наша разбитая земля?

— Эх, товарищи! — ответил посол. — Западный Берлин — это же витрина империализма!

Это было стереотипное объяснение, которое широко использовалось советской пропагандой. Я не стала спорить с послом — не принято, но мои сомнения не увяли, а увеличились. Хотя советская пропаганда все еще цепко держала нас в своих «объятиях».

Как только я оказалась в Москве, сразу же позвонила Сергею Аполлинарьевичу, напомнила о себе, и он сказал:

— Приезжайте. Здесь у меня уже сидит один Григорий Мелехов...

У меня было время до поезда в Вильнюс, и я помчалась в гостиницу «Украина» — там он жил.

Когда С. А. Герасимов открыл дверь, я даже немножко растерялась — ведь представляла его совершенно иным!

— Заходите, — пригласил он. И познакомил меня с гостившим у него актером, который был совершенно не похож на того Григория Мелехова, какого я себе представляла.

Спустя какое-то время Герасимов сказал:

— Ну вот вам книжечка, прочитайте отрывок...

Он протянул мне первый том «Тихого Дона», я глянула, какой отрывок отмечен, и обмерла — это была сцена в подсолнухах. Прямо какая-то мистика! У меня язык не повернулся ее читать, меня сковали воспоминания о том, как я провалилась с этой сценой в институте.

— Сергей Аполлинарьевич, — взмолилась, — я только что из Парижа, боюсь, французские впечатления не дадут мне возможности достоверно воспроизвести эту сцену. Мне надо перечитать книгу, вспомнить ее, представить, как все было...

Мне казалось, с каждым моим словом я все больше отдаляюсь от желанной роли. Оказалось, наоборот. Герасимову, очевидно, понравилось мое серьезное отношение, и через две недели я получила приглашение на пробы.

На роль Аксиньи был большой конкурс. Я не хочу называть имена моих «соперниц» — среди них были известные актрисы московских театров, были и начинающие. Вряд ли меня серьезно воспринимали — провинциалку из Вильнюса.

Дело это прошлое, а мне никогда не было свойственно злорадство. Я и сейчас считаю, что в этом конкурсе не было победительницы и побежденных. Шло честное творческое соревнование, и его критерии были известны лишь двум людям, которые на тот период определяли судьбы нескольких актрис, — С. А. Герасимову и М. А. Шолохову. Они знали, а мы лишь предполагали.

Вообще же я считаю, что конкурсы на роли в те годы были очень полезными и

результативными. Люди недалекие шушукались, что такую-то актрису взяли на такую-то роль по начальственному звонку. Пошляки придумали глупую присказку про то, что путь актрисы к хорошей роли пролегает через диван режиссера. Ни с чем подобным я не сталкивалась, кроме гаденького поступка режиссера Херсонского театра. Но тогда речь шла о малозначительном, с его точки зрения, приеме на работу никому не известной выпускницы театрального института. Но чтобы режиссер ради сиюминутного удовольствия или из стремления угодить кому-то влиятельному взял на главную роль бездарную актрису? Не знаю... Не знаю...

Я приезжала из Вильнюса в Москву несколько раз на пробные съемки. Пробы продолжались шесть месяцев. В августе узнала, что утверждать актрису на роль Аксиньи будет сам Шолохов. И я боялась показаться ему на глаза. Считала, что, когда он меня увидит, решит, что я совсем не такая, как получаюсь в кадре. Конечно, я знала, что актриса в повседневной жизни и в кинокадре — это «две большие разницы», но боялась не соответствовать.

Наконец наступил долгожданный день, когда должно было приниматься решение. Я попросила Клавдию Ивановну Николаевич, ассистентку С. А. Герасимова, чтобы она мне позвонила и сказала, кто получил роль. А сама уехала к друзьям, у которых останавливалась в Москве, — у меня не было возможности оплачивать номер в гостинице, да так и удобнее.

Боже мой, с каким волнением и нетерпением я ждала весточку со студии! Дежурила у телефона, бросалась на каждый телефонный звонок, а их почему-то в тот день шло много, но среди них не было того, единственного, которого я ждала в течение нескольких длинных часов...

Наконец вечером, когда Шолохов уже уехал, позвонила Клавдия Ивановна:

— Аксинья, поздравляю!

Я очень хорошо помню, как она это произнесла — добрая душа, которая была рада за меня.

Сергей Герасимов позже говорил, что на роль Аксиньи меня отобрал М. А. Шолохов:

— Мы отвергли десятки кандидаток, ни в одной не найдя черт характера возлюбленной Григория, ее своеобразной красоты. Наконец по совету Шолохова остановились на Элине Быстрицкой, зарекомендовавшей себя исполнением главной роли в фильме «Неоконченная повесть».

Но от памятного московского вечера, когда я узнала, что меня утвердили на роль Аксиньи, до того времени, когда меня признали шолоховской героиней, было еще очень далеко. Предстояла тяжелая работа. Она началась буквально на следующий день. Клавдия Ивановна после долгожданной, радостной для меня весточки предупредила:

— Завтра съемочную группу собирает Герасимов. Тебе надо быть на студии.

Вот-вот должны были начаться съемки, хотя не все актеры были утверждены. Не было Дарьи — актрису, которую приглашал на эту роль С. А. Герасимов, не утвердил Шолохов, а Людмила Хитяева начата работать с режиссером Исидором Марковичем Анненским над его новым фильмом раньше, и потому для нее С. А. Герасимов сделал исключение.

Я на тот момент имела несколько заманчивых предложений, но я их отклонила. Не могла заниматься «совместительством», у меня это не получилось бы. Из Театра имени А. С. Пушкина я ушла. Извинилась, объяснила, и меня отпустили без обид. Я так была влюблена в Аксинью, что даже думать о какой-то иной роли не хотела, не могла.

Я с гордостью вспоминаю, что и многие мои коллеги по съемкам одобрили выбор Михаила Александровича. Тогда известие о том, что на роль Аксиньи Шолохов выбрал меня, встретили сдержанно, но впоследствии не поскупились на одобрительные отзывы в прессе.

«Элина поразительно соответствовала описанию героини, данному в романе Михаила Александровича Шолохова: она была красива, большеглаза, крутолоба. Тогда было трудно говорить о какой-то манере игры, мы все были молоды, неопытны, я, например, до этого снялась лишь в одном фильме. Очень нам помогал Сергей Аполлинарьевич Герасимов...» — так писала Людмила Хитяева.

«Среди актрис, претендовавших на роль Аксиньи, не было ни одной, которая могла бы составить конкуренцию Элине Быстрицкой», — утверждала Зинаида Кириенко.

«Сергей Аполлинарьевич Герасимов сразу утвердил Быстрицкую на роль Аксиньи. Это была, безусловно, самая сложная женская роль в фильме. Ее героиня переживала ревность, любовь, страдание, побои от нелюбимого супруга, а потом и побои от любовника», — отмечал Петр Глебов.

И еще я все время помнила свой «провал» в театральном институте. Я должна была доказать всем, и себе в первую очередь, что «дело» это — мое. Речь не об ущемленном самолюбии, а о том, что я знала, на что способна.

Герасимов торопился, он уже измерял свою жизнь съемочными днями. На самой первой встрече он сказал нам:

— Мы начинаем работу над «Тихим Доном». Вам придется стать другими людьми.

Мужчин-актеров предупредил, чтобы «подготовили» свои руки — они должны стать похожими на руки людей, работающих на земле. Такой же совет дал и актрисам.

Кто-то, не помню уж, кто, с сомнением произнес:

— Но мы же не в земле копаемся, как тут быть?

Герасимов ответил:

— Стирайте побольше, чистите посуду, скоблите полы, наведите порядок дома. У себя все сделаете — соседям помогите...

Буквально через несколько дней с хутора Диченского — это в четырнадцати километрах от города Каменск-Шахтинский — приехал самодеятельный казачий хор пенсионеров.

Конечно, С. А. Герасимов мог пригласить и профессиональный казачий ансамбль. Лишь позже я поняла, что требовалась мудрость, для того чтобы познакомить нас со стариками и старушками, молодость которых пришлась на времена «Тихого Дона». Они помогли всем нам прикоснуться к казачьему быту, увидеть его без временных напластаваний. Пожилые казаки и казачки быстро поняли, что от них требуется, и оказались хорошими наставниками. Мы буквально впитывали их советы. Помню, надо мной шефствовала одна женщина, очень крупная, плечистая, с добрыми глазами. Я вслушивалась в интонации ее речи, смотрела, как она ходит, какими жестами, мимикой сопровождает свою речь. Все это мне очень нравилось, и все это предстояло сделать своим, ибо у горожанок таких навыков нет. Оказалось, к примеру, целое искусство — носить воду ведрами так, чтобы она не плескалась и чтобы встречным казакам нравилось. Меня этому учила баба Уля:

— А ты носи бедрами... Бедрами, бедрами носи...

Я никак не могла вначале понять, как это ведра с водой можно нести «бедрами», если они на коромысле. А баба Уля давала мне «режиссерские» указания:

— Ты понимаешь, эту воду надо не просто таскать, а чтобы Гришке пондравилось...

Кадры из фильма, в которых я на коромысле несу два ведра воды, впоследствии обошли всю мировую прессу.

Для бабы Ули и Аксинья, и Григорий были вполне реальными людьми. И она знала, что советовала: когда была молодой, носила воду так, чтобы завлечь приглянувшегося казака.

Наконец после многих попыток она довольно произнесла:

— Вот, поняла наконец, как нести эту воду так, чтобы казаки на тебя пялились, глаза ломали.

Для меня это была очень высокая похвала. А баба Уля уже требовала:

— Покажи свои руки...

И недовольно покачивала головой, рассматривая ухоженные пальчики горожанки.

Трудно даже представить, сколько я в те дни перестирала, перечистила, перемыла! Мне надо было во что бы то ни стало стать казачкой — женщиной, которая имеет дело с землей, водой, которую обвевают ветры и обжигает солнце и которая много и тяжело работает, оставаясь любимой и желанной.

Я плясала с казаками, пела с ними и в конце концов вписалась в их круг, как вписываются в пейзаж.

В те годы я была тоненькой, гибкой девушкой — все актрисы следят за фигурой. Тщательно «блюла» фигуру и я — то нельзя есть, это нельзя... Но Аксинья была совершенно иной — сильная, зрелая женщина, стать которой формировала не диета, а работа, очень подвижный образ жизни, степные просторы, ее окружение, в котором ценились бесстрашные, сильные люди. Казачки — это жены, подруги, возлюбленные прирожденных воинов, и «барышни» на Дону были не в цене. Они конечно же не могли носить воду «бедрами»...

Женщины терпят мучения, пытаюсь похудеть. А для меня сверхзадачей стало набрать вес, поправиться. И не просто добавить килограммы, а изменить фигуру, но так, чтобы ее не испортить, не обезобразить. И я стала в безмерном количестве поглощать сметану, мед, орехи, другие высококалорийные продукты. Обязательными были зарядка, гимнастика — нельзя позволить себе стать рыхлой, сдобной. Через относительно короткое время я «добавила» пятнадцать килограммов.

В это трудно поверить, но это так. Я готова была на любые мучения, лишь бы не сойти с роли, стать если не Аксиньей, то хотя бы ее правдивым подобием. А для этого надо было быть казачкой...

Когда начались съемки, выяснилось, что я панически боюсь лошадей, не могу заставить себя сесть в седло. С. А. Герасимов и так и сяк убеждал меня, потом пригласил трех казачек из соседних станиц дублершами. Такого умения я не выдержала. Посмотрела, как лихо они гарцуют, села в седло, и лошадь пошла рысью. В седле я удержалась. Главное — преодолеть страх, я всегда это знала!

Я и раньше, до съемок, была немного знакома с казаками. Во время войны наш госпиталь находился не меньше месяца в станице Обливской. Я уже тогда поняла разницу между крестьянками и казачками. Это удивительно гордые, свободолюбивые женщины. Редкостью для того времени было то, что они все без исключения владели грамотой. Жили мы в доме, крытом железом. Это уже не курень, а именно дом. Его хозяйка, как только начинался обстрел, бежала в комнаты, хватала перину, залезала под кровать и этой периной укрывалась. Помню, я пыталась ей объяснить, что лучше уходить на улицу, ложиться на землю. Она меня не понимала, так как считала, что родной дом ее охранит и обережет. И она оказалась права — ее не зацепил ни один осколок. Но это к слову. А всерьез — я видела, как она управляет хозяйством. Она была учительницей в станице. Я и сейчас помню ее замечательные черные глаза, разворот плеч — сильная, красивая женщина. И теперь я старалась ей подражать: как это важно — иметь перед собой конкретный образ!

Пока шли пробы, на хуторе Диченском построили декорации: курени Мелеховых, Астаховых, лавку Мохова, дом Листницких и другие. На Диченском, кстати, снималась и первая экранизация «Тихого Дона» в 1928 году. Эту станицу выбрали потому, что сюда можно было подвезти по железной дороге технику, декорации, словом, большое и сложное хозяйство, которое требуется для съемок фильма.

Курени и дома построили заранее, их поливали дожди, сушили ветры, коптило солнце, и вскоре, месяцев через шесть, они приобрели такой внешний вид, словно стояли здесь издавна.

Как только были утверждены исполнители главных ролей, подобраны актеры на другие роли, начались съемки. Первый съемочный день был будничным и деловитым, но у всех в душе царил приподнятое праздничное настроение. И хотя актеры — народ эмоциональный, все его старались сдерживать, ибо понимали, как многое зависит от начала. Я же больше всего боялась выглядеть испуганной или растерянной. У меня был опыт съемок в предыдущих фильмах, но я приступала к огромной, масштабной работе, понимая, что такой шанс выпадает далеко не каждой актрисе. Внешне я выглядела, наверное, спокойной, но что у меня творилось в душе!

Многие представляют, что фильмы снимаются сцена за сценой в определенной

последовательности, продиктованной сценарием. На самом деле все выглядит иначе: снимаются те фрагменты картины, которые выберет режиссер. А его выбор зависит от готовности актеров, декораций, техники, света, места съемок, наконец, от его настроенности на определенный сюжет — словом, от множества объективных и субъективных условий, которые порою даже трудно объяснить: так решил режиссер, и этим все сказано.

Элина Донская

Съемки начались на киностудии, в павильоне. Объект — «Курень Астаховых». Снимали сцену возвращения Степана Астахова из летних лагерей: он уже знал, что Аксинья ему изменяет с Григорием Мелеховым. Приехала к Андрею Томилину в лагерь жена и выложила все станичные новости. Томилин отозвал Степана в сторону:

«— Баба моя приезжала... Ноне уехала.

— А...

— Про твою жененку по хутору толкуют...

— Что?..

— Гутарют недобро.

— Ну?

— С Гришкой Мелеховым спуталась... В открытую».

Так у Шолохова выписаны пока еще тихие раскаты надвигающейся грозы. Перед съемкой я читала и перечитывала то, что мне предстояло сыграть в первый день. Душой и сердцем пыталась понять, что чувствовала моя героиня.

«Степан стал на пороге, исхудавший и чужой.

Аксинья, вихляясь всем своим крупным, полным телом, пошла навстречу.

— Бей! — протяжно сказала она и стала боком.

— Ну, Аксинья...

— Не таюсь, грех на мне. Бей, Степан!»

Пока Степан размышлял, лежал на кровати, теребя темляк шашки, хлебал молоко, медленно жевал хлеб, Аксинья смотрела на него «с жарким ужасом». Мне надо было сыграть эту сцену и еще вот что: «Страшный удар в голову вырвал из-под ног землю, кинул Аксинью к порогу. Она стукнулась о притолоку спиной, глухо ахнула.

Не только бабу квелую и пустомясую, а и ядреных каршеватых атаманцев умел Степан валить с ног ловким ударом в голову. Страх ли поднял Аксинью, или снесла бабья живучая натура, но она отлежалась, отдышалась, встала на четвереньки.

Закуривал Степан посреди хаты и прозевал, как поднялась Аксинья в дыбки. Кинул на стол кiset, а она уже дверью хлопнула. Погнался...»

Ничего подобного в жизни я не только не переживала, но и не наблюдала, не видела. Я могла лишь представить, как это могло быть. Но сила шолоховского таланта была такова, что я вдруг почувствовала себя Аксиньей, которую страшно избивает муж. И ощутила ее боль, безысходность, отчаяние, «жаркий ужас».

Я сыграла эту сцену так, что, когда все кончилось и притушили свет в павильоне, села и расплакалась. Не решалась спросить, получилось ли, но по лицам режиссера, оператора, тех, кто был на съемочной площадке, поняла, что я сыграла так, как они и ждали...

Большим событием для меня стал выезд на съемки в Диченский. Я жила не на хуторе, а в Каменском. Уже тогда давали себя знать недуги прежних лет, и, чтобы успешно работать, не сойти с дистанции, я нуждалась в определенных бытовых условиях. Конечно, на хуторе их не было. Я вроде бы отделилась от всей нашей остальной киношной компании. Не оставалась с коллегами по вечерам, не поднималась с ними ранними утрами. Я грустила по этому поводу, чувствовала себя немного обделенной. Но я вынуждена была жить именно так, чтобы постоянно быть в форме, и состояние моего здоровья не отражалось на ритме съемок.

Дни мои были очень напряженными. На съемки я одевалась с утра. Надевала платье Аксиньи, набрасывала на плечи платок. И так ходила до вечера — весь съемочный день.

Конечно, я выделялась среди жителей хутора — ныне станичники носят те же платья, костюмы, что и горожане в других районах России. Правда, местные старушки ходили в длинных платьях, как в молодости, и я нередко ловила на себе их одобрителные взгляды. Для меня это было важно, так как больше всего я боялась выглядеть «ряженой».

Помните, С. А. Герасимов требовал, чтобы декорации вписались в пейзаж? А мы, актеры, должны были вписаться в необычную для нас среду.

Местные казаки относились ко мне очень хорошо, неизменно приветливо здоровались, и вскоре я стала среди них чуть ли не своей. Эти удивительно тактичные люди не донимали вопросами-расспросами, не глядели в спину. У них была своя гордость, воспитанная десятилетиями, если не столетиями свободной жизни, основанной на жесткой ратной дисциплине и очень своеобразной «казачьей» демократии. Я была поражена, когда во многих казачьих домах-курнях увидела сделанные с любовью деревянные сундучки, в которых хранились парадная казачья форма, регалии, знаки отличия. А на крышке сундучка — фотографии государя Николая II и его владельца в полной форме и при оружии... Во многих домах на почетном месте были фотографии отцов, дедов и прадедов с наградами за ратную службу. И ничто — даже жесточайшие репрессии — не в состоянии было изменить эти традиции. Я думала тогда: кому они служили? Императору? Отечеству? Скорее всего эти понятия у них совпадали.

Моя Аксинья была дочерью вольного казачьего племени, и я пыталась играть ее именно такой — свободолюбивой, гордой, отчаянной в любви к жизни. Иногда я мечтала: вдруг встречу с Аксиньей... о чем ее спрошу?

Казаки говорили, что Аксинья еще жива, она находится километрах в девяноста от места съемок.

— Шолохов знает, где она, только молчит. Ты его спроси — тебе он скажет.

И я действительно спросила Михаила Александровича, как только его увидела. Это было, когда мы ехали из Москвы на съемки. Герасимов и Шолохов находились в одном вагоне, а я и Глебов — в другом. Герасимов пригласил нас с Глебовым к себе. Мы пришли, и именно тогда я впервые увидела Шолохова. Яркие синие глаза — небо тогда было очень ясным, и глаза Шолохова были такого же цвета. Мы вышли из вагона на какой-то остановке: поезд стоял минут двадцать, хотелось подышать — была привольная степная погода, начало лета или поздняя весна... Я улучила момент и сказала Михаилу Александровичу:

— Мне очень хотелось бы познакомиться с Аксиньей.

Я не просто поверила казакам. Аксинья в «Тихом Доне» была такой, что я не сомневалась — Шолохов ее знал. И, конечно, позволяла себе думать, что, возможно, он не только был с нею знаком, а их связывали глубокие романтические чувства. Аксинья со страниц знаменитого романа представляла такой живой, реальной, как говорится, во плоти, что придумать такую женщину писатель просто не мог. Как и Григорий Мелехов, автор, то есть Шолохов, был влюблен в нее. Так я считала, так думаю и сейчас.

У актрисы и ее героини всегда сложные отношения. Я тоже любила Аксинью и пыталась, насколько это возможно, стать ею, думать и чувствовать, как она. Понимала, что это невозможно — слишком разными были наши жизни. Но я все-таки пыталась... И искренне верила, что Аксинья осталась в живых, было бы страшно несправедливо, если бы судьба ее не пощадила.

— Хочу познакомиться с Аксиньей, — повторила я упрямо Михаилу Александровичу. — Казаки сказали мне, что вы знаете, где она.

Я запомнила, как он долго молча на меня смотрел. Потом в глазах у него запрыгали смешинки, и он сказал:

— Глупенькая, я же это выдумал...

Я так расстроилась, что из глаз брызнули слезы. А я-то так надеялась, что я от него узнаю то самое тайное, что пока скрыто от меня. Ах ты, боже мой, как это было наивно с моей стороны! Единственным утешением для меня было увидеть живого Шолохова не в худшую для него пору и с удовлетворением отметить, что мой наивный вопрос затронул

какие-то тонкие струны в его душе.

О Григории Мелехове казаки сдержанно говорили: «Наш станичник». Не в том смысле, что он из этих мест, из какой-то конкретной станицы. Просто они считали его казаком от дедов-прадедов, своим, понятным, близким. Григория играл Петр Глебов, и, встречая артиста на улице станицы, они особенно сердечно приветствовали его.

В своих воспоминаниях я хочу воздать должное этому прекрасному человеку и таланту. Его судьба складывалась сложно. Он в театрах проработал почти двадцать лет, но был мало известен широкой публике. И к роли Григория Мелехова шел очень трудным путем. Глебов даже внешне не походил на Григория. Это могло бы остановить многих режиссеров, но не С. А. Герасимова. Петр мне рассказывал, что вначале на роль Григория пробовался его коллега по Театру Станиславского Александр Шворин. Глебов его попросил: «Саша, ты меня продай в массовку, что ли». С. А. Герасимов и заметил его на маленькой массовке, когда шли пробы на роль Калмыкова. И что-то в нем такое увидел, что заставило его предложить попробоваться на Григория. Конечно, он расспросил, у кого Петр учился, как жил. И явно обрадовался, когда Глебов сказал, что учился у К. С. Станиславского, а до пятнадцати лет жил в деревне, умеет косить и на лошади скакать: «Жил в деревне, пахал-косил, песни распевал, разувшись, ходил первые пятнадцать лет своего детства и отрочества, когда и приобрел здоровье, навыки общения, немногословность, спокойствие и все то, что принято в крестьянстве».

Поначалу все было против него: абсолютно не схож с «романным» Григорием, ничего общего с отцом Пантелеем Прокофьевичем М. А. Шолохова, дикция не та, говорит не по-казачьи. Но С. А. Герасимов считал, что это все поправимо, и настоял на своем. Он даже тактично отказал своему любимому ученику Сергею Бондарчуку, который в то время уже был известным артистом. Глебова долго не утверждали, и тогда С. А. Герасимов потребовал созвать все руководство Студии имени Горького. Пригласили и меня, потому что Глебов должен был перед этим высоким «судом» исполнить сцену с Аксиньей: «Здравствуй, Аксинья, дорогая...» Потом нам дали знак уйти. Сергей Аполлинарьевич сказал членам этой комиссии:

— Я прошу наконец принять решение и прекратить всякие происки против Глебова! Я отвечаю за картину и я вижу в нем то, что для меня ценно и дорого.

Директор картины Светозаров догнал Глебова в студийном коридоре и сказал: «Ну что, ты выиграл по трамвайному билету сто тысяч. Утвердили!»

Я вначале отнеслась к Петру Глебову очень настороженно. К тому же он был совсем не таким, каким я представляла Григория, да и по возрасту гораздо старше. Я искренне не понимала, как можно проработать двадцать лет в театре и быть почти неизвестным.

Это мешало в работе, ибо у Аксиньи и Григория была жгучая, трагическая любовь, а какие уж тут чувства, если ты равнодушна к партнеру! Но постепенно я узнавала Петра, и мое отношение к нему менялось — я обнаружила, что это актер большого, самобытного дарования. И мне стало понятно, почему именно его Сергей Аполлинарьевич выбрал на главную мужскую роль. Шли съемки, и Глебов на глазах менялся: он становился казаком — своенравным, сильным, хищным и... мягким, ранимым. Окончательно я его «приняла» после сцены, в которой он рубит австрийского солдата: «Григорий встретился с австрийцем взглядом. На него мертво глядели залитые смертным ужасом глаза. Австриец медленно сгибал колени, в горле у него гудел булькающий хрип. Жмурясь, Григорий махнул шашкой. Удар с длинным потягом развалил череп надвое. Австриец упал, топыря руки, словно поскользнувшись; глухо стукнули о камень мостовой половинки черепной коробки. Конь прыгнул, всхрапнул, вынес Григория на середину улицы».

Потом Григорий смотрит в лицо австрийцу. Оно кажется ему маленьким, детским, измученным «страданием ли прежним, безрадостным ли житьем»... Оператор показал мне эту сцену отснятой. Глебов сыграл ее так глубоко и интересно, что я как-то вдруг сразу поняла масштаб этого артиста и подумала: «И правда, Григорий».

На съемках от партнера многое зависит. Я и Глебов понимали друг друга — слова,

жесты, даже мысли. Это был хороший творческий союз, и я благодарила в душе Герасимова, что он отдал эту роль Глебову. С женой Глебова, Мариной, я была знакома, и у нас сложились добрые отношения. Она не ревновала мужа ко мне, а я не посягала на ее «собственность».

Глебов был увлеченным охотником и первоклассным стрелком. На съемках на Дону он использовал любую возможность, чтобы вырваться на охоту. Однажды он шутя пригласил и меня — «пострелять». Каково же было его удивление, когда я в стрельбе по мишени из мелкокалиберной винтовки показала вполне приличный результат. Так родилось у меня это «мужское» увлечение. Однажды наши гастроли в Казахстан совпали с республиканской спартакиадой. Конечно, я не могла пропустить такое событие! Меня включили в команду стрелков-спортсменов, я уверенно вышла на огневой рубеж и... завоевала бронзовую медаль. Хорошо стрелять меня научил Глебов.

Он оказался очень терпимым человеком. Иногда я позволяла себе говорить какие-то колкости, подшучивать над ним, словом — «развлекалась». Характер у меня был своенравный. Но Глебов никогда не обижался, к моим шуточкам относился снисходительно. Я была младше его лет на десять-двенадцать, и он, наверное, это учитывал.

Работать под руководством Сергея Аполлинарьевича было наслаждением. Я никогда не устану вспоминать добрым словом этого великолепного человека. Мы понимали, какую тяжелую ношу взвалил на свои плечи Сергей Аполлинарьевич, решив снимать такую масштабную эпопею. В фильме было тридцать главных и до ста второстепенных ролей. Для П. Глебова и З.Кириенко это был дебют в кино. Петра Мелехова играл М. Смирнов, Евгения Листницкого — И. Дмитриев, Михаила Кошевого — Г. Карякин.

На их фоне я и Олег Исаков, игравший Штокмана, смотрелись, как опытные «киношники».

«Огонек» тогда писан, что советское кино не знало такой грандиозной по времени, по охвату событий и числу действующих лиц постановки. Это, конечно, явное преувеличение. Но масштабы действительно впечатляли.

Меня порою спрашивают, приезжал ли Михаил Александрович Шолохов на съемки, тем более что до Вешенской было не так уж и далеко. Нет, ни разу. А почему — не знаю. Может быть, потому, что боялся разочароваться. У разрозненно отснятых сцен есть коварное качество — они не позволяют правильно судить о том, что получится в итоге.

Герасимов не доверял кому-либо снимать, все делал сам. Некоторые сцены он поручал подготовить своим ученикам — Генриху Оганесяну, Вениамину Дорману, Клавдии Николаевич и другим. И учил их, как надо работать. Впоследствии все они стали очень хорошими режиссерами.

Местные жители как могли помогали в съемках фильма.

В 1958 году в журнале «Советский фильм» был опубликован рассказ С. А. Герасимова о том, как шла работа над «Тихим Доном». Вот один из эпизодов: «Перед нами раскрывались заветные сундуки, вынимались из нафталина старинные мундиры и женские платья, каких уже больше не носят. Хозяйки охотно давали нам для съемок старинную утварь и предметы обихода, каких уже больше не делают.

Сцены свадьбы в доме Мелеховых были поставлены не мной, а группой местных стариков, которые до тонкости точно воспроизводили весь ее старинный чин, обычаи и порядки».

Сергей Аполлинарьевич не пропустил съемки ни одной серии, был на них от начала и до конца. Его слова, требования мы, актеры, считали непререкаемыми. Некоторые сцены снимались по несколько раз, пока не получалось то, что он хотел. Мне кажется, готовясь к очередной съемке, он выдвигал перед собою сверхзадачу, и тогда уже ничто не могло остановить его. Порою мы, актеры, его не понимали, нам казалось, что сыграно и снято отлично. А он говорил: «Повторим». Набирались десятки дублей, он выбирал из них лучшие по одному ему понятным критериям.

На съемочной площадке он был для нас богом, но сказать, что мы его боготворили, не

совсем точно. Вот говорят: «Не сотвори себе кумира». А почему? Если хочешь расти, совершенствоваться в профессии, становиться лучше — сотвори себе кумира и равняйся на него, учись у него. Я понимала, что моя актерская судьба — в его руках, и трудилась на съемках, не щадя себя.

Герасимов редко раздражался, он знал, что его плохое настроение передается окружающим, и тогда все идет наперекосяк. И в целом на съемках, как правило, была спокойная атмосфера. Мы все немного побаивались Сергея Аполлинарьевича. Это был даже не страх, а опасение досадить ему, вызвать его неудовольствие. Но если было что-то не так и он устраивал разнос, все моментально разбегались. Я по неопытности пару раз попала ему под горячую руку и получила как следует. Кажется, ему было все равно, на кого выплеснуть гнев. Для него не существовало звезд и простых смертных. Причины для недовольства обычно были чисто производственные: что-нибудь было не так со звуком, не там поставили тонваген, или стоял не там лихтваген, не успели что-либо сделать к началу съемок. И тогда доставалось тому, кто попадался... Но Герасимов никогда не был мелочным, не придирался по пустякам.

В 1985 году вышла в свет его книга «Любить человека». Вот что он, уже накопив громадный опыт, будучи всемирно известным, писал о профессии режиссера:

«Теперь-то мне совершенно понятно — не существует чистой, «герметической» режиссуры. Нет такой стерильной, локальной профессии в любом виде искусства. Как известно, в переводе на русский язык режиссер — это управляющий. Управлять можно всем. Неплохо научиться управлять и самим собой — быть режиссером собственной жизни. Это, правда, не всякому дано. Итак, управлять сложным процессом постановки спектакля, фильма и множеством сопричастных к этому людей. Но главное, без чего нет режиссуры, — это способность превратить понятие в образ, умение видеть и слышать то, что не дано увидеть и почувствовать другим, самому удивиться облику и содержанию природы, человека, душевных движений, с тем чтобы вместе с тобой удивлялись тому же миллионы людей».

Как точно и емко сказано!

Книге этой не нашлось места в планах издательства «Искусство» и других, издававших литературу мастеров культуры. Выпустило ее в свет «Просвещение». Он сам придумал для нее название, созвучное его убеждениям: любить человека. И каждую фразу он адресовал молодым: передавал опыт, учил, предостерегал. У него всегда было много учеников — он выводил их в заманчивый и коварный кинематографический мир, поддерживал и, после того как они начинали работать самостоятельно, следил за их судьбой.

И здесь я должна развеять один стойкий миф, имевший хождение в кинематографической среде. Злопыхатели — а их у Герасимова было немало — поговаривали, что он «неровно дышит» к прекрасному полу, в частности, к актрисам, которые снимаются в его фильмах, к юным ученицам его мастерской во ВГИКе.

Я всегда считала подобные «шепотки»-сплетни полной чушью. В «Тихом Доне» кроме меня снимались Хитяева, Кириенко, Архангельская, другие молодые актрисы, и можно с полным основанием сказать, что каждая из нас была недурна собою. И никогда, ни разу Сергей Аполлинарьевич ни словом, ни жестом не дал повод для каких-то домыслов. Иногда к нему приезжала довольно симпатичная женщина, не знаю, кто она. Мы, актрисы, не пытались даже узнать, как ее зовут, нам казалось непозволительным вторгаться в мир его личных отношений. Не знаю, с какими тайными мыслями смотрит режиссер на своих очаровательных актрис, но что актрисы в какой-то степени считают режиссера своей «собственностью» — это точно.

Женщина, приезжавшая к С. А. Герасимову, кажется, была старше его, и мы ее не жаловали, хотя никогда и не давали это понять...

Сергей Аполлинарьевич сыграл огромную роль в моей творческой судьбе. Украинская театральная школа, которую я получила в киевском институте, — хорошая школа, она для меня была преддверием щепкинской школы — ее я прошла в Малом театре. Но настоящее, глубокое, кинематографическое проникновение в образ дал мне Герасимов. Он научил меня

самому главному. Научил самостоятельно ставить перед собой задачу — не ту, которую сформулировал режиссер, а собственное ее понимание. Он научил меня проникать в образ, прикасаться к его сердцевине. Это важно, так как это был еще один «институт» высочайшего уровня, где «уроки» велись скрупулезно, тщательно, с максимальным использованием сил, возможностей, таланта актера.

Сейчас у меня уже у самой есть ученики, и я стараюсь преподавать им уроки школы Герасимова.

Съемки двух серий близились к завершению, и меня обуревали самые разные чувства. Я боялась, что вот однажды все закончится — и мне не надо будет с утра бежать на съемки. Словно бы образуется пустота... И радовалась, что уже виден финал...

М. А. Шолохов приехал на просмотр уже готовых первых двух серий. Он был не только первым, но и главным зрителем, и от того, что он скажет, зависело все наше будущее — фильма и тех, кто его создавал. Это случилось осенью 1957 года, то ли в октябре, то ли в ноябре. Напомню, что съемки мы начали осенью 1956-го, то есть позади был год напряженнейшей работы.

Мы с нетерпением ждали Михаила Александровича. Он пришел в маленький просмотровый зал Киностудии имени Горького. Конечно, не все, кто желал, в него попали. Михаила Александровича встретили внешне без особых эмоций, но радушно. Он занял место в ряду третьем или втором. Возле него поставили напольную пепельницу, потому что Михаил Александрович много курил. Это было исключение из правил, в зале не разрешалось курить, я удивилась, но посчитала вполне естественным. Такие мелочи запоминаются...

Мы сидели тихо, как мыши: исполнители основных ролей, режиссер, оператор Владимир Рапопорт, директор картины Яков Иванович Светозаров...

Шолохову показали подряд первую и вторую серии. Он долго не поворачивался к нам. Уже свет зажгли, а он сидел — «шапка» окурков накрыла напольную пепельницу. Потом повернулся — лицо у него было... ну, наплакался человек. И хрипловато сказал:

— Ваш фильм идет в дышловой упряжке с моим романом.

Мне очень хотелось тогда подойти к Михаилу Александровичу и сказать ему примерно следующее:

— Дорогой Михаил Александрович, помните наш разговор об Аксинье? А я ведь не поверила тогда вам. Аксинью вы не придумали — она была и есть. Так придумать невозможно. И вы ее любили...

Не подошла я к Шолохову, не решилась.

Когда сдавали третью серию (это было еще через восемь месяцев), Шолохов тоже смотрел ее первым и снова похвалил. Но я при этом не присутствовала, поэтому не знаю, что сказал Михаил Александрович, но он признал наш фильм. Только после того, как Шолохов его посмотрел, «Тихий Дон» пустили в прокат.

Я переживала, что во второй серии так мало эпизодов с Аксиньей и так много войны. Но думаю, что С. А. Герасимов был прав, иначе не было бы эпопеи, а получился бы рассказ о семейных неприятностях и радостях.

Первыми массовыми зрителями фильма стали казаки Вешенской. Фильм привезли в родную станицу М. А. Шолохова. Слух об этом быстро разошелся по Дону. Петр Глебов рассказывал мне, что казаки ехали, «прибегали» верхом, плыли на лодках в Вешенскую, чтобы посмотреть фильм. Его крутили непрерывно трое суток подряд в маленьком клубе рядом с домом М. А. Шолохова. Михаил Александрович был на каждом сеансе. Я не смогла приехать в Вешенскую — болела. В утешение Михаил Александрович подарил мне пуховую шаль.

Казаки фильм приняли. Чуть позже я получила письмо за подписями тридцати старейшин Дона («господ стариков», если говорить языком шолоховского романа) с просьбой-предложением сменить фамилию «Быстрицкая» на «Донская». Много позже П. Глебову командование Войска Донского присвоило звание почетного генерал-майора

казацкого войска с правом ношения формы и оружия.

Было и еще одно письмо: казаки нашли остатки куреня Мелеховых и приглашали приехать и посмотреть их. Значит — все правда?

Долгое эхо любви

Я тогда еще не знала, что отныне на всю оставшуюся жизнь буду в глазах множества людей Аксиной. Таково было обаяние образа замечательной казачки, созданного талантом Михаила Александровича Шолохова.

Мне кажется, что в нашей литературе книги, подобной «Тихому Дону», просто нет. Это ярчайшее произведение, и сегодня никто не оспаривает, что Шолохов — гениальный писатель, написавший в раннем возрасте такую великую книгу. Я, кстати, всегда была уверена, что именно Михаил Александрович — автор «Тихого Дона». Впечатления от личного знакомства подтверждали это. Я понимала, что такой человек не может лгать. Нет!

Михаил Александрович был очень интересным человеком. Он мало говорил, но слова его звучали весомо, убедительно.

А потом, спустя много лет, у меня с ним была очень тяжелая встреча. Я снималась в Ленинграде, в фильме «Все остается людям», и узнала, что идет симпозиум писателей, на который приехал Шолохов. Выяснила, что Михаил Александрович остановился в гостинице «Астория». Я жила в другой гостинице и позвонила ему. Он пригласил:

— Ксюша, приезжай.

Он меня после фильма называл Ксюшей. Приехала... В «Астории» у него был номер из трех комнат — анфиладой. Все двери открыты, стояли столы со вчерашним угощением, и вчерашние гости еще толпились... Было много случайных людей, жуткий запах перегара... Шолохов со страшным лицом — глаза почти закрыты веками, нависшие надбровья, лицо опухшее. Я со свойственной мне комсомольской резкостью — ах, черт бы меня побрал! — воскликнула:

— Михаил Александрович, как вы так можете, что вы делаете с писателем Шолоховым?

Я не сдерживалась, ибо на моих глазах происходило что-то вроде растянутого во времени самоубийства.

— Замолчи! — глухо ответил он. — Ты думаешь, я не знаю, что выше «Тихого Дона» я ничего не написал?

Он так и сказал — не «лучше», а «выше»...

Из этой фразы (конечно, это была откровенность под влиянием выпитого) я поняла, что он страдал всю жизнь, и его достоинство ущемлялось разборками: «он» не «он» и тому подобными. Горевал, как любой человек горевал бы на его месте! Вот это я запомнила. Больше мне не пришлось с ним никогда общаться, но по-человечески, так я думаю, он и горевал, и выпивал потому, что больно ему было.

Ну, а остальное, в частности то, что он с Н. С. Хрущевым был в родстве, — это все разговоры, досужие вымыслы. Так и про меня говорили, что я замужем за генералом... Но если по поводу сплетен вокруг себя я могу лишь улыбаться, то за Михаила Александровича мне было очень обидно — человек огромного таланта сторал на глазах у всех. Такие вот дела...

Я вспоминаю период съемок «Тихого Дона» как самую замечательную школу в своей жизни. Хотя время было очень тяжелое — и для меня лично, и для страны.

Когда я начала съемки, мне было двадцать восемь лет, а закончила — уже тридцать. Всего лишь два года... Но какие! В 1958 году все завершилось, а у меня было такое чувство, что я подошла к вершине.

Но я не думала, что достигла в своем творчестве кульминации, не собиралась останавливаться.

Выход фильма «Тихий Дон» стал большим событием для миллионов зрителей. У касс

кинотеатров выстраивались длинные очереди, фильм сразу же вышел на зарубежные экраны. Фраза «А поутру она проснулась знаменитой» ко мне не имела отношения. Вообще я считаю подобные утверждения несусветной глупостью. Должно пройти какое-то время после даже великолепно проделанной работы, прежде чем актрису станут узнавать в лицо, ею заинтересуются пресса и общественность.

А я после премьеры проснулась довольно поздно — длительный просмотр, выходы, аплодисменты, цветы, скромный банкет... Был обычный день, и я уже не была больше Аксиной. Нет, я не права: быть Аксиной мне предстояло теперь всю оставшуюся жизнь. Закончились съемки, моя Аксиныя пришла к людям уже не только со страниц знаменитого шолоховского романа, а и с экрана — живая, страстная, гордая, самобытно красивая.

В мае 1958 года мне позвонила одна моя близкая приятельница.

— Поздравляю! — сказала она.

— С чем? — Вроде никаких дат и событий в моей жизни в то время не было.

— Посмотри «Советскую культуру» за 15 мая...

Эта газета специальной анкетой подводила итоги кинематографического 1957 года. Один из вопросов был таким: «Какой из полнометражных художественных фильмов отечественного производства 1957 года вы считаете лучшим?» Анкета также предлагала назвать исполнителей лучших женской и мужской ролей. Пришло около 8000 ответов. Лучшим фильмом был назван «Тихий Дон» (1-я и 2-я серии).

Лучшей исполнительницей женской роли читатели назвали меня — за роль Аксины. Второе место заняла Руфина Нифонтова (роль Кати в «Сестрах»). Лучшим исполнителем мужской роли стал Петр Глебов. Между прочим, зрителям пришлось выбирать его из числа очень талантливых актеров — Николая Рыбникова («Высота»), Алексея Баталова («Летят журавли»), Леонида Харитонов («В добрый час») и других.

Эти годы были очень урожайными на хорошие фильмы, и зрителям было из чего выбирать.

После выхода фильма я подписалась на подборку вырезок, рецензий о нем — была тогда такая служба. Рецензий публиковалось много, и я в своей комнатке освободила пространство на полу, раскладывала их, читала. И никак не могла понять, почему критики меня упрекают то в отсутствии лиризма, то в нехватке драматизма. В каждой рецензии обязательно говорилось, чего мне не хватает. Но часто и «хвалили» так, что я долго не могла успокоиться. «Комсомольская правда», которую я со времени комсомольской юности очень уважала, вдруг разразилась тирадой: «Аксиныя в исполнении актрисы Э. Быстрицкой поначалу кажется несколько инфантильной, городской. Слишком нежны и малы ее руки, слишком изящным движением наполняет она чайник, чтобы напиться из носика. Но по мере нарастания чувства Аксины к Григорию игра Быстрицкой входит в силу и убеждает зрителя. К сожалению, во второй серии образ Аксины перестает играть какую бы то ни было роль в развитии действия, и актрисе лишь остается информативно показывать состояние героини, что она и делает вполне профессионально».

Как говорится, понимай, как хочешь. Очень странно писали о роли Аксины «Известия»: «Беда в том, что в фильме трагедия Аксины не воспринимается как трагедия, порожденная средой, ее нелепыми предрассудками, тяжелым старым укладом жизни казачества. Все происходит как-то слишком просто: уехал муж в лагерь, и она стала встречаться с Григорием. Когда Пантелей Прокофьевич укоряет Аксиныю в том, что «она шашлы заводит с парнем», и Аксиныя в ответ кричит иступленно: «За всю жизнь за горькую отлюблю!.. А там хучь убейте! Мой Гришка! Мой!» — то зритель не понимает, почему ее жизнь горькая!»

Я никогда не видела автора этой большой по газетным размерам статьи. И, прочитав ее, не вспылала ненавистью к «критикессе». Просто она мне представилась существом, которое само никогда не любило. А может, все было гораздо проще — выполнялся социальный заказ.

После этого я года три не читала в прессе ничего о своей работе. Решила, что это меня не касается — мне играть, а кому-то писать. Рецензии, которые я цитирую в этой книге,

появились в прессе в более позднее время, когда я к мнению критики стала относиться спокойнее.

Я, конечно, знала и помнила, что наш «Тихий Дон» был второй попыткой экранизации романа М. А. Шолохова. О. Преображенская и И. Правов на закате эпохи немого кино попытались снять фильм по первой книге романа. Аксиныю играла великолепная Эмма Цесарская, Григория — Андрей Абрикосов. Центральной в этом фильме была любовная драма Аксины и Григория. Фильм вышел в свет в 1928 году, и на него сразу же обрушилась критика. Один из рецензентов дописался до полного идиотизма: «Если даже в романе Шолохова не показано, как Григорий становится революционером, то в картине это надо было сделать».

Э. Цесарская сыграла Аксиныю замечательно! Я помню ее удивительную улыбку...

На одном из официальных приемов мы случайно оказались вместе: Михаил Александрович, Эмма Владимировна и я.

Мне показалось, что Цесарская смотрела на меня с легкой грустью: я была молодой, а ее время уходило...

А шолоховский Григорий Мелехов продолжает числиться одним из самых странных героев советской литературы: не революционер, не коммунист, не борец за правое дело...

Я не сомневаюсь, что наш кинематограф еще будет обращаться к «Тихому Дону». Вот хотел же снять на рубеже восьмидесятых — девяностых годов сериал по шолоховскому роману Сергей Федорович Бондарчук. Деньги дал итальянский продюсер, но что-то не заладилось, фильм так и не вышел на экраны.

Но я забежала в своих воспоминаниях на много лет вперед. А тогда, в 1958-м, мы с понятным нетерпением ждали реакцию на наш фильм «официальных кругов». Обрадовались, когда нам сообщили, что поедем с «Тихим Доном» на престижный Международный кинофестиваль в Карловы Вары. Это, конечно, не Канны, но все-таки... В Карловых Варах, уютном чешском курорте, «Тихий Дон» получил свою первую премию. А всего на разных международных кинофестивалях их дали, как подсчитан Петр Глебов, девятнадцать!

У нас же чиновники от кино присматривались, принимались к «веяниям», кинокритики сдержанно анализировали огромную работу по принципу «два пишем, один в уме». С большим изумлением читала я иные рецензии на наш фильм. Известный писатель удачу фильма видел вот в чем: «Оказалось, что безграмотная казачка Аксиныя Астахова способна любить не менее глубоко и страдать не менее трагично, чем Анна Каренина, а мятущаяся душа Григория Мелехова не менее сложна, чем душа Андрея Болконского, а батрак Мишка Кошевой не менее напряженно мыслит, чем Пьер Безухов...»

Странные сравнения несравнимого! А вот другой писатель, напомнив о целине, стройках, химии и домнах, призывал молодежь: «Так пусть не будет в наших рядах колеблющихся Мелеховых, то включающихся в шеренгу активных строителей будущего, то покидающих их ради ложно понятой привычной стабильности своего повседневного существования...»

Становилось очень обидно: неужели можно так опозлить идеи романа и фильма?

«Советская культура» определяла трагедию Григория Мелехова как результат столкновения отсталого представления о жизни «с передовым историческим движением эпохи».

Фильм выдвинули на Ленинскую премию, но он ее не получил. Постарались «заклятые друзья» С. А. Герасимова и М. А. Шолохова. Нашли «неотразимый» аргумент: надо подождать третьей серии.

Когда работа над «Тихим Доном» была окончательно завершена, он снова был выдвинут на эту престижную награду. В списке соискателей была и я. Увы! На этот раз аргументы были иные. Вышел на экраны фильм С. Ф. Бондарчука по рассказу М. А. Шолохова «Судьба человека», и кто-то решил, что не стоит давать премию двум фильмам по произведениям одного и того же писателя. А почему нельзя? Разные фильмы,

режиссеры, операторы, актеры...

Конечно, нам, участникам съемок «Тихого Дона», было неприятно, что нас обошли вниманием. Но мы были уже не юные, наивные и неплохо разбирались в «кухне», на которой ответственные «кулинары» тогда «стряпали» премии.

С Петром Глебовым мы иногда говорили о том, почему «Тихий Дон» не получил ни одной награды в стране. И ему, и мне это было непонятно. Мы со всех сторон слышали от настроенных объективно и доброжелательно деятелей кино, писателей, просто компетентных зрителей восторженные отзывы о фильме. И в то же время никто не пожелал отметить огромный труд большой группы талантливых людей. Я говорю не о себе, меньше всего я подвержена тщеславию. Но в фильме снимались замечательные актеры, его режиссер и оператор — выдающиеся мастера кино...

Ни я, ни Глебов не находили ответа на такой важный для нас вопрос. И только много позже я задумалась: может быть, все дело в том, что ни главный герой, ни главные героини — не революционеры, не коммунисты? И к тому же — казаки и казачки, к которым отношение всегда было настороженное, опасливое? Да и Шолохов становился все более и более нетипичной фигурой в советской литературе. Он с течением лет не «бронзовел», перед ним официальные власти заискивали, но он сидел в своей Вешенской и избегал участия в политических играх. К тому же вокруг него вертелась в хороводе какая-то мелочь.

Меня нередко спрашивали: «Как я отношусь к Шолохову?» Повторю то, что говорила тогда и в чем убеждена и сегодня: это великий писатель и замечательный человек. Советская литература знает много трагедий: лагеря, выстрел в сердце, петля на гостиничной батарее... Шолохов все последние годы своей мятежной жизни убивал себя. Не нашлось никого, кто остановил бы его...

Двадцать первого февраля 1984 года Шолохова не стало. Михаил Александрович завещал похоронить его в родной станице Вешенской. Эта последняя воля была исполнена. Уход Михаила Александровича называли «безвременным», хотя все понимали, что 79 лет, до которых он немного не дожил, — вполне достойный возраст.

Я восприняла смерть Шолохова как тяжелейший удар судьбы. Не успела я опереться на сильные плечи, любовь и волю к жизни его Аксиньи, как наступало другое время. Я писала в эти дни в «Известиях»: «Он умел слушать собеседника, был бесконечно величав в своих проявлениях. У него были синие-синие, как васильки, глаза, прекрасная добрая улыбка и очень доброе сердце».

...Ежегодно я хожу на книжные ярмарки на ВВЦ. И мне становится горько и обидно, когда среди новых изданий десятков российских издательств я не нахожу книг Михаила Александровича. Утешаю себя тем, что он так далеко шагнул в будущее, что его время еще впереди.

После смерти М. А. Шолохова на него обрушились потоки клеветы. В своих интервью, выступлениях, беседах с писателями я, как могла, защищала доброе имя Михаила Александровича. Но многое ли я могла?

Мне было стыдно читать о Шолохове нелепые выдумки, клеветнические измышления. Я очень благодарна писателю Льву Колодному за то, что он добрался до истины и написал правду о трагедии Шолохова. И донские писатели встали на защиту Михаила Александровича. Я тогда думала: что же это за жизнь такая, в которой гению требуется защита?

За роль Аксиньи я не получила никаких наград и званий. И все-таки я была счастлива: мою Аксинью признали, приняли, полюбили зрители в стране и за рубежом. Письма мне носили мешками — это были искренние, восторженные послания от самых разных людей. Я особенно радовалась письмам с Дона — ведь именно там были самые строгие и нелюбезные зрители, очень трогательно и требовательно относившиеся к шолоховским героям.

Когда донские казаки присвоили мне звание полковника Войска Донского, вручили соответствующее удостоверение, форму и именовали не иначе, как «Элина Донская», я

шутила:

— Вот явлюсь в свой Малый театр в форме, погонах. То-то будет переполох!

Но, кроме шуток, эта награда мне очень дорога. У меня множество почетных дипломов, грамот, удостоверений и т. д. Эта же — самая-самая. Ибо она даже не только мне, но и изумительной донской казачке Аксинье, которую весь казачий Дон помнит и любит.

Интерес к фильму был огромен, меня постоянно приглашали на встречи со зрителями. Я не отказывалась, отправлялась в дальние дали, выступала на стадионах, в больших дворцах культуры и маленьких клубах. Это было утомительно, требовало больших нравственных и чисто физических сил, но я преодолевала усталость, ехала поездами, летела самолетами. На встречах задавалось множество вопросов. Самый распространенный из них: как я стала актрисой. Часто спрашивали о съемках, моих партнерах по фильму, о том, как снимались те или другие сцены. Почему-то многих интересовало, замужем ли я и какая у меня семья, кто мои родители. Помню и такой вопрос:

— Как ваш муж относится к любовным сценам с Григорием Мелеховым?

Я догадывалась, какая сцена имеется в виду, и ответила:

— Он знал, что я попросила проложить между мной и Григорием валик из скатанного одеяла.

Не знаю, поверили ли мне, но было именно так. Я до сих пор не понимаю, как снимаются актрисы в чересчур откровенных сценах. Для меня это было бы совершенно невозможно. Убедена, что в драматургию действительно художественного фильма не должны вплетаться цинизм и пошлость.

Конечно, многих интересовало, были ли у меня романы с моими партнерами по фильму. Я совершенно искренне отвечала: нет. Кстати, я не раз видела, как такие мимолетные романы мешают работе над фильмами.

Настойчиво расспрашивали о моих дальнейших творческих планах. Я говорила о том, какие роли хотела бы сыграть в кино. Но все это было из области мечтаний. Что же касается работы с Сергеем Аполлинарьевичем Герасимовым, то наши творческие пути больше не пересекались. Наверное, потому, что он снимал фильмы, в которых я была не нужна. А проситься? Один раз это было, но судьба не любит повторов...

Девушка в красной косыночке

Во время съемок «Тихого Дона» я в свободное время приходила в семью, в которой меня любили. Композитора Марка Григорьевича Фрадкина я очень уважала, а его супруга стала моей близкой подругой. Я считала себя тогда жуткой провинциалкой и с ее помощью, естественно, незаметно, пыталась постигнуть основы московской светской жизни. Тогда не было в ходу словечко «тусовка». Люди творческие, приобщившиеся к культуре, придерживались — чисто инстинктивно — определенного свода писаных и неписаных правил поведения в обществе. Нарушать их считалось неприличным. Никто не «тусовался» напоказ — просто общались, и такое общение много давало душевного, обогащало.

Марк Григорьевич тогда работал с режиссером Юрием Павловичем Егоровым над музыкой для фильма «Добровольцы», который вскоре предполагали снимать.

Сценарий я увидела у жены Фрадкина, Раисы Марковны, на столе. И так мне понравилась Лелька Теплова! Каждый раз, когда я встречалась с Егоровым у Фрадкиных, я задавала ему один и тот же вопрос: «А кто у вас будет играть Лельку?»

Егоров, конечно, понимал, почему я задаю этот вопрос. Тогда попросить роль было не стыдно. Все равно нужно было пройти процедуру конкурса. Поэтому мой интерес к роли Лельки меня как бы ни к чему не обязывал и ни к чему не обязывал режиссера. Но когда я повторила этот вопрос много раз, Юрий Павлович сказал такую фразу:

— Да у тебя же длинные волосы, а Лелька стриженная...

И тут я сразу же сообразила, что мне нужно делать. Среди друзей Раисы Марковны была Клеопатра Сергеевна, ассистентка Егорова. Мы ее ласково называли Патя —

очаровательная женщина, очень остроумная, яркая брюнетка. Я ей сказала:

— Патенька, давай мы сделаем фотографию... Пришьем такие стриженные кончики к косыночке красной, вот здесь — возле ушей, и челочку приделаем...

Мы это проделали... И Патя показала фотографию Егорову. Он спросил:

— Неужели она подстриглась?

— Да, — ответила Клеопатра Сергеевна, — подстриглась.

Ну, тут деваться Юрию Павловичу было некуда, и мне дали пробу, то есть приняли для участия в конкурсе. А там я победила! Радость мою трудно передать.

В основу этого фильма был положен стихотворный роман Евгения Долматовского. От первых пятилеток до послевоенных лет, два экранных десятилетия — таков временной диапазон фильма. Это была жизнь целого поколения, наполненная романтикой и благородными порывами.

Я еще жила образом казачки Аксиньи, а уже играла роль простой, искренней, обаятельной работницы-метростроевки Лели Тепловой. Говорят, она мне удалась. Я даже знаю почему: мне были близки по духу молодые героини фильма, их убеждения и поступки. Они были цельными, жизнестойкими. Если любили — так любили, ненавидели — без оглядки...

Это было поколение моей мамы. Я помню у мамы комсомольский значок, окруженный присборенной красной лен-точкой-розеткой, помню ее красную косыночку...

Юрий Павлович Егоров — талантливый ученик Сергея Аполлинарьевича Герасимова. Фильм, по мнению критиков, получился фрагментарным, но он был очень крепко сколочен, хорошо музыкально оформлен. Моим партнером был Михаил Александрович Ульянов. Он играл роль возлюбленного, а потом мужа Лели Тепловой — Кайтанова. В фильме снимались Леонид Быков, Петр Щербаков, Микаэла Дроздовская, Люся Крылова. То есть собрался ансамбль талантливых актеров. И все были молодыми, полными сил...

Съемки получились очень долгими и сложными, но действие фильма растянуто на десятилетия. Работала я с большим удовольствием. Талант актеров и режиссера помогли сделать фильм без единой фальшивой ноты.

Лельку Теплову я играла на пределе своих возможностей. Недостаток опыта восполнялся энтузиазмом. Иногда я представляла ее своей сестрой: я ведь тоже была добровольцем — малолеткой ушла на фронт. Поистине это была моя героиня...

На этих съемках я часто думала о своих родителях, об их, не побоюсь этого слова, жертвенности во имя общего блага, страны. Мама в тридцатые годы добровольно шла на самые тяжелые работы. А отец... Другой такой судьбы я просто не знаю. Добровольцем ушел на Гражданскую, потом попросился на Польскую войну. Он — опять-таки добровольно — был в действующей армии на Халхин-Голе, в первые дни Отечественной войны, не дожидаясь повестки, ушел защищать Родину. Когда наш санитарный эшелон разбомбили и наступило относительное затишье, отец добровольцем отправился под Сталинград, где шли тяжелейшие бои и погибали девять из десяти наших солдат. Когда от него долго не было писем, я находила утешение в разговорах с ранеными, которые говорили: «Может, пропал без вести, или его взяли немцы в плен...» Один из фронтовиков хмуро сказал мне: «Добровольцы в плен не сдаются». Как ни странно, эти слова его я восприняла как утешение: раз не в плену, значит, воюет, жив».

И мне хотелось сыграть в фильме так, чтобы всем стало понятно: добровольцы — люди особой закалки, гордость народа.

О «Добровольцах» много писала пресса. Дело в том, что тогда приближалось 40-летие ВЛКСМ, и фильм быстро причислили к тем, что «комсомолу посвящаются». Его создатели не возражали, хотя мы все вкладывали в понятие «доброволец» гораздо более широкое содержание.

Казалось бы, «Добровольцы» получились героико-романтическим фильмом о советском времени и его нравственных ценностях. Новая эпоха должна была бы «задвинуть» эту картину на самые дальние архивные полки. А ее смотрят... Вот и недавно, в 2002 году,

снова показали на экранах ТВ. Времена меняются, а фильм живет! Потому что он о том, как люди, отказывая себе во всем, строили будущее страны. И мы должны не уставать говорить им «спасибо!» и низко, низко кланяться. Постараться не портить то, что они сделали.

Когда я снова, в который раз, смотрела «Добровольцев», я думала о том, что наше умение уничтожать платформу, на которой стоим, рвать традиции — фантастическое. Я нигде не видела, чтобы с таким азартом люди разрушали то, что было создано их предшественниками, отцами, матерями. Может быть, это идет от наших давних постулатов — разрушать «до основания». А мне больно. Больно, что гибнут народные традиции, рвется связь поколений. Чтобы восстановить все это, придется долго и упорно трудиться. Утешает только то, что не впервые нам приходится начинать все сначала.

Мы попали в такое положение, когда нас жалеют во всем мире. Да, мы больны, но с этой бедой должны справиться сами. К сожалению, многие сегодня растерялись. Есть немало людей, которые не хотят работать, потому что не видят в этом смысла, а у человека обязательно должна быть цель, ради которой он трудится. Вот это хорошо знали молодые герои фильма — добровольцы, призванные своей страной. Не хотела об этом писать, но напишу все-таки: поэтому и кажется этот фильм таким странным на фоне разухабистых сериалов — чистый родник из прошлого...

Я и сегодня горжусь своим участием в «Добровольцах». Картина вышла на экраны в счастливое для меня время. Появились на экранах первая и вторая серии «Тихого Дона», завершились съемки третьей серии. Два больших, хороших фильма подряд, и в обоих я в главных ролях!

Я понимала, что не должна останавливаться, что искусство — это всегда движение. Желательно по лестнице, ведущей вверх.

Уже усвоила простую истину: участие в фильме, в спектакле — это частица моей жизни, «глава» той Книги, которая пишется долго и трудно. И нельзя растрчивать силы на «проходные», маленькие строки...

Выбор на всю оставшуюся жизнь

Я знала, в каком театре хотела бы работать. Еще когда училась в Киеве, не пропускала ни одного спектакля Малого театра, когда он приезжал к нам на гастроли: «Волки и овцы», «Варвары», «Калиновая роща», «Порт-Артур»... Позже театральные критики в статьях обо мне писали, что я с восхищением следила за игрой Е. Турчаниновой, В. Рыжовой, В. Пашенной, Е. Шатровой, Е. Гоголевой, К. Зубова, М. Царева, Н. Анненкова со ступенек последнего яруса. И восхищение мое было искренним и безраздельным. За возможность работать в Малом театре я отдала бы все сокровища мира. Но Малый театр несколько лет оставался для меня недостижимой планетой. Я должна была сделать что-то значительное, чтобы иметь право прийти туда. И вот появилась надежда: мне казалось, что «Неоконченная повесть», «Тихий Дон» и «Добровольцы» дали мне право попытаться попасть в Малый.

Своей мечтой я поделилась с Леночкой Аросевой, сестрой актрисы Ольги Аросевой.

— Иди! — вдруг решительно сказала она. — Им нужны актрисы, очень многие по разным причинам ушли из театра.

Может, это было и преувеличением, но все же я позвонила руководившему театром Михаилу Ивановичу Цареву и сказала, что хотела бы с ним поговорить. Михаил Иванович назначил время. Встреча состоялась и началась с того, что я предъявила свою «творческую карточку».

И, конечно, сказала, что еще студенткой видела гастроли театра и с тех пор мечтаю работать в нем. Возможно, это прозвучало наивно, но Царев выслушал меня доброжелательно.

— Хорошо, — сказал он. — Вам позвонят. Недели через две...

Я стала ждать... Мне позвонили очень скоро, кажется, на второй или третий день. Я пришла и прочитала пьесу Оскара Уайльда «Веер леди Уиндермиер», по которой готовился

спектакль. Прочитала и сказала, что хотела бы сыграть роль миссис Эрлин. На это мне член худсовета театра Евгений Калужский ответил:

— Ну, это лет через пятнадцать вы будете играть...

Я не «дотягивала» до миссис Эрлин по возрасту и опыту.

Кстати, я получила эту роль через пять лет. А тогда мне предложили роль леди Уиндермиер. Было интересно после донской казачки и комсомолки-метростроевки сыграть английскую аристократку.

Хорошо помню, с каким чувством пришла на свою первую репетицию. Я так боялась! Просто до жути! Ведь это был самый, самый... самый лучший театр, который только я себе представляла. И невероятно красивый — с позолоченными ярусами, великолепной сценой.

Я была потрясена, сражена, счастлива! Еще до работы в Малом мне удалось в Париже побывать в Гранд-опера, в Комеди Франсез — словом, я видела лучшие театры мира, но Малый был прекраснее всех! По крайней мере — в моем воображении, в моем представлении. И актеры этого театра — конечно, самые блистательные!

Но до чего же мне было страшно перед моей первой репетицией! Я была как первоклассница, которую случайно занесло в седьмой или восьмой класс. И чувствовала себя ниже всех и хуже всех. Может быть, из-за этого замкнулась — мне было очень трудно. Медленно и долго приходила в форму. Буквально болела, физически болела. Сама себе поставила диагноз — стресс. Мне сложно объяснить свое состояние в то время. Вроде бы не было оснований для таких волнений, переживаний. Но я понимала, что от этих дней, от первых шагов в театре зависит вся моя будущая жизнь.

Мне было сложно выдержать такое напряжение, потому что я все еще не преодолела нагрузки после съемок «Тихого Дона» и «Добровольцев» — нервные запасы тоже имеют свои пределы. Но я не могла позволить себе передышку, паузу, ибо рисковала сойти с дистанции.

Постепенно пришла в себя, стала осматриваться, осваиваться, наблюдать, как работают другие. Увидела, что кое-что и я могу. Помогли мне зрители. Они меня приняли сразу. Актер прекрасно чувствует, как относится к нему зал, и если отношение доброжелательное — это для него мощная поддержка.

Когда я пришла в Малый театр, я практически ни с кем из его актеров не была знакома. Видела их на сцене, читала имена на театральных афишах. Но для меня это были люди из иной, не знакомой мне жизни: есть обитатели Олимпа, а вокруг него простые смертные...

Помню, я увидела Евдокию Дмитриевну Турчанинову, она шла через «ермоловское фойе» со второго этажа к выходу на сцену. А я поднималась по лестнице наверх и остановилась, пропуская Евдокию Дмитриевну. Она была в гриме Мурзавецкой — тогда давали «Волки и овцы». Я поклонилась, но так оробела, что не смогла ничего выговорить. Она была очень строгая, особенно в этом гриме. Турчанинова спросила почти сурово:

— Вы кто?

Заикаясь, объяснила, что я Быстрицкая, актриса, которая принята на договор.

— А я Евдокия Дмитриевна Турчанинова... Здравствуйте.

Я робко поздоровалась, а потом долго думала, почему вдруг она таким образом представилась мне. И поняла... В Малом театре было принято младшим со старшими здороваться первыми и называть свое имя-отчество. Это и сегодня так. Но сейчас старшая — это уже я. Когда молодые со мной здороваются, я вспоминаю эту встречу за кулисами. И понимаю, что есть традиции, которые значат очень много, и их надо поддерживать, продолжать.

Режиссером спектакля «Веер леди Уиндермиер» был Виктор Комиссаржевский. Партнеры у меня оказались замечательные: миссис Эрлин играла Дарья Зеркалова, лорда Дарлингтона — Михаил Садовский, моего мужа, лорда Уиндермиера, — Анатолий Ларионов.

В спектакле были заняты Владимир Владиславский, Владимир Кеннигсон, Никита Подгорный, Елена Шатрова, Наталья Белевцева и другие актеры и актрисы старшего

поколения. Я сейчас называю их по именам, но тогда на такую «вольность» ни за что бы не решилась — все они были старше меня по возрасту и гораздо богаче театральным опытом.

Среди этих актрис была женщина, на которую невозможно было не обратить внимания, хотя она выходила на сцену всего лишь в массовках. В давнее время она окончила Институт благородных девиц. Я смотрела на нее: как она ходит, ведет себя, держится. И через нее пыталась воспринять «науку» того времени, тот мир, в котором жила моя леди Уиндермиер. Что ни говорите, врожденный или благоприобретенный в юности аристократизм дорогого стоит. Можно казаться аристократкой, но невероятно трудно ею стать. Не так давно я во все глаза смотрела на казаков и казачек, училась искусству полоскать белье в речной воде и носить воду «бедрами». Теперь же мне нужны были иные образы, диаметрально противоположные примеры. Я ни по рождению, ни по воспитанию не была аристократкой. Но я знала, что если не стану «леди» — меня ждет сокрушительный провал. Малоизвестная актриса из массовок помогла мне пройти ускоренные «курсы женского благородства». Странно, но я сейчас даже не помню ее имени. Так бывает: имена людей, которым мы чем-то обязаны, быстрее выветриваются из нашей памяти, нежели имена тех, кто причинил нам боль и зло.

Ключом к пониманию характера леди Уиндермиер стали ее слова в сцене объяснения с мужем: «В женщинах, которых называют хорошими, таится много страшного — безрассудные порывы ревности, упрямства, греховные мысли. А так называемые дурные женщины способны на муки, раскаяние, жалость, самопожертвование».

Эти слова явились для меня откровением. Может быть, именно тогда я впервые поняла, что не мой это удел — играть положительных или отрицательных героинь, я должна играть судьбы женщин.

Мои героини были совершенно несхожими, между ними не было ничего общего. Они вторгались в мою жизнь из разных времен и слоев общества. Признаюсь, на некоторых из них я посматривала с опаской, ибо каждая была Женщиной, «плохой» ли, «хорошей» — это иной вопрос. Я начинала робкое знакомство с каждой новой «таинственной незнакомкой», чтобы для зрителей стать Натальей из «Осенних зорь» В. Блинова, Ниной из «Карточного домика» О. Стукалова, Кэт из «Острова Афродиты» А. Парниса, Клеопатрой Гавриловной из «Почему улыбались звезды» А. Корнейчука, Паранькой из «Весеннего грома» Д. Зорина... Я называю мои главные роли лишь шестидесятого — шестьдесят первого года. С каким напряжением я тогда работала! И с каким наслаждением!

После Параньки я играла баронессу Штраль в «Маскараде» М. Ю. Лермонтова — даму из высшего общества, вынужденно участвующую в маскараде, поставленном жизнью. И вдруг я почувствовала, что тоже становлюсь действующим лицом маскарада, и жесткие правила игры и поведения без скидок на усталость, симпатии и антипатии мне диктует театр. Помню, после премьеры «Маскарада» мне безумно захотелось встретиться с баронессой Штраль, если бы она существовала в действительности, и спросить:

— Как я вам, баронесса?..

У меня есть редкая возможность посмотреть на себя со стороны, на ту, какой я была в год прихода в труппу Малого театра, глазами удивительно талантливой и проницательной актрисы Елены Николаевны Гоголевой, которая оставила об этом такие строчки: «Элина Быстрицкая пришла в труппу Малого театра в 1958 году. Все мы хорошо знали эту актрису по кино. Только что с огромным успехом по экранам страны прошел «Тихий Дон» в постановке Сергея Герасимова, где Быстрицкая блестяще сыграла Аксиныю. Предшествовала ей интересная работа в фильме Фридриха Эрмлера «Неоконченная повесть». Но это было в кино. Я и мои товарищи хорошо знали, что экран и сцена драматического театра — не одно и то же. Театр требует несколько иных данных. Тут и умение держать образ не на один кадр, а на целый вечер, жить на сцене перед зрителями несколько часов, и способность перевоплощаться именно в ту героиню, которая предложена автором, и, наконец, обладание безупречной речью и дикцией, что так важно именно в Малом театре.

Думая об этом, я, будучи членом художественного совета, решила посмотреть дебют

Быстрицкой в спектакле по пьесе Оскара Уайльда «Веер леди Уиндермиер», где ей поручили заглавную роль. Прекрасные внешние данные актрисы меня не удивили. Но вот чудесный, хорошего диапазона голос, великолепная дикция, элегантность — обрадовали. Чувствовалось, что она владеет своим сильным, свежим голосом, придавая ему мягкость, бархатистость. Ее звучное слово было наполнено искренним чувством и мыслью, будило сопереживание зрителя. Быстрицкая хорошо владела телом, жесты ее были красивы, походка — изящна».

Мне порою приходит в голову странная мысль: вдруг собрались бы вместе мои героини — вот образовалось бы изумительное общество.

Часто спрашивают: есть ли у меня, сыгравшей на сцене и в кино десятки самых разных женщин, идеал женщины?

Именно потому, что я сыграла роли разных женщин из разных эпох, из разной жизни, я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Все роли мне одинаково дороги: за каждой из них — труд души, огромное волнение, сбывшиеся и несбывшиеся надежды. И выделять кого-то особо мне бы не хотелось.

Но я могу сказать, что мне никогда не нравились женщины грубые, мужеподобные, забывающие о своем высоком предназначении на земле. В последние годы в моду вдруг вошла распушенность в одежде и нравах. Иные девицы проходят по жизни, стуча каблуками мужских ботинок, в пальто и куртках, сшитых из солдатского сукна. Они не прочь ругнуться матерком, выпить в троллейбусе бутылку пива прямо из горлышка, навесить на себя железки и бляхи... Умом я понимаю, что это форма самоутверждения, стремление выделиться из толпы. Я их не осуждаю. Просто мне кажется, что это существа некоего среднего рода, возникшего на стыке столетий и культур. И леди Уиндермиер или миссис Эрлин мне гораздо ближе, нежели эти раскрепощенные дочери смутных времен.

Спасибо всем — друзьям и недругам!

На концертах в моем детстве, в провинциальном Нежине, бойкие ведущие в финале произносили такие слова: «Всем, всем большое спасибо!» Вот и я сейчас, думая о своей работе в Малом театре, говорю: «Всем, всем большое спасибо! И друзьям, и недругам-соперницам. Все вы меня многому научили».

На мое счастье, у меня в театре оказалось немало друзей. Большие актеры и актрисы, которые не только помогали, но и раскрывали передо мной уникальный мир любимого театра.

Я дружила с Софьей Николаевной Фадеевой. Она не была «первейшей» актрисой. Но я ее помнила по роли Аги Щуки в «Калиновой роще» А. Корнейчука, спектакле, который я увидела в Киеве, когда была студенткой театрального института. И восхищалась этой ее работой. Когда уже в Малом театре Софья Николаевна проявила ко мне доброе отношение — я была рада. Я очень ценила ее дружбу. Точно так же, как гордилась дружбой с Еленой Николаевной Гоголевой, которая у меня сложилась после нашей совместной игры в «Волках и овцах», где я была Глафирой.

Очень много я общалась с ними в гастрольных поездках; тогда у меня появлялась возможность расспрашивать их о Малом театре, узнавать что-то интересное и необходимое. Хотя я никогда не задавала вопросов о том, чего мне не следовало знать, — я всегда как-то чувствовала это и была осторожна. Но однажды, зная, что Софья Николаевна в очень сложных отношениях с Верой Николаевной Пашенной, на просьбу последней быть Катериной в «Грозе» ответила, что за эту роль не возьмусь, а вот Варварой — могу. Вера Николаевна тогда очень хотела сыграть Кабаниху, торопилась в работе над ролью, нуждалась в опытной партнерше. Я не могу забыть ее глаз; после этого она со мной перестала разговаривать.

Причина моего решения была простая — я боялась Веры Николаевны. Роль отдали Руфине Нифонтовой. А Нифонтова в это время была в декрете, то есть она не могла выйти на

премьеру так скоро, как хотела этого Вера Николаевна.

Но я, видимо, чего-то тогда не понимала. Из-за того, что Софья Николаевна опасалась Веры Николаевны, я ее тоже избегала. Особенно общения на сцене. Я из-за кулис смотрела Веру Николаевну в спектакле «Остров Афродиты». И, клянусь, видела синие молнии, летевшие у нее из глаз! Я не могла ошибиться — я это видела! У нее была такая энергетика, что становилось страшно.

Я наступила тогда на свою душу. Не ожидала такого предложения от Веры Николаевны и чисто инстинктивно, не задумываясь, отвергла его. Если бы у нас с ней состоялся осторожный, уважительный разговор, то, возможно, все сложилось бы иначе. А так — возле лифта, на ходу, вдруг...

Потом я очень жалела, но это было потом. И уж совсем честно — я сомневалась, что смогу успешно, с блеском сыграть Катерину. Я была истощена ролью Аксиньи, и мне казалось, что героиню такой трагической судьбы я уже дать никогда не смогу. Давно прошел по экранам «Тихий Дон», а Аксинья не отпускала меня от себя, и даже когда я не думала о ней, она все равно была в моем сердце...

Еще одним ярким знакомством для меня стала встреча с Александрой Александровной Яблочкиной, к которой мы вместе с Софьей Николаевной ходили в гости. И всякий раз попадали то когда она обедала, то когда у нее был полдник или что-то подобное. Мы не принимали участия в ее трапезе, но со скрытым любопытством наблюдали за тем, как все происходит. Это для меня тоже была большая школа. Ее стол всегда был сервирован так, словно у нее дома большой прием: фужеры, бокалы, салфетки, тарелки и тарелочки, и т. д.

При этом она могла не пить и не есть. Стол, за которым она сидела, — большой овальный, торца у него не было, она садилась за узкой частью овала, ей повязывали салфетку... Тогда Александре Александровне было уже много лет — кажется, девяносто четыре. Работать в театре она закончила в девяносто шесть. В девяносто восемь ее не стало...

Я была глубоко благодарна Александре Александровне за ее единственную фразу обо мне. На художественном совете, когда решался вопрос о моем приеме в Малый театр, она вдруг сказала:

— Я поняла все, что она говорит... Надо брать.

По молодости я не сообразила, что значат эти слова. Лишь потом я поняла, что она оценила мою дикцию. А тогда я чуть ли не обиделась на нее, мне показалось, что это недооценка.

Не могу сказать, что меня все в театре приняли с распростертыми объятиями. Многие актеры с опытом, известными именами относились ко мне очень доброжелательно, не скупилась на тактичные советы и помощь. Но было немало и тех, кто присматривался, оценивал мои достоинства и недостатки, видел во мне неожиданно объявившуюся конкурентку-соперницу. Отношения складывались трудно. Помню до сих пор и волнение, и напряжение, с которыми я вышла на сцену на премьеру спектакля «Веер леди Уиндермиер».

Собственно, тогда от успеха или провала зависела вся моя дальнейшая судьба. Роль давалась трудно, но у меня все получилось. Спектакль держался в репертуаре довольно долго, с аншлагами, билетов на него было не достать. Не могу сказать, что эта роль принесла мне оглушительный успех. Но зрители принимали тепло, многие актеры Малого театра поздравили с удачей.

После «Веера леди Уиндермиер» мне щедро предлагались роли в новых спектаклях Малого театра. Я ни от чего не отказывалась: главное — быть занятой, работать!

Так, меня изначально, как говорится, «не грела» роль Кэт в спектакле «Остров Афродиты» по пьесе А. Парниса. В нем были заняты прекрасные актрисы: греческую мать играла Пашенная, английскую — Гоголева. Я была дочерью английской матери. В основе сюжета — борьба греков за независимость в XIX веке, но уровень драматургического решения был довольно примитивным. Мы — и я, и знаменитые Пашенная и Гоголева — очень старались, но зрители принимали нас прохладно.

Этот спектакль шел недолго. Учитывая политическое звучание темы, в прессе его не ругали, но для нас, актеров, это было слабым утешением.

Вся моя жизнь в этот период складывалась в цепочку малых и больших событий, центром которых был театр, спектакли, взаимоотношения с коллегами. Хочу сказать, что занять достойное место в труппе знаменитого театра, где отношения между людьми давно сложились, всегда очень сложно. Тебя внимательно изучают, делают какие-то выводы, кое-кто не прочь подставить и ножку, ибо творческое и чисто человеческое соперничество очень развито. Не унижусь до того, чтобы употреблять расхожее словечко «интриги». Но куда от него деться?

Для меня, к примеру, стали совершенно невозможными никакие отношения с одной актрисой. Мне дали ту же роль, которую играла и она. Были гастроли театра в Ленинграде. На гастроли театр уехал без меня. В Москве в это время проходил молодежный фестиваль, меня пригласили, и я пошла на него, так как у меня было свободное время. В фестивальной зале меня увидел ответственный работник Министерства культуры, который устраивал ленинградские гастроли (не знаю, чем это объяснить, но я никогда не запоминала фамилии чиновников). Он спросил меня:

— Почему вы не на гастролях?

— А меня туда никто не посылал, — ответила я, что было пусть и обидной для меня, но правдой.

Он удивился, но расспрашивать ни о чем не стал. Я не знаю, что произошло дальше, но актрису, с которой мы играли одну и ту же роль, срочно отправили из Ленинграда в Москву, а мне руководство театра предложило немедленно выехать в Ленинград. Я до сих пор не знаю, почему произошла такая срочная замена. Может быть, кто-то потребовал, чтобы я приняла участие в гастролях, может быть, зрители настойчиво интересовались, почему меня нет, я ведь уже была достаточно известной актрисой.

Я не хочу, чтобы у моих читателей сложилось впечатление, что я постоянно пребывала в состоянии конфликтов со своими коллегами-актрисами, режиссерами и другими «действующими лицами». Это не так. Если я видела, что назревают какие-то противоречия, я предпочитала отойти в сторонку — конечно, если это не наносило ущерба моему самолюбию, и особенно положению в театре, в творческом коллективе.

Очень неприятным для меня, затяжным, изматывающим был конфликт с режиссером Борисом Равенских. Еще в 1960 году театр готовил спектакль «Осенние зори» по пьесе В. Блинова. Я должна была играть Наталью. Ставил спектакль Б. Равенских. Работать с ним было трудно, а потом наступил такой период, когда это стало невозможным. Хуже нет, когда режиссер сам не понимает, чего хочет от актрисы, постоянно срывается на мелкие, обидные придирки, ущемляющие ее самолюбие. Допустим, мог показать на нечто вроде столика и спросить:

— А ты можешь туда запрыгнуть?

Этого по роли совсем не требовалось, но из чувства противоречия я «запрыгнула» и спросила с иронией:

— Ну и что дальше?

Вот так и проходили репетиции... Однажды Равенских раздраженно бросил:

— Это тебе не со своим мужем выяснять отношения!

Такие разногласия между творческими людьми, работающими в относительно замкнутом коллективе, не проходят бесследно.

В жизни Малого театра был такой период, когда всеми его делами — и творческими, и административными — заправляла режиссерская коллегия: Царев, Бабочкин, Ильинский и Варпаховский. Может быть, кто-то еще, не помню, это продолжалось недолго. В Министерстве культуры вдруг решили, что нам нужен главный режиссер, которым и был назначен мой давний «друг» Равенских. И первое, что он стал делать, — это ломать, пересматривать репертуар.

Ударом для меня стал уход из театра Леонида Викторовича Варпаховского, с которым

мне легко и интересно работалось. С ним были связаны мои удачи в «Бешеных деньгах», «Главной роли» и других спектаклях.

В руках у главного режиссера сосредоточена большая власть. Я ожидала неприятностей, и они не замедлили последовать. Прелюдией к ним послужил один странный случай...

Как-то Равенских подошел ко мне в театре и сказал, что нам надо бы пообщаться. Я решила, что это на предмет выяснения наших недоразумений, и согласилась. Удивилась лишь, что он назначил встречу на квартире своей соседки по дому, секретаря директора, очаровательной пожилой дамы. К себе домой он не мог меня пригласить: я бы не пошла, и он это понимал. Мне только было не ясно, почему мы не могли поговорить, объясниться в театре. Но выбор места «свидания» я отнесла на счет странностей Бориса Равенских, о которых знали все в театре. Он, к примеру, верил, что к нему на плечи садятся «чертики», и словно бы мимоходом небрежно стряхивал их рукой, среди разговора вдруг замолкал, мог сказать что-нибудь невпопад... Но на это в театре особого внимания не обращали — мало ли у кого какие привычки и причуды.

Просидела я дома у секретаря директора довольно долго. Вначале мило беседовали, пили чай, потом хозяйка уже и не знала, как меня занять, — Равенских все не появлялся. Наконец пришел с большим опозданием, а у меня на это время были назначены съемки.

Как только он появился, я посмотрела на часы и стала прощаться. Равенских решил меня проводить. И по пути стал говорить нечто такое, из чего я поняла, что как актриса я его не интересую, а намерения у него вполне определенные, он не стал даже скрывать это.

Может, нехорошо, что я сейчас вспоминаю именно этот не очень приличный эпизод, но, во-первых, каждый должен знать, что время не всегда убирает из памяти недостойные поступки, а во-вторых, хотелось бы объяснить причины дальнейших событий.

Естественно, принять его ухаживания ни при каких условиях я не могла. Воспользовалась тем, что появилось такси, и уехала.

Через некоторое время вывесили распределение ролей в спектакле «Любовь Яровая», в котором я должна была играть главную роль. Это вызвало очень негативное отношение в труппе.

Новость бурно обсуждалась, я чувствовала, что за моей спиной идут оживленные разговоры. Мне это было крайне неприятно, мешало работать.

Один мой доброжелатель рассказал мне, что на актерской вечеринке довольно известная актриса подняла тост за мой... провал. Это было удивительно, так как желать друг другу провала, тем более публично, в актерской среде не принято.

Я не знала, как поступить, но оставить без ответа такой выпад не могла — злое пожелание слышали много людей, по театру поползли слухи.

Я позвонила актрисе и сказала:

— Спасибо за то, что в своем тосте вы пожелали мне успеха.

Она растерянно помолчала и вдруг сказала:

— Я желала вам не успеха, а провала...

Такая честность мне понравилась. Мы встретились, объяснились, договорились, что забудем этот эпизод, но в будущем ничего подобного не повторится. Впоследствии у меня с этой актрисой сложились добрые отношения.

Я всегда радовалась благополучному разрешению крупных и мелких недоразумений, старалась быть выше обид. И тогда мне казалось, что все утряслось, недовольные распределением ролей успокоились, вскоре можно будет начать работу над ролью. Очень уж хотелось сыграть Любовь Яровую — роль действительно прекрасная.

На нее претендовала и актриса, пожелавшая мне провала. Борис Равенских тут же воспользовался возникшими разногласиями, и роль Яровой досталась энергичной претендентке.

Это был, что называется, удар без пощады. У меня вырвали буквально из рук роль, в

которой я могла бы вновь проявить себя. Но неожиданно появилось и чувство облегчения. Я опасалась Равенских. Общение с ним могло привести к сложностям, из-за которых мне пришлось бы уйти из театра. А это для меня было бы равносильно уходу из жизни — я не преувеличиваю. Однажды, в самом начале работы в Малом театре, я решила именно так и свое решение никогда не меняла. Убеждена, что актриса может жить и реализовать свои возможности в совершенно определенном пространстве, в единственно приемлемых для нее условиях. Если они меняются, исчезают — наступает время кардинальных решений...

Но должны быть пределы, которые нельзя переступать. Никогда и ни при каких обстоятельствах за всю свою жизнь я не позволила себе с режиссером или с начальником войти в сомнительные отношения ради того, чтобы получить роль или какие-то преимущества перед другими актрисами.

Все-таки позже мне довелось играть в «Любови Яровой» в постановке Петра Фоменко. Меня в декабре 1977 года ввели на роль Пановой, и я постаралась ее сыграть так, чтобы главная героиня отошла в тень. Это заметили критики, одна из газет написала, что в исполнении Быстрицкой Панова неожиданно вышла на первый план. Я не злорадовала. Панова мне нравилась, и я играла ее в полную силу. А в целом спектакль удался, он держался на сцене пять лет, до ноября 1982 года.

Я никогда не принимала участия во всевозможных актерских «дружеских встречах», с их наспех собранным застольем, с бесконечными разговорами ни о чем, с пережевыванием чьих-то косточек. Избегала так называемых тусовок, в которых случайные люди изливают друг другу душу. Мне было жаль на это тратить время, становилось неловко за себя и других. Я встречалась лишь с теми, кто мне был интересен. Это были не только известные актрисы, но и актеры. С удовольствием общалась со своим партнером Николаем Ивановичем Рыжовым. Он много рассказывал о своей маме, Варваре Николаевне Рыжовой, о других актрисах Малого театра. Николай Иванович был очень добрым человеком, искренне любил Малый театр и гордился тем, что он артист этого театра.

Рыжов играл одни и те же роли с Михаилом Жаровым. Жаров всегда смотрел на меня «мужским» взглядом, как бы поточнее сказать — снизу вверх. У него постоянно были хулиганские глаза. И смотрел он так, что хотелось сразу застегнуться на все пуговицы. Однажды я даже сделала чисто интуитивное движение, словно проверяла, все ли у меня в порядке с одеждой. Жаров заметил это и озорно улыбнулся.

В «Волках и овцах» у меня были два партнера — Николай Рыжов и Михаил Жаров. В спектакль вошли они не одновременно — Жарова ввели чуть позже, когда «Волки и овцы» уже шли. Я с удовольствием с ними работала, хотя они были очень разными. Рыжов играл мужчину, который боится женщин и вроде бы не знает, как с ними вести себя, а Жаров был в спектакле женолюбивым, опытным пройдохой, который опасается попасться на крючок, но все остальное хотел бы получить. Два разных решения роли двух актеров, но мне было интересно играть и с тем, и с другим. И поучительно: я понимала, что нельзя себя вести одинаково с такими отличными друг от друга партнерами, хотя текст один и тот же, и поступки те же, но мотивировки несколько иные.

О взаимоотношениях актеров, особенно актрис, в театре ходит немало разных слухов: и завидуют друг другу, и строят маленькие козни перед выходом на сцену, и чуть ли не считают, сколько букетов получила та или иная актриса после спектакля. Не знаю... Я ни с чем подобным никогда не сталкивалась. Чисто интуитивно мы все пытались уберечь театральные отношения от грязи. Свои букеты я, конечно, считала. Иногда их было много, иногда совсем ничего. Но я никому не завидовала и умела радоваться за других.

Порой у меня случались большие простои в кино и театре — мне все приходилось начинать как бы заново. Нет, не с чистого листа, а именно заново, то есть словно бы выходить на дорогу, которую уже однажды прошла.

У меня на этот счет есть даже своя теория. Я считаю, что между актрисой и зрительным залом идет активный энергетический обмен. Такой же обмен осуществляется между актером и его ролью. Эти процессы нельзя прерывать безболезненно, без ущерба для актрисы. Она

ведь живет одним дыханием с залом, со зрителями. И если зал хорошо принимает актера, он словно подпитывает его своей энергией. Тогда и играть, и жить легче. Я в этом убеждена.

Длинные простои, когда нет работы и нет «энергетической подпитки», немилосердно бьют по актеру. Слабые не выдерживают этих ударов, заболевают, страдают, иногда умирают.

Я по опыту знаю, что театральные коллективы — из самых сложных, они словно бы сотканы из противоречивых характеров. В труппе Малого театра насчитывалось до 125 человек. Могу ошибиться, но незначительно. Это было удивительное собрание талантливых людей, среди которых женщин явное большинство: красивых, умных, с характерами и амбициями. В такой среде неизбежны трения, борьба за лидерство, которая в конечном счете выливается в борьбу за роли, за главное место на сцене. Но я никогда не ставила перед собой задачу выделиться, у меня была другая цель — сыграть. И я не ждала, пока мне что-то предложат. Предлагала сама, иногда мои предложения учитывались, часто — нет.

Я и сейчас затруднилась бы сказать, когда почувствовала себя в Малом театре «своей». Спокойных дней не было: требовалось постоянно доказывать: «Я могу!»

Все у меня было в Малом — яркие взлеты, затяжное молчание, радость успеха и отчаяние... Словом, все, как в жизни...

Я любила выезжать на гастроли вместе со своим театром. В стране не было крупных городов, где бы мы не побывали.

Неожиданной для меня оказалась поездка в Одессу. После спектакля служащая театра привела ко мне в уборную мужчину:

— Элина Авраамовна, вас спрашивают...

Присмотрелась: боже мой, Харченко, тот самый молодой солдатик из моего военного прошлого! Судьбе было угодно в третий раз устроить нам встречу! Вася узнал из афиш о наших гастролях, увидел мое имя и пришел в театр. Он куда-то срочно уезжал и буквально умолял навестить его маму. На следующий день Вася привез меня к ней, а сам попрощался...

Не могу забыть комнатку мамы Василия. В огромном количестве вышитые белые салфетки, на стульях и диване — вышитые чехлы, семь слоников вереницей, белоснежная чистота! Мама Васи приняла меня, как родного человека, не знала, где посадить и чем угостить. Вновь и вновь благодарила за то, что я спасла на фронте ее сына.

Я смущалась. Мне казалось, что не стоит такой благодарности мой поступок, который в годы войны был естественным — тысячи людей отдавали свою кровь раненым. Но после этой встречи я почувствовала себя просветленной, забылись театральные обиды, я решила, что сделаю все, чтобы не сойти с дистанции, и не дам, не позволю загнать себя в тень уже признанных звезд. Жизнь дала мне шанс, и я не упущу его.

Работа в Малом театре целиком поглотила меня, но я не хотела расставаться и с кино. В творчестве я «жадная».

Мне поступало много предложений сниматься в разных фильмах, студии присылали сценарии на прочтение. Я не привередничала — просто выбирала по душе и сердцу.

Однажды, уже на пятом году работы в Малом театре, киностудия «Ленфильм» предложила мне сниматься в картине «Все остается людям». Режиссер был москвич — Георгий Григорьевич Натансон, а директором фильма — Тамара Ивановна Самознаева, которую я знала по работе над «Неоконченной повестью». Может быть, именно Тамара Ивановна и назвала мою кандидатуру на роль в новом фильме — точно не знаю.

Как обычно, на роль Ксении Румянцевой претендовали несколько актрис, профессионально хорошо подготовленных, с прекрасными внешними данными. Ксения была «строгой» красавицей — это явствовало из пьесы С. И. Алешина. Она работала сотрудницей научной лаборатории, которая занималась серьезными физическими изысканиями. В это время физики и их работа были у всех на устах — эта наука приобрела большую популярность. Издавались книги о физиках, сборники анекдотов («Физики шутят») и т. д.

Снимали фильм в Дубне, в зале, где находился синхрофазотрон. Мне стало очень

смешно, когда я увидела красные флажки ограждения, предупреждавшие, что за них заходить опасно. Я ведь понимала, что излучение нельзя «отрезать» флажками: до этой черты воздух опасен, а здесь — уже нет. Очень веселилась, но постаралась не показать, что поняла наивные шуточки хозяев, гордившихся своей действительно опасной работой.

Фильм получился хороший. И главное было не в модной теме, а в том, что в нем в роли академика Дронова снимался Николай Константинович Черкасов, с которым я давно была знакома и поддерживала хорошие отношения. Я уже рассказывала, как летела с Черкасовым в одном самолете в США и как он снимал у меня боль в ушах.

Но то был житейский случай, а мне очень хотелось посмотреть на Черкасова в работе. Не для подражания, а для понимания. Моя роль мне не слишком нравилась, но ради общения с Черкасовым я была согласна на все. Вообще я заметила, что, если мне удавалось в кино или в театре трудиться вместе с замечательными мастерами, мой творческий диапазон расширялся. И я старалась быть на всех съемках Николая Константиновича. Надо мной беззлобно подшучивали: мол, я влюблена в него. А я просто у него училась. Моя «влюбленность» была особого рода — обожание мастера ученицей.

Время во многих отношениях было сложным, но мне работалось очень хорошо. В фильме снимался и Андрей Попов, талантом не уступавший своему отцу — известному режиссеру и теоретику кино Алексею Дмитриевичу Попову. Он играл роль отца Серафима — непреклонного оппонента беззаветно влюбленного в науку академика Дронова. Черкасов и Попов составили изумительную актерскую пару.

Фильм «Все остается людям» получился хороший. За роль академика Дронова Николай Константинович получил Ленинскую премию.

О фильме много писали в прессе, и в основном отзывы были положительные. Это стало открытием новой темы, которую начали успешно развивать другие сценаристы и режиссеры. Вспомните хотя бы «Девять дней одного года»... Я потом немало думала о том, что действительно все остается людям: и великие открытия, и трагические последствия некоторых из них. Но тогда я совсем не задумывалась, что оставлю людям сама.

Любить и страдать

По меркам нашего времени я долго не выходила замуж. Это тревожило родителей, удивляло моих друзей и знакомых. А порою порождало и нелепые слухи. Было бы неправдой написать, что у меня не было увлечений, естественных для моего возраста и моей профессии. Но это были именно увлечения, которые появлялись, исчезали, не оставляя следа в моем сердце.

На многих встречах со зрителями мне задавали такой вопрос: «Что значит в профессии актрисы любовь?» Я, конечно, тут же поправляла: актриса — женщина, и для нее любовь значит то же, что и для других женщин. У каждой это чувство — свое...

Вера людей в силу любви безгранична. И эту прекрасную веру я разделяла всегда. В войну в госпиталях я видела много горя и крови. Но видела и другое: как письма от любимых женщин буквально вливали в тяжело раненных, искалеченных людей целительные силы...

Любовь актрисы — особая тема. Это собственный опыт, собственные эмоции, собственное понимание жизни. Кто-то любит сердцем, а кто-то — умом. Умом я никогда не любила. Я — импульсивный человек. Скажем, я не контролирую себя на сцене. Не испытываю ни боли, ни неловкости, ни неудобств, ни чего-то еще — этого не может быть у меня, потому что образ, в котором я живу, не позволяет этого чувствовать! Бывает, у меня что-то очень болит, но на сцене я этого не ощущаю.

Однако в реальной жизни все по-иному. Неразделенная, горькая любовь — жуткая, тяжкая болезнь, которую излечивает только время. Нет, я говорю неправильно: любовь излечивают поступки того лица, которое вызвало это чувство. Иного «лекарства» нет... Дурные, некрасивые поступки рожают осознание того, что боль и горе были придуманы,

что они не истинные, только похожи на настоящие и растворятся в течение жизни.

Любой человеческий жизненный опыт очень влияет на все, что ты делаешь. Я говорю не только об актрисах. Это же касается и актеров — холодным, расчетливым людям нечего делать на сцене. Когда мы набираем учеников, то смотрим же на их манеры, темперамент, речь, сообразительность, пытаемся угадать характер. И если в глазах есть мысль, она обязательно проявится.

Не стоит путать любовь с любвеобильностью. Говоря о любви, я имею в виду именно любовь, а не увлечения. И настоящая любовь — это то, что без остатка заполняет человека и не дает ему возможности жить так, как он жил раньше. Это чувство, которое подвигает его на какие-то свершения, поступки. Я не говорю о сексуальных потребностях, а имею в виду сильное чувство, которое движет человеком, определяет его жизнь. И я всегда с душевным трепетом и волнением играю героинь, которые любят неистово, горячо и чисто. Вспомните Аксинью: к ней, полюбившей Григория Мелехова, не могла пристать никакая грязь. Любовь вела ее к трагической гибели, она предчувствовала это, но не смогла отказаться от нее, изменить себе. Все женщины, если они не ущербны, мечтают о великой любви. Но лишь немногим она дается как бесценный дар.

Человек отличается от животного тем, что его духовность сильнее, чем физиологические потребности. Не хочу выглядеть моралисткой, изрекать вроде бы очевидные истины, но думаю, что имею право на эти размышления. Я сыграла на сцене многих удивительных женщин, очень разных, необычных, сильных и слабых, со странными судьбами. Иными из них я искренне восхищалась. Но было и так, что играла я под аплодисменты, а сердце билось ровно...

Свою личную жизнь я не хочу делать темой отдельного разговора, скажу лишь одно: я вышла замуж по любви. С будущим мужем, Николаем Ивановичем, меня познакомил его друг, работавший в ту пору в журнале «Советский экран». Влюбилась я тогда со всей пылкостью своей натуры. Любовь буквально обрушилась на меня...

Поскольку ходило много легенд о том, за кого я вышла замуж, кем был мой муж, я вынуждена рассказать об этом подробнее. Обыватели и закоренелые сплетники утверждали, что он был генералом, чуть ли не родственником Н. С. Хрущева. А Николай Иванович работал в отделе переводов Министерства внешней торговли. Он был очень квалифицированным и эрудированным сотрудником. Когда Анастас Иванович Микоян ездил за рубеж, он брал его с собой переводчиком.

Через четыре дня после знакомства Николай Иванович сделал мне предложение, и я без колебаний приняла его. Я была свободна, он к этому времени разведен, так что помех для брака не имелось. Пышного многолюдного свадебного веселья не устраивали, пришли самые близкие друзья. Да и друзей в Москве у меня тогда было еще не много. Праздником для меня стала наша совместная жизнь. О том, что я вышла замуж и кто мой муж, в газетах не появилось ни строчки, хотя я была уже довольно известной актрисой. Замужество ведь событие сугубо личное, тогда журналисты его не касались, что свидетельствовало об определенном такте. То же, что происходит сейчас со «звездными» свадьбами и разводами, — это просто мещанство, скажу даже резче — плебейство: мещане лезут «во дворянство».

Жилось мне в те годы трудно. На приличные туалеты зарплаты не хватало, а я не могла одеваться кое-как, небрежно и не модно. Убогость существования была настолько сильной, что порою руки опускались. После замужества стало легче. У Николая Ивановича был очень хороший вкус, и он иногда мне помогал. Из своих поездок за рубеж привозил какие-то модные вещи, и я могла появляться изысканно одетой.

Я стала много ходить по магазинам, покупала понравившиеся ткани, в журналах выбирала фасоны, заказывала платья в ателье.

Но с жильем было плохо. Я все в жизни прошла: комнатенки в коммуналках, «углы» у «добрых людей», полки в санитарных поездах! И страстно мечтала, что у меня когда-нибудь появится своя квартира, в которой я буду хозяйкой.

После «Тихого Дона» я получила от Моссовета комнатку в тринадцать квадратных метров в коммуналке на Новинском бульваре. Мое имя уже знали в стране, но чиновники, очевидно, посчитали, что тринадцать метров для одинокой, пусть и известной актрисы вполне достаточно. Это была моя первая жилплощадь. Кстати, на Новинском бульваре стоял изумительный особняк, его называли «домом Шаляпина». Я любовалась им и утешала себя тем, что не в метрах счастье, а в том, что каждый день видишь такую красоту. Увы, особняк снесли...

У Николая Ивановича была совсем крошечная комнатка в десять метров.

Прошло несколько лет, прежде чем у нас появилась нормальная квартира. Не роскошная, не огромная — просто нормальная, в хорошем доме.

Я была счастлива. Может, именно в те годы я осознала, как много значит для актрисы личная жизнь. В душе я надеялась на чудо: вдруг вопреки всем медицинским диагнозам у меня появится ребенок... Но если чудеса и случаются, то только не со мной.

Дела мои обстояли очень прилично. В Малом театре у меня шли роли, записи на радио (телевидение еще только начиналось, делало робкие шаги).

Знаю, как много разговоров шло по поводу благополучия звезд, их особого положения и привилегий, которыми они пользовались при советской власти. Я понимаю истоки этих пересудов — иные «красотки» хотели бы ими объяснить «спонсорство» вполне определенной направленности, которое появилось в последние годы. Не в оправдание себе и своим ровесницам (нам оправдываться не в чем и не перед кем) хочу рассказать о своей повседневной жизни чужими устами, точнее — чужим пером.

Однажды меня предупредили, что у меня хочет взять интервью известная журналистка Грация Ливи из итальянского журнала «Эпока». Журналистка выражала настойчивое желание посетить меня дома. Она побывала на спектакле с моим участием, ее провели за кулисы ко мне в гримуборную, мы мило побеседовали, и я пригласила ее в гости.

С любопытством читала я перевод ее большой статьи, проиллюстрированной десятком фотографий. Статье был предпослан большой врез: «Элина Быстрицкая, артистка «Тихого Дона», своей популярностью затмила всех других актрис... Вы восхищаетесь ею в театре, но почти не узнаете, встречаясь на 9-м этаже серого здания. У нее нет дачи, нет автомобиля, она ездит в отпуск в коллективные дома отдыха, и ее одежда сшита из тканей, купленных в универсальных магазинах».

Вот отрывок из статьи — мой, так сказать, собирательный «портрет» тех лет:

«...Такси, заскрипев неисправными тормозами, остановилось перед северо-восточным подъездом № 207 (высотный дом на площади Восстания. — Э.Б.), лестница «С», третий лифт.

Мы поднялись на 9-й этаж. Здесь полная темнота, две одинаковые двери, одна направо, а вторая налево, но понятно было, что нам следовало звонить в дверь направо, потому что она была свежепокрашена. Я позвонила, и в той женщине, которая открыла нам дверь, с трудом узнала Элину Быстрицкую: молодая, невысокая женщина, в серых чулках и серой юбке, с серебряными серьгами в ушах, в маленьких черных домашних туфлях, отделанных мехом. Темные волосы, собранные на затылке, заколотые многими шпильками. С той Быстрицкой, которую я встретила в гримуборной Малого театра, эта маленькая женщина не имела ничего общего: в ней не было ни царственной манеры держаться, ни манерности, искусственной мягкости артистки, ни пышной одежды XIX века. Остались у нее только глаза: большие, ласковые, выразительные, и слабо подкрашенные губы, говорившие на мелодичном русском языке теплые слова приветствия».

Дальше я буду цитировать отдельные фразы и абзацы, ибо въедливая итальянка, кстати, очень доброжелательная, подметила многие детали моего быта...

Быстрицкая «ввела нас в прихожую, но она была такая тесная, что нам пришлось наклонить голову, и, снимая пальто, мы старались не толкнуть друг друга; затем мы последовали за нею в комнатку размером не более девяти квадратных метров: хорошая гостиная».

Журналистка пишет «мы», потому что пришла вместе с нашим переводчиком, если это действительно был переводчик, а не кто-то иной по профессии: известных иностранных журналисток не очень охотно пускали тогда по Москве в «свободное плавание».

На Грацию Ливи мой муж произвел впечатление:

«...Нам навстречу вышел широкоплечий человек в синем костюме и на хорошем английском языке представился: Николай Кузьминский, муж Элины, служащий Министерства торговли, специалист по дипломатическим отношениям с заграницей. Ему, должно быть, 50 лет, и, будучи советским гражданином, мне он показался примером космополитизма. На нем были черные блестящие ботинки с немного суженными носами, пояс из крокодиловой кожи. У него седые волосы, которые контрастировали с загорелым лицом и улыбкой...»

Переводчик «был горд показать нам этот образец благосостояния советской семьи: кресла с жесткими сиденьями, сервант, на котором стояли ряды кукол из материи, на полу — ваза с красивыми темно-красными тюльпанами, ширма из искусственного шелка, а дальше — небольшая комната с большим холодильником, с телевизором, белым телефоном и, наконец, со стенным шкафом с дверцей из красной пластмассы».

Да, при всей своей доброжелательности Грация Ливи оказалась довольно язвительной особой, умевшей многое подметить:

«...У меня вдруг создалось впечатление, что я нахожусь в швейцарской большого загородного дома на окраине Милана: в одном из тех домов, где много зеркал и керамики, которые швейцар с любовью отчищает. Только здесь живет известная звезда, самая популярная артистка СССР».

Обидно? Но стоит ли обижаться, если это правда? Представления об уровне и качестве жизни у нас были совершенно разными. И моя милая гостья с удивлением записывала в свой блокнот, что я все по дому делаю сама, что у меня нет пылесоса и стиральной машины, в театр езжу на городском транспорте, прическу и грим делаю своими руками и т. д. Она не скрывала удивления, что мой оклад в театре 250 рублей, а за участие в съемках мне платят 80 рублей в день. Наверное, отражением ее впечатлений стали слова в конце статьи о том, что она увидела с балкона моей квартиры: «Небо, по которому быстро бежали облака, подгоняемые холодным ветром, было совсем темное, и шесть звезд (на высотном здании. — Э.Б.) горели ярко, но это были только советские звезды... У дома не было такси, и никогда я не видела такую пустынную улицу, как была эта».

Холодный ветер, темное небо, пустынные улицы...

«Между тем Элина Быстрицкая, звезда, заслуженная артистка РСФСР в сером платье, продолжала улыбаться, ее волосы были хорошо причесаны и держались на шпильках и гребенках...»

Журналистка меня, «советскую Софи Лорен», явно жалела, а я никогда не была так счастлива, как тогда, — у меня были любовь, молодость и будущее...

Кстати, я не забыла слов итальянки о том, что у меня нет машины. И я решила приобрести ее, научиться водить. Зарабатывала я на нее очень долго. Продала шубу, которую подарил мне муж, — это была «половинка» машины. А гонорары за выступления как раз и должны были сложиться во вторую «половинку».

Купила я «Жигули» первой модели — по тем временам большая редкость, хорошая машина, сделанная по образцу «Фиата». Без особых трудностей получила права и стала мою машину беспощадно эксплуатировать.

Мне очень нравилось, когда гаишники останавливали за какое-нибудь мелкое нарушение, узревали меня, прикладывали ладонь к фуражке и отпускали с миром.

Много ли человеку надо?

В начале этой главы я взяла на себя смелость утверждать, что любовь — это жуткая болезнь, от которой трудно излечиться. Прошло уже несколько лет после развода, а сердце у меня ныло, и солью на раны были вопросы, которые задавались мне журналистами, бравшими интервью. Они были стандартными, я бы даже сказала — из области мещанского

любопытства: «Ваша первая любовь?», «Когда и за кого вы вышли замуж?», «По чьей инициативе произошел развод?» Это была входившая в моду публичная раскованность «по-советски», когда хочется «клубнички», но еще действуют ограничительные рамки.

Я уклонялась от подробностей. Но однажды у журналистки латышского журнала «Санта» увидела искренний, доброжелательный интерес и разговорилась. Интервью состоялось в 1998 году. Вначале она расспрашивала меня об отце, а дальше произошел такой диалог...

«— Встретился ли вам в жизни такой же настоящий мужчина, каким был ваш отец?

— У меня был очень красивый и интересный муж. Все шло хорошо, пока не узнала, что я у него не одна. И все разрушилось...

— Вы долго прожили вместе?

— 27 лет.

— И не смогли простить?

— Не получилось... Я вообще никогда не прощаю предательства. Никому!

— А где он, что с ним сейчас?

— Его уже нет. С ним я была счастлива. Мы приезжали на Рижское взморье 23 года подряд. Я у него была четвертой женой. Одна из моих предшественниц была актрисой, так что мне ничего не приходилось ему объяснять и рассказывать.

— То есть трех предыдущих жен вы могли как-то простить, а измену нет?

— Я предполагала, что он искал в жизни свою, единственную женщину и нашел.

— Скорее всего так и было, если вы прожили целых 27 лет.

— Но я же не сразу узнала, что он... Как бы то ни было, сегодня испытываю к нему лишь благодарность за то доброе, что он привнес в мою жизнь.

— А вам не приходило в голову, что ему нелегко было жить со звездой?

— Приходило, но не тогда, а гораздо позже. А в тот момент было отчаяние...»

Я перечитала это интервью и сама удивилась. Резкость мне никогда не была свойственна, я всегда считала, что, если тебя сильно «ужалили», для начала лучше промолчать, перевести дыхание, не платить той же монетой.

После развода я почувствовала себя вырвавшейся на свободу. Конечно, было обидно и горько. Но я самостоятельна и умею организовать свою жизнь. В любом случае я пришла к выводу, что следовало развестись раньше — так было бы лучше для меня. Развод назревал, но я не хотела замечать очевидное.

Я говорила себе: «Все нормально, Элина!» Но что уж тут нормального! Понимала, что должна расплатиться за многолетнее терпение. Я чувствовала себя так, как должен себя чувствовать человек, у которого жизнь дала трещину. Не очень хотелось себе в этом признаваться, но что поделаешь...

Мне пришлось вновь обустроить свою жизнь. Это было непросто, и я утонула в хлопотах. Делала это с удовольствием, и у меня появилось ощущение, что я заново начинаю жить. Я никогда об этом не говорила в интервью и не писала в прессе, но я отдала мужу все, что у меня было. Не потому, что мне это было не нужно, а потому, что не хотела, чтобы меня что-либо связывало с прошлым. А взамен я осталась свободной... Я ничего не делила — я отдавала...

Позже я поняла, что развод начал назревать тогда, когда Николай Иванович стал активно вторгаться в мое творчество. Я не могла позволить повелевать собою. Строить мою жизнь против моего желания — этого не надо было делать. А он вдруг начал заниматься моими делами, причем от «А» до «Я». Я ему говорила, предупреждала: «Я не могу подобного выдержать, привыкла делать все самостоятельно».

Но все-таки, я думаю, не только в этом дело. Ему была нужна не я, а та атмосфера, которая складывалась вокруг меня. Его перестало интересовать все, кроме того, что он муж «той самой Быстрицкой». Его не волновали ни мои заботы, ни мои болячки, ни мои хлопоты, ни мои трудности. Ко всему этому он стал относиться равнодушно. У него были свои интересы, и они сводились к встречам с «дамочками». Господи, кажется, я сбиваюсь на

пошлость, но что делать, если это правда.

Впрочем, я и сейчас не хочу говорить о нем плохо. Потому что, говоря о нем так, я сама становлюсь хуже. А это недостойно.

Но могу сказать, что мои личные проблемы никак не отразились на работе в театре, моей творческой жизни. Впрочем, это не совсем так. Некоторые мои роли я стала чувствовать глубже, острее, как бы появилось «новое зрение». А то, что я превратилась в комок нервов, рисковала сорваться, как это у меня было раньше после сильных стрессов, — это уже мое, действительно личное.

Я выдержала, чем и горжусь.

Убеждена: не следует говорить в адрес любви, даже если она давно ушла, нехорошие слова. От этого прошлое не изменится, а твое собственное будущее может осложниться. Не понимаю тех, кто не умеет достойно расстаться, посылает вслед тому, кого любил, скверные слова...

Когда мне бывало особенно тяжело, я защищалась от своих бед... одиночеством. Думаю, что многие знают, какое это трудное испытание — оставаться наедине с собой среди множества людей. Для актрисы это может обернуться трагедией. Бывает такое одиночество, когда понимаешь, что все от тебя отвернулись и ты чувствуешь, что осталась одна, но не знаешь почему. Или ты что-то не так сделала, или с тобою что-то не то делают. В общем, ты одна, хотя вокруг множество знакомых людей. У меня это длилось не долго, но вполне достаточно для того, чтобы я осознала, что это такое — одиночество... Может быть, именно тогда я отрешилась от наивного юношеского романтизма и поняла, что надо быть сильной, держать удары. Такого одиночества у меня больше не было никогда. Но оно было необходимо, потому что порой бывает важно сосредоточиться, отрешиться от всего сиюминутного. У меня это потом вошло в привычку, стало душевной потребностью. Я, когда это нужно, уединяюсь от всех, замыкаюсь в себе. В семье я уходила в другую комнату, и все знали, что меня не стоит в такие минуты теребить, пытаться со мною общаться, потому что мне нужно было о чем-то подумать, что-то продумать. В моей жизни был период, когда я однажды просидела десять часов под дождем в лодке, решая, как мне дальше жить.

Впрочем, разве это одиночество? Это передышка перед очередным рывком в жизни, состояние, когда ты остаешься наедине с собой и Богом. Ведь решение приходит не просто так. Я считаю, что его посылает Бог. По крайней мере он направляет, наталкивает на принятие разумных решений.

Это благословенное одиночество. Счастливое одиночество. Оно не имеет ничего общего с пустотой вокруг тебя.

Актриса, не познавшая любовь и горькое одиночество, никогда не будет искренней на сцене. Искусство актера тем и отличается от профессии, допустим, фотографа, даже самого талантливого, что оно включает в процесс творчества и зрителей. Я знаю по опыту, что любая неверная нота в игре актера безошибочно угадывается залом. Фотография передает мгновения жизни, игра актера — саму жизнь...

Чтобы продолжить размышления о том, что является, по моему мнению, нравственными основами моей профессии, я должна сказать и о ненависти. Ибо в конце концов даже десять заповедей Божьих — это не что иное, как свод моральных норм, которые учат любить и преодолевать соблазны, искушения. Можно научить сценическому мастерству, но нельзя, невозможно научить любить, страдать и ненавидеть. Это дает только житейский, человеческий опыт. И каждому человеку — только то, что ему предназначено.

У меня в жизни были короткие, глужие вспышки отрицания кого-либо или чего-либо. Именно короткие. У меня память так устроена — я быстро забываю зло, которое мне причинили. Не знаю, хорошо это или плохо. Мои друзья порою напоминают о том, что мне причинил зло какой-нибудь человек: «Ты вспомни, как он поступал по отношению к тебе...» А я удивляюсь: почему у меня нет злости к нему, в какой «осадок» она выпала? Я думаю, что это мой недостаток: человек все должен помнить в своей жизни — и хорошее, и плохое.

Такое всепрощение мне не кажется правильным. Настоящая ненависть мною испытана тоже — это было в войну. Но это была ненависть не к какому-то конкретному человеку, а к тем, кто пытался поработить нашу землю, издевался над нашим народом, кто убивал десятки и сотни тысяч людей, принес нам беду, боль, страдания. В этом я была не одинока, это была ненависть поколения, которому пришлось отстаивать свою свободу, независимость и свою Родину. Возможно, это немного выпендренно звучит, но я думаю, что именно так рождалась та энергия, которая помогла выстоять в чудовищной бойне. Я очень хотела помогать фронту. Это не пустые слова — тогда все стремились помочь фронту, миллионы людей добровольно взвалили на свои плечи тяжелейшую ношу. И для того чтобы вынести ее, каждому из них потребовались огромные силы.

Значит, ненависть — это тоже энергия. Как и любовь, которая подвигает нашу душу на яркие проявления. Я говорила, что любовь — это болезнь... Нет, все-таки это энергия, рождающаяся при чрезвычайных обстоятельствах, в которые рано или поздно попадает каждый из нас.

Мой монолог был бы не до конца искренним, если бы я не сказала о том, что есть такие люди, с которыми я не то что играть вместе на сцене не стала бы, но и за стол бы не села. Я не испытываю к ним ненависти, это что-то похожее на брезгливость. Но я ведь не делаю ничего против них. Не стремлюсь их уничтожить, причинить страдания. И оберегает меня не моя духовность, я просто не представляю, что можно так поступать. Значит, это не ненависть, это что-то иное? Я не знаю, как это назвать. Да и зачем обязательно называть словом? Но если и требуется слово, то вот оно — неприятие. Вот так!

Да-а-а...

Лучшим «лекарством» от моей неудачной любви и одиночества для меня были гастрольные и концертные поездки, встречи со зрителями. За десятилетия моей творческой жизни их было сотни.

Специально для эстрады я подготовила моноспектакль «Неотправленные письма». Весь он был основан на личных впечатлениях от войны. Рассказывала я и о разбитом пульмановском вагоне, из которого огненный вихрь вырывал солдатские письма и уносил их в черную степь. Я говорила о том времени, когда день без погибших считался счастливым. В Малом театре знали об этом спектакле, но мне никто не помогал, хотя и не мешали — тема войны была неприкасаемой. А мне для выступлений много было не надо — эстрадная сцена и слушатели. Я говорила о войне, и боль от воспоминаний потихоньку стихала, душа от нее освобождалась. Люди разных поколений слушали меня в глубокой тишине.

Меня приглашали на сольные выступления перед большими аудиториями — на стадионах, во дворцах культуры. Это было не просто. Кроме чисто физических нагрузок — перелеты, переезды, гостиничный быт, — требовалось умение не робеть на глазах у тысяч людей, импровизировать, отвечать на самые неожиданные вопросы. Встречали меня, как правило, очень доброжелательно, хотя нередко были и вопросы, вторгающиеся в область сугубо личного. Любят у нас «подробности», любят...

До сих пор храню программки моих эстрадных выступлений. Кстати, это не очень просто — в одиночку держать внимание большой аудитории, многих людей, иные из которых пришли просто поглазеть на известную актрису.

Я никогда не позволяла себе выходить к своим слушателям небрежно одетой, «не в форме». Предпочитала строгие, темные костюмы и платья. Если программа была связана с военной темой, я набрасывала на плечи белый госпитальный халат. Потом совершенно случайно нашла полюбившуюся мне деталь. Однажды я сломала руку, и врачи порекомендовали держать ее в тепле. Вот сначала я и накидывала на одно плечо шаль. А потом привыкла...

На встречах случались самые разные ситуации, порою неожиданные, странные. Помню, какое хорошее настроение было у меня после встречи с рабочими Челябинского тракторного завода. Это была очень благодарная аудитория, еще не зашибленная теми невероятно трудными заботами, которые навалились с приватизацией, акционированием и

прочими «заморочками». Сохранилась фотография: небольшой зал набит битком, люди сидят и стоят, а я — на сцене, с гитарой. Играла я отрывок из спектакля «Ураган» по пьесе А. Софронова, лирическая героиня которого пела под гитару. Странно как устроена память: я и сейчас помню мотив и немудреные слова песни:

Где-то ветер стучит
Проводами по кровле...
Как мне быть, как мне жить
С этой трудной любовью?
Как мне быть, как мне жить
И к кому обратиться?
Знаю я, что со мной
Что-то может случиться...

Смотрю на фотографию: я на ней совсем молоденькая, еще вся жизнь впереди. И вспоминаю, как долго и звонко мне аплодировали — любовь тогда была в цене.

В этом спектакле был у меня ввод в роль Чернобровцевой, и я с удовольствием ее играна. Господи, да я все тогда играла с удовольствием, с душевным трепетом и с искренним желанием самой себе доказать — я могу!

Кстати, когда сейчас говорят и пишут о фанатах футбола или хоккея, о доведших себя до иступления поклонниках какой-нибудь новомодной эстрадной звездочки, я вспоминаю то, что случилось со мной после одного из концертов на стадионе в Минске. Я села в автомобиль, и вот здоровенные парни подняли задние колеса машины, стали ее раскачивать: «Не отпустим!» Я увидела, как толпа разгоряченных, возбужденных людей источает злую силу, становится неуправляемой. В машине были еще Марк Бернес и Михаил Иванович Жаров. Они держались с достоинством, хотя, признаюсь, мы все пережили неприятные минуты. Я сидела на заднем сиденье и в стекло видела, словно в кинокадре, искаженные, внезапно отупевшие лица, открытые в крике рты... В конце концов нас отпустили, но с тех пор я никогда больше не выступаю на стадионах. Я поняла, что на таких «площадках» мои выступления вызывают не те чувства, которые хотелось бы. Не мои это зрители...

С годами у меня сложилась очень интересная концертная программа. Я ее составила из стихов и песен военных лет. Марк Бернес, перед тем как на своих концертах исполнять ка-кую-то свою любимую песню «из войны», обращался к залу со словами: «Прошу вас выслушать эту песню в тишине».

Я ни о чем не просила: просто читала и пела. И зал заворуженно молчал...

Бывает так, что человеку надо «выплеснуть» себя, чтобы очиститься, стать цельнее, лучше. Много в своей жизни я проверяла военными годами...

Возможно, я отдавала дань своей госпитальной юности, снова и снова «уходя» в военные годы? Может быть. Возможно, я считала, что остаюсь в неоплатном долгу пред теми, кто погиб? Скорее всего именно так. Когда мне попала в руки документальная повесть Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо», она так меня взволновала, что я решила подготовить по ней целый спектакль. Я в нем играла восемь женских ролей. И танцевала, пела на русском, украинском, немецком. Со мной вместе выступали мои ученицы — студентки актерского факультета ГИТИСа.

С большим удовольствием я занимаюсь научно-педагогической деятельностью. За вклад в культуру и искусство Академия Мира присвоила мне степень доктора искусствоведения, я являюсь профессором, выпустила несколько курсов своих учеников. Для меня все это не «почетные грамоты», а признание моих заслуг в подготовке молодых артистов. Мне есть о чем рассказать молодежи, накоплен опыт, который не должен оставаться невостребованным.

В 2002 году ряд государственных и общественных организаций по инициативе группы талантливых влиятельных мастеров кино образовали Национальную академию

кинематографических искусств и наук России. Ее президентом стал Владимир Наумов, первым вице-президентом — Геннадий Полока, другими вице-президентами и членами президиума стали очень известные в киноискусстве люди. Я охотно дала согласие работать вице-президентом академии, ибо это конкретное дело. Необходимость в таком авторитетном кинематографическом центре очевидна, и люди в руководстве академии собрались энергичные, с собственным мнением.

Наконец, я должна упомянуть, что являюсь академиком Российской Академии естественных наук — работа этого заведения тесно связана с заботами о развитии, изучении человека и природы.

Успешно выполнять эти и другие ответственные обязанности необычайно сложно, просто тяжело. Но ведь известно, что человек жив осознанием своей полезности и необходимости.

Полет на красный свет

Меня редко посылали в зарубежные командировки с делегациями кинематографистов и театральных деятелей. Я знала причину. Или мне казалось, что я ее знаю.

В те, уже давние, годы выезд актера за границу был для него большим событием. Открывалась возможность познакомиться с иностранными коллегами, посмотреть новые фильмы, спектакли, которые у себя на родине не увидишь. Конечно, все мы стремились попасть в состав зарубежных делегаций, кто бы их ни формировал. И когда мне предложили побывать в Лондоне в составе профсоюзной делегации, я с радостью согласилась.

Руководителем нашей группы был деятель, возмнивший, что ему дозволено все. Я помню и по сей день его фамилию, но промолчу, ибо негоже сводить счеты теперь. Я, как говорится, приглянулась этому деятелю, и он решил, что может вступить со мной в определенные отношения. Он был уверен, что я уступлю, ибо по возвращении на Родину мог написать в отчете обо мне или хвалебные слова, или любую пакость. А я не захотела идти навстречу его настойчивым притязаниям. И давно уже научилась стоять за себя. После резкой отповеди руководитель группы сказал:

— А ты вообще теперь никуда ездить не будешь!

У мелких чиновников и мстительность меленькая.

Ну я какое-то время и не ездила. Что он там написал в отчете, какое вранье придумал — не знаю. Время было такое, что ни о каких правах думать не приходилось.

Но чиновнику, так самоуверенно объявившему, что я никуда ездить не буду, не удалось заечь для меня красный свет.

Не он, сластолюбивое ничтожество, такие вопросы решал. И когда меня включили в состав делегации советских кинематографистов для поездки в Соединенные Штаты Америки, я назвала это «полетом на красный свет».

Был период очередного «таяния снегов» в «холодной войне», и два мощных кинематографа — американский и советский — открывали друг друга. Американцы прислали к нам четверых кинодеятелей, а к ним поехали Николай Константинович Черкасов, Василий Васильевич Меркурьев, Сергей Федорович Бондарчук и я. Знала, что меня включила в делегацию Екатерина Алексеевна Фурцева — она была тогда кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. После «Неоконченной повести», «Тихого Дона», «Добровольцев», моего удачного дебюта в Малом театре она относилась ко мне с симпатией. Может быть, свою роль сыграла и моя молодость — в США всегда пользовались популярностью молодые актрисы. А три других актера действительно были мастерами мирового класса. Я, естественно, очень гордилась, что вместе с такими знаменитыми людьми буду представлять в США советский кинематограф. Руководителем делегации стал Черкасов, а его заместителем Екатерина Алексеевна назначила меня. С нами должен был лететь еще один человек, нам совершенно неизвестный. Но он почему-то не поехал — видимо, в последний момент решили никого с нами не посылать. Мы, члены делегации,

восприняли это без огорчения — что нам до какого-то не то Ананьева, не то Анохина, которого никто из нас не знал.

На Америку я смотрела широко открытыми глазами. Все было для меня внове. Неожиданности, как говорят, подстерегали на каждом шагу. С одной из них я столкнулась в первый вечер пребывания в Вашингтоне: нас пригласили на прием к президенту в честь японского посла. Там присутствовала вся американская политическая элита, а мы, советские кинематографисты — трое мужчин и женщина, — были чем-то вроде экзотической приправы.

После прилета нас разместили в отеле, предупредили, что времени в обрез, — на такие приемы нельзя опаздывать. Распаковать свои туалеты, тем более прогладить их, просто не было возможности. Я была в синеньком костюмчике из джерси — в нем и отправилась. У меня еще не было опыта посещения подобных мероприятий, просто знала, что надо быть хорошо и аккуратно одетой. Костюмчик на мне, по московским понятиям, был модный, он мне очень шел, словом, я чувствовала себя в нем уверенно. Как говорится, смотрелась. Супруга президента госпожа Эйзенхауэр подошла ко мне со своим модельером. Она предложила, чтобы мне сшили вечернее платье, а я разрешила бы сфотографировать себя в этом платье для журнала «Америка». Со всех точек зрения это предложение было лестное и выгодное. Но я лихорадочно прикидывала: «А имею ли я моральное право принимать такой подарок? Потом доказывай, что ты не верблюд». Я отказалась: мол, у меня нет на это времени. Госпожа Эйзенхауэр бросила на меня удивленный взгляд, но уговаривать, естественно, не стала.

Мы все в те времена за рубежом ходили «застегнутыми на все пуговички». До сих пор помню советы, которые давали нам перед поездкой: «Следите за собой, чтобы вас не застали врасплох. Они такие...»

Что греха таить, и мы не были готовы к восприятию незнакомого нам образа жизни, культуры, о которой имели весьма поверхностное и часто превратное представление. Вспоминаю, как на одной из выставок мое внимание обратили на картину: голубое поле и красный квадрат внизу. Я самоуверенно прокомментировала: «Это что за живопись? Такое и я могу нарисовать...» Экскурсовод, который нас сопровождал, пытался объяснить мне, что художник выразил своими средствами хорошее настроение, покой и умиротворенность. Но его не понимала.

Американцы принимали нас очень хорошо. А от посольства нами занимался работник, который «отвечал» за культурные связи, очень симпатичный молодой человек, кажется, его звали Сергеем. Каждый вечер он мне говорил:

— Пойдемте, я вас прогуляю.

Я охотно соглашалась, ведь вечером в одиночку выходить не стоило. Не сказала бы, что я так уж рьяно выполняла рекомендации «не отрываться» от делегации. Просто, наверное, каждому знакомо это чувство: огромный чужой город излучает угрозу... Время не летнее, но в отеле было душно, и, конечно, хотелось выбраться на улицу из замкнутого пространства.

Молодой дипломат во время прогулки подробно рассказывал мне, кто где был, что говорил на встречах с американцами. Я все выслушивала, мне это было интересно, ведь речь шла о моих товарищах по делегации.

Насторожилась я лишь тогда, когда Сергей в один из вечеров сказал, что Николай Константинович Черкасов на встрече со зрителями, по его мнению, допустил оплошность. Из зала выкрикнули:

— Да здравствует свободная Россия!

И тот поддержал, ответив, что он тоже за свободную Россию.

Молодой дипломат, специалист «по культуре», прокомментировал:

— Он, очевидно, не знал, что это значит и чей это лозунг.

Я тоже тогда этого не знала, но промолчала, а лозунг этот был принят в диссидентской среде. И только тут я поняла, что он мне не просто рассказывает, а докладывает!

Наступил день нашего отъезда... В аэропорту я отвела моего постоянного «собеседника» в сторонку и сказала:

— Сергей, я вам очень благодарна за то, что вы так интересно рассказывали о моих товарищах... Но с нами должен был поехать, — я назвала фамилию, — правда, в последний момент его поездку отменили. Почему — я не знаю. Может, это ему надо было рассказывать? А мне — совсем не обязательно.

Он буквально остолбенел. Я его успокоила:

— Вы не волнуйтесь. Я никому об этом не стану докладывать.

Мне было искренне жаль парня, который ревностно выполнял свои служебные обязанности и попал в неловкую ситуацию.

Я думаю, что сейчас он уже пенсионер и эта история его позабавит, тем более что фамилию его я не назвала.

Когда я прилетела в Москву, мне надо было сразу же пойти на Старую площадь сдать финансовый отчет. Я шла по Москве, городской транспорт не ходил, были очередные парадно-торжественные похороны, не знаю уж кого. Люди старшего поколения помнят эти годы, когда одного за другим советских руководителей и «выдающихся зарубежных друзей» провожали «в последний путь».

Погода была студеная, снежная, и я пришла в приемную Фурцевой страшно озябшей. А меня ожидал очень теплый прием. Екатерина Алексеевна, когда я вошла в ее кабинет, созвала своих сотрудников и тех, кто был в ее приемной:

— Идите все сюда! Посмотрите на это чудо!

Оказалось, это я была «чудом»! Кто-то раньше меня успел доложить о поездке, о встречах с американцами и не поспешил на добрые слова. Не скрою, мне было приятно, хотя я и не очень думала о том, что такой отзыв дает мне зеленый свет для будущих зарубежных поездок. Подобные меркантильные соображения как-то не приходили в голову.

Вспоминая те времена, я думаю, как хорошо было жить по велению сердца и не прикидывать: это на пользу, а то — наоборот...

Я не очень понимала восторги могущественной Екатерины Алексеевны, ибо, с моей точки зрения, во время поездки в США оставалась такой, какой тогда была — любознательной, искренней, приветливой ко всем. Американцы знали, что в СССР я звезда экрана, и, с их точки зрения, вела я себя очень нетипично — не капризничала, не требовала к себе особого внимания, в любую минуту быстро собиралась и готова была ехать на очередное мероприятие. Словом, у американцев со мной не было особых хлопот, а у меня — с ними. Тем более хозяева были неизменно внимательными и деловитыми.

На встречах задавалось множество вопросов, и я отвечала на них со всей искренностью. Один вопрос был очень интересный: «В каком департаменте вы получали инструкции перед поездкой в Соединенные Штаты?» Я удивилась и сказала: «А почему вы меня об этом спрашиваете? Значит, американские актеры, которые сейчас в Москве, получали какие-то инструкции?» Раздался громкий смех... Большинство вопросов были благожелательными, мои ответы на них понравились и американским зрителям, и сопровождавшим нас посольским работникам. Именно это и имела в виду Екатерина Алексеевна, когда говорила о «чуде».

Кстати, я отнюдь не трепетала перед этой влиятельной женщиной. В театре меня потом дотошно расспрашивали, как она выглядит, что сказала, как посмотрела... Я понимала природу этого любопытства — сильные мира сего всегда вызывают интерес. Но удовлетворить его я не могла, лишь пожимала плечами. Возможно, я воспринимала Фурцеву как героиню спектакля, который ставила жизнь. А героини спектаклей всегда имеют право на долю таинственности.

В поездках человек всегда раскрывается. Хочу рассказать еще о некоторых смешных и поучительных случаях во время наших путешествий.

Шел 1969 год. Малый театр поехал на гастроли в Румынию и Болгарию. Повезли мы «Бешеные деньги». В Бухаресте со мной встретила супруга одного из работников нашего

торгпредства. Может быть, коллеги моего мужа позвонили в наше торгпредство в Румынии и попросили проявить ко мне внимание, помочь в незнакомом городе. В конце нашего пребывания моя новая приятельница разыскала меня, приехала на машине и предложила помощь в покупке сувениров и прочей мелочи: все, кто в то время выезжал за рубеж, покупали подарки близким и знакомым.

Времени у меня оказалось немного, так как была назначена встреча гастролирующей труппы в посольстве. Я пригласила в машину очень уставшую Елену Митрофановну Шатрову и сломавшую палец на ноге Татьяну Петровну Панкову, и мы поехали по магазинам. Это был «бег с препятствиями», то есть с остановками у прилавков: денег у нас было мало, а желаний много.

Сделали мы покупки и возвратились в гостиницу. После душа я переоделась, выскочила в холл и в растерянности застыла на месте: автобус с актерами Малого театра уже уехал. Но со мной была супруга работника торгпредства, и она бодро сказала: «Ничего, мы их догоним». Мы торопились и по пути не заметили, как обогнали наш автобус.

Приехали... Я вошла в посольство и увидела, что наших еще нет. Посольские работники со мной тепло поздоровались и подтвердили: да, ваши коллеги едут и скоро будут... Я пошла к парадному подъезду, чтобы войти снова, но уже вместе со всеми, и тут заметила входящего Михаила Ивановича Жарова, секретаря нашей партийной организации. Работники посольства, как и положено по протоколу при встречах уважаемых гостей, выстроились в шеренгу. Я быстренько возвратилась и, пока Жаров меня не видел, пристроилась в ее конец. Про себя решила: я жена работника министерства, в каком-то роде своя среди этих людей, значит, имею право встречать...

Наши, конечно, не очень хорошо это приняли, но промолчали. Встреча прошла мило, в посольстве нам наговорили кучу комплиментов, мы немного сбросили усталость и напряжение после плотной программы — ведь мы были среди своих.

Но мое опоздание, как и то, что я, не придав этому ровно никакого значения, встала не «на свое место» при встрече артистов, заметили и запомнили. Инцидент смешной, но он случился за рубежом! Люди моего поколения помнят, какое значение придавалось тогда тому, кто что сказал во время зарубежной поездки, где побывал, с кем встречался. Для любителей «компромата», помешанных на бдительности и поисках «врагов», это было золотое время.

Из Румынии мы переехали в Болгарию. В Софии у нас тоже очень хорошо шли гастроли. Открывались они спектаклем «Лес». Болгары попросили, чтобы перед представлением зрителей поприветствовали четыре актера: Царев, Гоголева, Жаров и я. Дело в том, что после «Тихого Дона» я в Болгарии пользовалась особым успехом.

Пришла на открытие нарядная, счастливая. Уже стояли декорации «Леса», шли последние приготовления. И вот появился Игорь Владимирович Ильинский в костюме Аркашки. Увидел меня, круто повернулся и резко спросил: «Где Царев?» Нашли Царева, и было какое-то короткое совещание. Потом позвали Гоголеву и Жарова. В общем, там что-то происходило, и это касалось меня. Задержали начало. Я позже узнала, что взбунтовался Ильинский и потребовал, чтобы меня убрали с парадного выхода. Но сделать это не могли, ибо было настоятельное пожелание болгар и не имелось причин для отказа, кроме мелочного, ущемленного самолюбия Ильинского.

Я вышла вместе с Царевым, Гоголевой и Жаровым к зрителям, раскланивалась вместе со всеми, улыбалась, изображая радостное волнение. А на душе было пасмурно, ибо не могла понять, как может крупный, талантливый мастер опускаться до уровня мелких разборок.

Но я уже чувствовала, что для меня в Малом театре наступают сложные, тяжелые времена. Этот случай стал рубежом — начиналась борьба за выживание...

Вернусь к нашим гастролям в Болгарии. Нас разместили на известном курорте — Золотых Песках, в комфортабельном отеле очень высокого уровня. Через какое-то время я стала получать подарки, хотя и не знала, от кого. С нами была переводчица Мария, которая подходила ко мне и говорила: «Вам просили передать...» И вручала бутылку какого-нибудь

хорошего вина или роскошные грозди винограда. Такие вот маленькие, ни к чему не обязывающие знаки внимания. Я спрашивала у Марии, кто это посылает мне вино и виноград, но не слишком настойчиво. Да и для чего мне это нужно было знать, любопытством я не страдала...

Однажды Мария мне сказала:

— Тебя пригласили в охотничий домик.

Охотничьими домиками называли очень красивые и удобные представительские коттеджи. У нас в это время директором был Солодовников. Как дисциплинированная актриса я подошла к нему и спросила: так, мол, и так, меня пригласили и можно ли мне поехать в этот охотничий домик. И отправлюсь я туда с условием, что Мария будет со мной и я никуда от нее не отойду.

— Конечно, поезжай, — ответил мне Солодовников.

В охотничьем домике было много гостей. Что они отмечали или праздновали, я, честно говоря, не поняла. Мария показала мне на одного державшегося довольно властно мужчину и сказала: «Вот этот человек, который тебе все время что-то посылает». Было не очень светло, для уюта притушили свет, и я не рассмотрела его, да мне это и не особенно было интересно.

Я взглянула на часы и сказала, что мне уже пора уезжать. Честно говоря, я очень боялась, что могу быть скомпрометирована. Репутация актрисы складывается трудно и долго, но рушится легко и быстро. Я видела немало примеров, как за какой-нибудь пустячок, за поступок, совершенный по легкомыслию, вполне достойным людям из нашего круга прищипливали ярлык, и избавиться от него было уже нелегко: «А вы слышали?..», «А вы знаете?..» и так далее.

О своей репутации я заботилась достаточно серьезно. И не потому, что кого-то или чего-то боялась, просто легкомысленные «игры» всегда мне не нравились.

Мы уехали с Марией — хозяйева были достаточно тактичны, чтобы нас не удерживать.

Вскоре наша группа должна была возвращаться в Москву. До Русы предполагалось ехать на автобусах. Я Марии сказала, что неважно себя чувствую и очень тяжело переносю автобус. Она ответила:

— Да? Ну подумаем, что можно сделать.

И буквально на следующий день сообщила, что мне дают «Чайку». Я спросила, могу ли я в эту машину пригласить кого-то из своего коллектива.

— Конечно.

Предложила ехать вместе со мной Леониду Викторовичу Варпаховскому, который ставил «Бешеные деньги», Евгению Павловичу Велихову — моему партнеру по «Стакану воды», а также их женам.

И опять я полностью выдержала «процедуру» поведения в подобных случаях. Спросила у Солодовникова:

— Могу ли я ехать в «Чайке» с четырьмя коллегами?

Он разрешил. Автобусы с актерами уехали. Потом прибыла «Чайка», мы погрузили чемоданы, разместились сами. Нас лично устраивал в «Чайке» управляющий отелем Господинов — кто-то, располагавший большой властью, распорядился об этом.

Мы проехали десяток-другой километров, и машина сломалась. Господинов по радиотелефону вызвал другую машину — я уже поняла, что он наделен серьезными полномочиями. Меня это удивляло, потому что я никогда в жизни не была в центре такого внимания. Власть, она, знаете ли, завораживает...

Пришла другая машина. Когда стали перегружать в нее наши вещи из «Чайки», я заметила ящики с коньяком и отборными фруктами.

Наконец поехали и... остановились у красивого источника, сопровождающие нас расстелили скатерти, поставили бутылки, разложили фрукты. Все было очень элегантно и весело. Но вот мы прибыли на вокзал, автобусов с нашими актерами еще не было.

Подали поезд, мы с помощью наших болгарских друзей быстренько в него

погрузились. В это время подъехали автобусы. Актеры вышли из них запыленные, усталые — дорога по жаре оказалась очень тяжелой. С ними был и наш парторг Михаил Иванович Жаров. Не помню, с кем я вместе ехала в поезде. А Леонид Викторович Варпаховский, его жена и Жаров оказались в одном трехместном купе. И Варпаховский стал с восторгом рассказывать Жарову, как хорошо мы путешествовали... Жаров реагировал на его рассказ сдержанно.

Я очень хорошо помню, что эти гастрольные эпизоды были именно в 1969 году, и вот почему. Год этот черной отметиной вошел в мою жизнь. Я тогда держалась изо всех сил. И чем бы я ни занималась — играла в спектаклях, ездила на гастроли, принимала приглашения на дружеские встречи, я думала лишь о своем горе. Понимала, что ничего невозможно исправить, врачи и лекарства бессильны. У меня умирал папа, вопрос был только времени, когда это произойдет. Хотя и говорят, что надежда умирает последней, но в моем случае надежда уже умерла...

Папа очень хотел, чтобы я вступила в партию. Он был убежденным коммунистом, совершенно не из тех, кто членство в партии использовал для карьеры. Он любил свою страну, защищал ее в войну, желал ей счастья в трудные ее годы. Часто думаю, что, если бы все коммунисты были такими, как мой отец, нашу страну ждала бы другая судьба. Я сейчас пою осанну не партии, а самому любимому человеку-коммунисту. А партия, какой она стала, — это совсем другое...

Когда я вступила в комсомол, папа этим очень гордился. И, конечно, когда он сказал, что надо бы мне вступить в партию, я не посмела ему возражать, не хотела его огорчить. Хотя уже и не была той наивной девочкой, которая сияющими глазами смотрела на «вождей» и мечтала о великих свершениях. Более того, я не забыла травлю, которую мне учинили в институте. Но я дала папе обещание и подала заявление.

После возвращения из Болгарии истекал мой кандидатский стаж. Меня пригласили на заседание партбюро театра, чтобы я рассказала, как его прохожу. Ответила, что я с удовольствием работаю, все идет нормально. Тогда один из членов партбюро спросил:

— А как это получилось, что в Бухаресте Малый театр едет в советское посольство, а вы оказываетесь там до приезда коллектива, раньше всех?

Я уже и забыла об этом маленьком происшествии, и вот — напомнили...

Рассказала, как это было, каяться не стала, потому что не чувствовала себя виноватой.

Тогда последовал еще один вопрос:

— А вы знаете, кому дают «Чайки»?

Ответила:

— В нашей стране — членам правительства. А за границей — тем, кому их предлагают.

Конечно, это была подчеркнутая наивность, но по сути ведь — правильно!

Такой ответ может понравиться, а может и нет. Во всяком случае никаких санкций против меня не последовало, в партию приняли...

Я вспоминаю все эти происшествия — и с приемом в посольстве, и с «путешествием» в «Чайке», и, наконец, с выходом к болгарским зрителям, да и другие — не потому, что они сыграли какую-то значительную роль в моей жизни. Просто Малый театр — это один из тех высокопрофессиональных, запредельно талантливых коллективов, где ничего не проходит бесследно. Ничего! Случайные фразы, не очень продуманные поступки — все оседает в каких-то уголках памяти. Хорошо, если отдельных людей, но невероятно сложно, если в памяти коллектива.

Сладкая каторга

У каждого театра есть свой ритм работы, от которого зависит вся жизнь актера. В Малом он выработывался многие годы и почти не менялся, разве что в необычных ситуациях, которые изредка случались.

Я тихо улыбаюсь про себя, когда читаю в нашумевших романах из театральной жизни,

что известная актриса ночь провела с друзьями, возвратилась домой на рассвете, до полудня спала, потом медленно «возрождалась», чтобы к вечеру выйти из разбитого состояния, блистать на сцене и после спектакля снова «нырнуть» в изнурительные развлечения. Никакого отношения к действительности это не имеет. Если к работе в театре относиться ответственно, он подчиняет себе актрису и даже поработает ее.

Вот мой обычный день. К одиннадцати часам утра надо быть готовой к репетиции. Для этого нужно очень рано встать, сделать необходимые гимнастические упражнения. Раньше они занимали у меня два часа, потом полтора, сейчас — тридцать, иногда двадцать минут. Это обязательно. Нужно «прибрать» себя, привести в порядок, заняться косметикой. Какое-то время уходит на завтрак, ибо впереди — рабочий день, в ходе которого просто неприлично перекусывать на ходу бутербродами. Нужно обязательно привести в порядок горло — актриса не может репетировать с севшим или хриплым голосом.

Есть еще и домашние дела, их надо успеть сделать, как и всякой женщине, которая ведет свой дом и любит его.

Репетиции заканчиваются в два часа, иногда позже. Сейчас у нас в театре хорошая столовая, мы можем там пообедать и, если это нужно, сразу идти на вечерний спектакль. То есть имеются определенные, вполне сносные условия. Сегодня актеры очень много трудятся, чтобы заработать себе на жизнь. Раньше тоже приходилось зарабатывать, но как-то это было легче. Может, потому, что жизнь была дешевле, а может, и оттого, что нечего было покупать...

На спектакль я обычно прихожу за полтора часа до начала. Если начало в семь часов, то в пять пятнадцать я выезжаю из дома и в пять тридцать уже в театре. Полтора часа мне нужны для подготовки. Я никогда не отступала от этого распорядка.

После спектакля надо разгримироваться, приехать домой, успеть еще что-то сделать по хозяйству и приготовиться к завтрашнему дню. А на завтра — снова такой же режим. И так изо дня в день, за исключением выходных. Это довольно тяжело, и к этому надо привыкнуть.

Я сказала, что театр поработает актеров. Но это сладкая каторга, и я не променяю ее ни на что.

Помимо этого, нужно знать новости искусства в стране и за рубежом. Есть еще другие интересы, общественная жизнь, которая всегда была для меня очень значимой. В ней я участвовала очень активно во время моих простоев. Но она не заканчивалась, когда начиналась работа в театре. Все вместе создавало значительные нагрузки.

В 1975 году я была избрана президентом Федерации художественной гимнастики СССР и занимала эту должность почти восемнадцать лет — до 1992 года. Я очень любила художественную гимнастику и сейчас ее люблю, — когда вижу соревнования по гимнастике, страшно волнуюсь и болею за наших.

Я очень старалась быть хорошим президентом. Старалась добиться, чтобы наши гимнастки вышли на первые места в этом очень красивом виде спорта. И понимала, что художественная гимнастика — не просто ловкость и сила. Это искусство, потому она и именуется художественной. У нас были тогда очень большие сложности с этим видом спорта, потому что лидирующее положение в художественной гимнастике занимали талантливые болгарки...

Президентом федерации я стала не случайно, но по воле случая — так бывает. Меня пригласили на тренировочный сбор гимнасток, который проходил на спортивной базе в Новогорске. Это было обычное приглашение: выступить, пообщаться с девочками, ответить на их вопросы. Но я по натуре очень любознательная, никогда не упускаю возможности узнать или увидеть что-то новое.

После выступления я пошла в тренировочный зал и увидела, что на «растяжках» стоит очень красивая, совершенно очаровательная девушка, а лицо у нее — волевое. Ну просто прелесть!

Я потом старшему тренеру Валентине Батаен сказала:

— Вы воспитали гимнастку, которая будет во главе турнира...

Это было перед мировым первенством в Базеле. Действительно, чемпионкой оказалась именно она — Ирина Дерюгина. Впоследствии Ирина стала двукратной чемпионкой мира, спортивной знаменитостью.

И вот буквально с этого моего предсказания и гимнастки и их тренер решили, что я им принесу удачу. Никак не думала, что с поездки в Новогорск начнется мой «союз» с художественной гимнастикой, который будет длиться много лет и принесет мне много радостей и... немало огорчений.

Эстетические идеалы художественной гимнастики — гармония и красота человеческого тела, — мне думается, очень важны сегодня в жизни и в искусстве. Более того, искусству есть чему поучиться у спорта. Я все чаще сталкиваюсь с примерами того, как на сцене и на экране мы явно недооцениваем здоровье и привлекательность как основу нравственной цельности и физической красоты. Становится привычкой в лице, фигуре, во внешности хорошего, умного и доброго человека, «положительного героя», как пишут критики, обязательно подчеркивать некоторую ущербность. Из этого распространенного, к сожалению, явления кое-кто старается вывести чуть ли не новое направление в искусстве: талант подменить некой «странностью».

Хочу быть правильно понятой: я отнюдь не думаю, что некрасивый или физически ограниченный человек не может обладать прекрасными душевными качествами. Сколько угодно таких примеров! Но в искусстве стало почти правилом: если человек душевный, значит, обязательно ему природой недодано... И вот с этим я уже не согласна. И я видела, что именно художественная гимнастика поможет сформировать пожелания зрителей к создателям новых фильмов и спектаклей. Вот поэтому я и дала согласие стать президентом федерации.

Узнала я о своем избрании после возвращения из Болгарии, где снималась в фильме «Я буду приходить в твои сны». Художественная гимнастика мне была близка по своей природе, я ее рассматривала даже не как вид спорта, а как искусство, сочетающее музыкальность, пластичность, изящество, особое женское очарование. И меня совершенно не устраивало, что наши гимнастки на фоне девочек из других стран выглядят серенькими, неприметными. Я поставила перед собою и моими новыми подопечными амбициозную цель: добиться, чтобы наши гимнастки вышли в мировые лидеры. А почему бы и нет? У нас очень красивые, грациозные спортсменки. Бог ни талантом, ни способностями их не обидел, а по волевым качествам многим зарубежным гимнасткам они давали сто очков вперед. И мне за них было очень обидно. Решила взяться за художественную гимнастику всерьез. Тогда это был чисто женский вид спорта, он не входил в программу Олимпийских игр и даже Спартакиад народов СССР, всерьез его не принимали. Я поняла, что мне нужна авторитетная поддержка, помощь. Надо пробиваться на телевидение, в прессу, создать вокруг художественной гимнастики ореол привлекательности, зажечь общественный интерес. Понимала, что одной мне такое не по силам. Чтобы ввести художественную гимнастику в Спартакиады, а тем более превратить в олимпийский вид спорта, для этого надо было потрудиться.

Тогда в космос был запущен корабль «Союз» с Юрием Викторовичем Романенко и Георгием Михайловичем Гречко. Я обратилась к Георгию Тимофеевичу Береговому, который командовал отрядом космонавтов, попросила его, чтобы помог, назначил кого-либо из космонавтов к нам в помощники.

Помню, пришла 8 марта 1978 года в театр. Он гудел: получена телеграмма из космоса — поздравление с праздником Элине Быстрицкой и... всему коллективу. Авторитет космонавтов тогда был очень высоким, героика космических полетов еще не угасла. И телеграмма из космоса в театре стала особым событием...

Юрий Викторович Романенко стал вице-президентом федерации. Девочки-гимнастки ликовали.

Я ни разу не встретила с Юрием Викторовичем, меня предупредили, что у него ревнивая жена. Но он нам очень помог. Я ему часто звонила, и он добился, чтобы были

сделаны телепередачи, опубликованы статьи в прессе, улучшились условия для тренировок. Словом, он вел большую работу, очень ответственно и, я бы сказала, с большой симпатией относясь к красивому виду спорта.

И я, и Юрий Викторович, и, естественно, тренеры приложили немало сил, для того чтобы художественная гимнастика стала популярной в стране, люди начали ждать соревнований как праздника красоты и грации. Когда «мои девочки» выходили на ковер, у меня замирало сердце от любви к ним.

Мои связи с художественной гимнастикой сохранились до сих пор. Это, наверное, уже навсегда.

Невозможно победить себя

Вопреки множеству легенд о «неуправляемости» и необязательности актеров, раньше в театральных коллективах была весьма строгая дисциплина. Допустим, если актер без уважительных причин не работал, не приходил на репетиции и вообще манкировал своими обязанностями, ему делался денежный начет, и он расплачивался из своего кармана.

Я была членом Президиума горкома профсоюза работников искусств, и мы часто рассматривали подобные конфликты. А теперь многие пункты трудового законодательства сами по себе сошли на нет, а новые не действуют.

С другой стороны, тогда права актера надежно защищались, нарушать их для руководителей театров было небезопасно. Я не думаю, что это была идеальная схема взаимоотношений. Довольно часто приходилось сталкиваться с откровенным произволом и самодурством. И все-таки ему можно было противостоять на законных основаниях.

Сейчас все законы переписываются... Но разве возможно принять законы на все случаи жизни, особенно творческой? Правда, иногда «обиженные» обращаются за защитой к прессе, но для этого требуются смелость и уверенность, что журналисты ничего не напугают. Ибо разобраться во внутритеатральных отношениях необычайно сложно.

Получается, что, как и раньше, так и сейчас, актер совершенно незащищен, открыт. Чтобы не сломаться, не сгинуть в неизвестности, он должен быть очень сильной личностью. Я это знаю по собственному опыту.

Я работала тогда, когда явно заболела и мое состояние требовало постельного режима и лечения. Руководство театра мне вроде бы «посочувствовало» — на свои основные роли я получила дублерш. Этим мне давали ясно понять: незаменимых нет.

Но самое главное — я себя не могла победить. Я была избалована уникальной режиссурой Герасимова, Эрмлера, Егорова — в кино и Бабочкина, Варпаховского, Капланяна, с которыми я с наслаждением работала, — в театре... И у меня уже сложилось свое отношение к той или иной работе.

Варпаховский предложил мне однажды роль, от которой я отказалась: понимала — она, как говорят, не моя. И тут же подала заявку на ту, которую мне хотелось бы получить. Я его очень просила отдать мне эту роль.

У меня с Варпаховским были чудесные отношения, и он попытался мне объяснить:

— Вы понимаете, Эличка, Марья Ивановна (героиня, актриса в пьесе Алешина «Главная роль». — Э.Б.) — белый лебедь, а вы лебедь черный. Понимаете разницу?

Но я не понимала эту «разницу», думаю, не она продиктовала в данном случае распределение ролей.

Меня всегда интересовали роли именно актрис, так как я искала и не находила ответ на вопрос всей моей жизни: как, почему становятся актрисами?

Да, мне очень хотелось сыграть Марью Ивановну, и я была убеждена, что хорошо сыграю ее, но я этой роли не получила. Не знаю почему. Интрига с белым и черным лебедем придумана изящно, но она ничего не объясняла.

И я решила репетировать роль Марьи Ивановны сама. Внук Пашенной, Володя Сверчков, был у Варпаховского вторым режиссером. Он приходил ко мне и детально

рассказывал, какие задачи ставит режиссер, что он хочет от играющей героиню актрисы. Моим партнером был Евгений Матвеев, я его уговорила, и мы вместе показали Варпаховскому роль...

Когда меня утвердили, я чувствовала, что мои силы и моя убежденность на исходе. Но я сыграла, и мне сопутствовал успех.

Это мой характер. Что я могу сделать? Ломать себя? Зачем? И потом: если что-то сломано — надо склеивать, а это уже, извините, «вещь», побывавшая в ремонте...

Представьте себе: самой взять главную роль в пьесе, репетировать дома и решиться показать свою работу режиссеру! И все-таки я это сделала. Это была моя победа — не над собою, а над обстоятельствами.

Спектакль «Главная роль» шел долго и успешно. Его снял с репертуара Равенских, когда Варпаховский покинул театр. Это лишний раз подтверждает несвободу актера, чья жизнь зависит от режиссера: не только от творческих взглядов последнего, но и с каким настроением он встал утром, как позавтракал, пришел на репетицию, с кем он общался и что ему наговорили, нашептали... Я, конечно, говорю о нормальных режиссерах, а не о самодурах, которые дурят при любых обстоятельствах. Бывает...

Однажды я услышала от режиссера: «Так поставлено и так будет!» Я ответила: «С кем ставили, с тем и играйте». У меня нет выбора, если меня вот так прижимают. Со мной подобным образом не следует работать — я мыслящий человек. И я знаю: не дай бог смириться с диктатом! Тогда ты пропала. У меня всегда были удачи с режиссерами, с которыми можно было работать, которых я старалась понять, а они старались понять меня.

Знаю актрис, что всерьез думают: так не полагается — что режиссер сказал, то и надо делать. Но я думаю, это неправильно. Актер тоже должен быть личностью, иначе ему лучше менять профессию. У него могут быть более глубокие мысли и более тонкое понимание сути явления...

Когда я пишу о моих простоях, я не считаю важным обозначить, с какого дня и по какой день, месяц, год я не работала. У меня были и длинные простои, но они были мотивированными или моей болезнью, что с каждым может случиться, или тем, что меня «наказывали», когда я отказывалась от какой-то работы.

Наступало очередное затишье, и я понимала, что мне надо чем-то заняться. Так возникали мои «увлечения» вроде бы посторонними делами, не касающимися Малого театра. Конечно, это была тоже актерская работа, но уже в ином жанре, иного содержания. Когда мне предложили съемки в болгарском фильме, я поехала в Болгарию. Это был 1975 год, и в Москве мне ничего не светило. Я играла свой старый репертуар и понимала, что ничего нового мне не дадут.

В Болгарии я пробыла восемь с половиной месяцев, из них пять ждала, когда болгарские «инстанции» разрешат начало съемок. «Добро» все не давали, а мне не разрешали уехать. Я была связана не столько контрактом, сколько своим словом, обещанием.

Условия были очень тяжелые. Стояла жара, духота невероятная, за день атмосфера буквально раскалялась. Жила я в гостинице без кондиционеров — тогда они были редкостью.

Я терпеливо ждала начала съемок, хотя и понимала, что предстоит мне не бог весть что. Фильм на чисто болгарскую, национальную тему, и я уже по сценарию видела, что вряд ли он станет событием. «Я буду приходить в твои сны» — так называлась эта картина. Она на «вечную» тему — о любви двух людей, на пути которых стояло много препятствий и недоброжелателей.

Одна сцена в фильме мне показалась символической. Моя героиня, взволнованная, возбужденная, выбегала на открытую террасу, а в это время должен быть проливной дождь. Но уже наступила морозная зима, лето и осень с их ливнями миновали... Тем не менее меня предупредили, что дождь будет, и пообещали, что его сделают теплым. И вот представьте себе: машина, которая поливает улицы, обрушивает на меня потоки воды. Может быть, ее и подогрели, но пока струи неслись по воздуху, они становились ледяными.

Я понимала, что после такого «купания» тяжело заболею. Со мной была сотрудница «Мосфильма», ее звали Галя Некляева, очаровательная женщина. Она очень помогала мне в решении неожиданных сложных вопросов. Вот и к этой сцене мы с нею пошили мне из целлофана нижнее белье, чтобы я не промокла насквозь. Я все-таки продрогла до косточек и долго потом приходила в норму...

Заканчивая эту картину, я безумно устала и с радостью уехала в Москву.

Вскоре меня снова вызвали в Софию — на монтаж. Я вернулась, просмотрела отснятый материал и увидела, что картины нет. И открытым текстом сказала:

— Ну давайте я хоть помогу слепить так, как я ее понимаю...

Двадцать шесть часов подряд мы просидели в монтажной. Двадцать шесть часов я работала вместе с режиссером и монтажерами. Режиссер была так уничтожена недоброжелателями, растеряна, что не знала, как «собрать» фильм. У меня же имелся кое-какой опыт, что-то я понимала — сказывалась работа с большими мастерами советского кино.

Когда картина была все-таки смонтирована, у меня настолько упало давление, что я не смогла улететь в Москву. Меня уложили в постель, откармливали и отпаивали лекарствами, чтобы я пришла в себя.

Но, видно, уже столько всего накопилось, такие пришлось пережить нервные перегрузки, что после возвращения в Москву я попала в больницу.

Отмечу, кстати, что я заболеваю не только от переутомления, но и когда у меня нет работы по душе и сердцу. Думаю, что подобное происходит не только со мной. Поэтому я всячески пыталась всегда заполнить свои простые самыми разными делами. Теперь я вижу, что это было инстинктивное стремление выжить, сохранить себя.

Не скрою, в моей жизни был период, когда я хотела уйти из Малого театра. Но я не могла себе этого позволить. Моя жизнь, мой характер сложились так, что если я полюбила, то это всерьез и надолго. С Малым театром получилось именно так, несмотря на то что я испытывала и горькие разочарования, и терпела унижения. Сколько я пролила слез! Но, повторяю, уйти я не могла. И я никогда не уставала объясняться в любви к Малому театру. Сейчас нашла в своих архивах интервью того времени:

«...Я люблю Малый за верность лучшим традициям русского классического жанра и прекрасно сочетающийся с этим новаторский поиск. Мне нравится речь актеров — плавная и глубокая. Мне по вкусу уклад жизни нашего театра, в котором как у актеров, так и у рабочих сцены — у всего коллектива есть твердо установившиеся нормы жизни, рожденные не приказом, не административной инструкцией, а любовью к общему делу. Еще бы я сказала так: нашему театру присуще чувство самоуважения. Конечно, для актера важнее всего художественный стиль театра. И стиль Малого мне по душе...»

Ну какие еще высокие слова можно сказать? Это мой театр — я принадлежу ему.

Бывали периоды, когда я очень нервничала, возможно, это сказывалось на работе, на отношениях с режиссерами и партнерами. Но я никогда не капризничала, не требовала для себя особых условий. Пыталась держать себя в руках, и надо было очень крепко «довести» меня, чтобы я взорвалась. А такое случалось...

Помню, у меня никак не получалась совместная работа с одним известным, но крайне самоуверенным режиссером театра. Репетиции стали для меня мукой — мы говорили с ним на разных языках. Однажды он, как обычно, был раздражен, стал давать указания, которые искажали суть спектакля. Когда я позволила себе это сказать, режиссер обвинил меня в том, что я не подготовилась к репетиции.

Этого мне говорить никогда нельзя, потому что я не позволяла себе ни в коем случае приходить на репетиции неподготовленной, несобранной. Мне это было не свойственно. Я так возмутилась! Схватила кресло, одной рукой подняла его и швырнула на пол. Как мне это удалось — не понимаю. Это же кресло, не стул... Я ушиблась, поцарапала руку. В общем, была драма. Я пошла к руководителю театра, заявила, что не могу работать с этим режиссером. И он меня попросил: «Пожалуйста, доведите спектакль до того момента, когда

вы начнете «ходить», а потом мы все подправим...»

«Ходить» — это такой театральный термин, когда от читки текста пьесы переходят к игре.

И я решила: раз требует руководитель театра, значит, так и надо, мне следует подчиниться. Прошло еще несколько репетиций. После одной из них пришла домой, настроение у меня было плохое, самочувствие — еще хуже. Хорошо, что меня навестили два человека на предмет делового разговора (не буду называть их фамилии, они в этой ситуации оказались случайно). Я потеряла сознание. Вызвали «скорую помощь», и меня отправили в больницу. Диагноз оказался тяжелым: нарушение кровообращения. Когда я пришла в себя, стала воспринимать окружающий мир, врачи объяснили мне, что это результат сильного стресса. О чем говорить: я не умела беречь себя, у меня не выработались средства защиты от сильных нервных потрясений.

В больнице я пробыла несколько недель. Когда возвратилась, едва встав на ноги, меня ожидало новое испытание. Оказалось, что заболел мой любимый партнер, который играл в «Без вины виноватых» моего сына, а в «Елизавете Английской» должен был играть моего возлюбленного. Болезнь была неизлечима, и его не стало... Заменить его другим актером и все-таки попытаться сыграть Елизавету я не смогла. Не знаю, как это объяснить... Я не захотела это делать, существуют нравственные барьеры, через которые нельзя преступать. Мне легче было потерять роль, чем вместо него увидеть кого-то другого, даже не менее талантливого. Это было бы предательством по отношению к человеку, которого я глубоко уважала и очень ценила. Мне всегда казалось, что мы должны бережно относиться к тем, кто рядом с нами, но вдвойне бережно — к тем, кто уходит от нас.

Чтобы исключить двусмысленные домыслы, скажу, что у меня с этим прекрасным актером никогда не было любовных отношений. Были большие, дружеские, а с моей стороны, я бы сказала, материнские чувства.

Судьба актрисы — это не цветы и аплодисменты, не кратковременный успех, который может внезапно раствориться в быстро меняющемся времени. Это тяжелейший труд, нравственные испытания, сомнения, колебания, преодоление таких препятствий, которых я и не ждала. И нельзя не то что упасть, но даже согнуться, опуститься на колени. А уж если это случилось — встань и иди!

Я пишу об этом с горечью. Но обязана сказать, потому что, если актриса талантлива — по-другому не бывает, иначе она мелькнет на небосклоне и погаснет, как закатившаяся звездочка.

В самые трудные минуты своей жизни я не теряла надежду: время пройдет, и правда восторжествует, я смогу работать и получу роли, которые хочу.

Если честно говорить, я все еще нахожусь на этом пути: хочу и надеюсь. У меня сейчас есть работа, и я существую спокойно и счастливо. С наслаждением играю небольшую роль Хлестовой в «Горе от ума». Она меня радует, потому что это настоящая классика.

«Известия» писали об этой моей работе: «Старуха Хлестова Быстрицкой прекрасна, как перезревшая Афродита, угрожающе женственна и победоносно стервозна: взгляд из-под длинных ресниц, легкий поворот головы, легкая, брошенная вскользь колкость — здесь есть и традиционная для Малого театра броскость сценического рисунка, и второй план, а удовольствие, с которым работает актриса, чувствуется и в зале».

И в целом спектакль, поставленный Сергеем Женовачем, удался. Его премьера состоялась 1 ноября 2000 года, он и сейчас в репертуаре Малого. А у меня по-прежнему есть ощущение радости от выхода на сцену, а это самое главное, это большое счастье. Счастлива я и в Театре Ермоловой в работе с Владимиром Андреевым. Уже четвертый сезон я выхожу каждый месяц — вначале четыре раза, сейчас дважды — в спектакле Л. Зорина «Перекресток». С этим спектаклем театр и я, естественно, объездили множество городов России и даже побывали в нескольких странах. И на каждом представлении зал полон.

А простой, конфликты?.. Всякое случается в театре.

На дороге, ведущей во мрак

Я не верю в случайности — их не бывает, у всего, что происходит, есть причины, просто мы не всегда их знаем и понимаем.

Я собиралась уезжать с театром на гастроли, и именно в день отъезда требовалось закончить запись на радио. Не помню сейчас, что это за передача, просто она была связана с судьбой какого-то врача. Если что-то было о врачах, я обязательно принимала приглашение — это осталось у меня на всю жизнь.

Запись делалась на улице Качалова. Что-то не получалось, капризничала техника. Я пробыла там довольно долго, а мне надо было собрать вещи — поезд уходил рано. К тому же я основательно проголодалась. У меня оставалось часа полтора на сборы, и я решила, что забегу домой, сложу вещи, выпью хотя бы чаю. Приехала, села за стол и... На этом все кончилось, я потеряла сознание. Дело в том, что мои неприятности в личной жизни, трудности, которые мне пришлось пережить в военные годы, конечно же отразились на моей нервной системе.

Вызвали «скорую помощь». Меня уложили в постель. Несколько дней я лежала дома с высокой температурой. Что это за заболевание было, врачи затруднились определить...

Это был темный год в моей жизни. Меня увезли в Центральную клиническую больницу в Кунцево. Почему-то я оказалась в отделении, которое запиралось на ключ. Я догадывалась, что врачи подозревают у меня психическое заболевание. Но понять, почему я попала сюда, не могла, а мне не объясняли. Отдельвались словами о необходимости провести обследование, сделать анализы. Меня это тревожило: я прекрасно все соображала, нарушений работы мозга у меня никаких не было. Но мне трудно было ходить, и физически я сильно ослабла. И было ощущение, что у меня на спине, на шее какая-то тяжесть.

Сейчас я понимаю, что это было истощение нервной системы, я попросту — перетрудилась. Для актрисы стрессовые состояния не редкость. Кто-то умеет от них защищаться, я — нет. К тому же подошел и возраст, когда чисто физиологически predetermined вероятность срывов. Именно так я и объясняла кратковременную потерю сознания.

Почти полтора месяца я уговаривала, чтобы меня посмотрели врачи-специалисты. Это было невыносимо тяжело — тянулись дни, и я чувствовала, что просто не выдержу. В конце концов меня перевели в другое отделение, но там тоже было не очень комфортно, так как я оказалась в одной палате с женщиной, которая боялась света. У нее была серьезная травма после автоаварии. Еще месяц я пробыла с нею...

Из этой больницы я не вышла, а буквально вырвалась. Такое «лечение» привело к тому, что я все чаще стала думать: пора заканчивать счеты с жизнью. Жить без театра, без моей работы я не могу, а врачи постоянно говорили:

— Вам надо сменить профессию...

Я не сомневаюсь, что врачи желали мне добра, ведь Бог создал врачей для милосердия. Но и милосердие, даже искреннее, бывает разное. Вот пример, с которым я столкнулась много позже... У моего друга внезапно очень тяжело заболела жена. Ее поразил недуг из тех, которые считаются неизлечимыми. И врачи «милосердно», конечно, деликатно, посоветовали ему не тратить на лекарства, так как стоят они очень дорого. У этой маленькой трагедии счастливый финал: женщина победила страшную болезнь.

Когда я услышала «добрый» совет врачей сменить профессию, в глазах потемнело. Какая у меня может быть иная профессия, если я всю жизнь так тяжело добивалась того, чтобы стать актрисой? Преодолела сопротивление семьи, отбилась от недругов, которые старались меня уничтожить. Столько вытерпела в жизни, и вдруг оказаться в другой профессии? Для меня это было совершенно невозможно. Лучше уж уйти в никуда...

И я стала потихонечку собирать снотворное, которое мне давали, для того чтобы один раз уснуть и больше не проснуться. Постоянно обзванивала друзей, знакомых, с которыми мне хотелось поговорить. Позвонила одной женщине, из тех, которые ушли в медицину

после «Неоконченной повести», — я уже рассказывала об этом. Ее мама собирала тех, кто стал врачом после этого фильма, и приглашала на эти встречи меня. Я приходила к ним в дом и как бы сроднилась с этой семьей.

Я позвонила Танечке... Она не хочет, чтобы я называла ее фамилию, однажды, когда я это сделала в одном из интервью, она сильно мне выговорила. Позвонила и вдруг услышала:

— Где вы? Что с вами? Я хочу вас повидать!

Я рассказала, что лежу в больнице.

Она расспросила меня, выслушала и потребовала:

— Уходите оттуда! Я вас вылечу!

Поверить в такое было просто невозможно, потому что специалисты-врачи ничем не смогли мне помочь. Таня попросила, чтобы я позвонила ей еще раз. Я это сделала. Догадалась, что она за это время с кем-то советовалась — Таня работала в поликлинике Академии наук СССР.

Таня сказала:

— Уходите из больницы! Все лучшие консультанты будут, я сама вами займусь!

Я написала в больнице все необходимые расписки и ушла... Таня поняла, что со мной и что нужно делать. Она меня подняла. Буквально вернула к жизни. Приходила ко мне каждый день, выводила на прогулки. Подолгу разговаривала со мной. Применяла медикаменты, которые считала нужными. Помню тот день, когда мы с Таней должны были впервые перейти через Садовое кольцо... Стояла ранняя весна, еще талый снег не сошел. И помню лужицу у тротуара, в которую мне надо было ступить, но я отшатнулась от нее.

— Нет! — сказала Танечка. — Пойдем!

Я перешла Садовое кольцо со страшным сердцебиением, надеясь только на чудо. И я успела его перейти, пока горел зеленый свет светофора. Оно казалось таким широким — в районе площади Восстания! Но я перешла, одолела это шумное, грохочущее машинами кольцо, и это было для меня таким счастьем!

Жила я в высотном доме. Однажды вернулась с прогулки, а лифт не работает. Столько лестниц надо пройти! И я пошла. Поднялась на второй этаж, запыхалась, обессилела. Вдруг подумала: «А может, на втором этаже лифт работает?» Нажала кнопку — и лифт пришел!

Когда я Танечке рассказала об этом, она уверенно проговорила:

— Значит, вы здоровы.

— Но я же поднялась только на один этаж, — возразила я.

— Если бы вы не стали подниматься, а сели на ступеньки и расплакались, вот тогда вы были бы еще больны.

Первый спектакль, который я играла после этой жуткой трагедии, был «Дачники». Большая, любимая роль Юлии Филипповны... И спектакль хороший, поставленный Борисом Андреевичем Бабочкиным, — один из самых известных спектаклей Малого театра! Я была вся мокрая — с меня сошло три пота от волнения, переживаний. Руфина Нифонтова сказала:

— Посмотри, твою одежду хоть выжимай...

А я даже и не заметила, что от напряжения так взмокла. Я вернулась к работе, и это было для меня великим счастьем...

...Никогда бы не подумала, что фильм «Неоконченная повесть» получит такое удивительное продолжение. В фильме врач Елизавета Муромцева спасает силою своей любви тяжелобольного человека. Девочка, ставшая замечательным врачом под впечатлением от этого фильма, спасла меня силою участия и огромной чуткостью...

Слава богу, меня миновали инфаркты. Закаленное войной и нелегкой послевоенной жизнью сердце выдерживало, сопротивлялось ударам, которые с настойчивой последовательностью наносила мне жизнь. Но уязвимые места у меня все-таки обнаружили.

Одна из молоденьких артисток как-то спросила меня: «В чем причина долголетия актрис?» Она намекала на «старух» Малого театра, которые и в преклонном возрасте не сходили со сцены.

Девочка не принимала во внимание очевидное: наших мудрых, обожаемых, сверхталантливых «старух» можно пересчитать по пальцам, а тех, кто сгорел, преждевременно ушел туда, откуда не возвращаются, — сотни, если не тысячи. Актер — профессия повышенного риска. И это должны знать те, кто ее выбирает.

У меня отнюдь не слабое здоровье. Когда этого требовала моя работа, я могла выносить запредельные нагрузки. Гораздо труднее мне приходилось, когда я попадала в вынужденные простои или меня пытались «поставить на место» люди, облаченные чиновной или творческой властью. Этого переносить я не могла...

Эмоциональный мир актрисы — особый. Он соткан из таких тонких и нежных струн, что тронь любую — и заплачет, затоскует, заболит вся душа, занеет сердце.

Случаются такие ситуации, когда ничего невозможно сделать. Такое было и у меня. Малый театр находился на гастролях в Ленинграде. Принимали нас очень хорошо. Я играла Глафиру в «Волках и овцах» А. Островского. Это очень подвижная роль, я на сцене прыгала и плясала и вообще демонстрировала непосредственность и очарование молодости. В какой-то момент у меня подвернулась нога, потому что под половиками, которыми был застелен пол, находилось неровное место. У меня порвалось сухожилие голеностопа. Я упала... нет — скорее села на пол. Дали занавес, и акт нормально закончился.

Поскольку я прыгала и плясала, то, что я оказалась на полу, было естественным и не вызвало у зрителей удивления. Но встать я не смогла — жуткая боль в ноге. Тут же «скорая помощь»... И проблема: что делать, надо доигрывать спектакль, зрители не виноваты. Ногу обработали хлорэтилом, она распухла, но, слава богу, на мне была длинная юбка, из-под нее не было видно травмированной ноги. Ее туго перевязали, и я доиграла спектакль со страшными болями.

Вечером ко мне пришли Елена Николаевна Гоголева и Марьяна Турбина, ассистент режиссера. После вопросов о том, как я себя чувствую, слов участия, они стали говорить о том, что надо доиграть гастролы, оставалось еще два спектакля.

С жуткой болью я все-таки доиграла эти два спектакля. Приехала в Москву и, естественно, попала в больницу. У меня образовался незаживающий свищ.

Пока я лежала, лечила ногу, все мои роли у меня забрали, отдали моим коллегам, как я горько пошутила, заклятым друзьям. Мне еще недавно говорили, что замены нет, и я должна была на гастролях играть, преодолевая жуткую боль. А тут все роли оказались сразу «пристроенными»...

Так началось мое несчастье. Набирать репертуар трудно, долго, а отдать — в одну минуту.

Через одиннадцать месяцев Зоя Сергеевна Миронова, заведующая отделением спортивной травмы Центрального института травматологии и ортопедии, сказала мне этак небрежно:

— Знаешь, ты приходи завтра... Возьми с собой зубную щеточку, пижамку, мы посмотрим, что там у тебя такое...

Зоя Сергеевна — уникальный человек. Она академик, заслуженный деятель медицины, в прошлом чемпионка страны по конькобежному спорту. Мне страшно повезло, что я попала в ее руки.

На следующий день я и в самом деле пришла в спортивном костюме, с авоськой, в которой была книжечка, которую я тогда читала, и самые элементарные предметы туалета. Предполагала, что пробуду здесь пару дней.

Пришла, а кабинет Зои Сергеевны закрыт. Думаю: «Да что же это такое, она меня позвала, сказала, в какое время прийти, а ее нет». Мимо проходила хирургическая сестра:

— А-а, ты пришла... Ну-ка иди сюда...

Напротив кабинета Зои Сергеевны находилась ванная комната.

— Быстренько переодеваемся! — сказала сестра. — Зоя Сергеевна будет тебя смотреть.

Пока я снимала с себя одежду, мне сделали укол промедола. Мне стало весело и хорошо, я расхохоталась. Подо мной оказалась каталка, и меня повезли из отделения

спортивной травмы «веселым поездом». Я хохотала, сестры смеялись, из палат выскакивали ребята-спортсмены, чтобы посмотреть, что это такое там едет с таким шумом и гамом. И только когда меня привезли в какую-то комнату, я догадалась, что это операционная. Хотя операционные фронтовых госпиталей выглядели совсем по-другому.

Зоя Сергеевна сказала — спокойно и благожелательно:

— Ты потерпи, будет сейчас немножко больно.

Мне сделали укол прямо в кость. Тогда было неизвестно, останусь ли я с ногой.

Когда поняла, что сейчас будет операция и насколько все серьезно, я подумала: «Какое счастье, что я попала именно к ней».

Ногу мне спасли. Поместили меня в кабинете Зои Сергеевны, иначе все ходили бы на меня посмотреть, особенно ребята-спортсмены, которые никогда не отличались деликатностью. А в кабинет Зои Сергеевны не каждый решался войти, да и не всех пускали.

Я пролежала сколько было нужно, потом долго разрабатывала ногу и вернулась в театр.

Ногу мне спасли, но душевные травмы — ведь у меня отняли любимые роли, чем фактически поставили на мне, как на актрисе, крест, — не заживали долго.

К этому времени я была уже очень известной актрисой, из почтового отделения мне приносили письма пачками по двести пятьдесят штук. А в Малом театре меня все время «воспитывали», чтобы я чувствовала себя зависимой. Доходило до смешного. Но об этом потом... Сейчас лишь скажу, что профессия актера связана и с душевными трудностями, и с физическими сложностями. В моей жизни были потери из-за болезней и травм. Наверное, это у всех так. Надо лишь уметь все это пережить, вынести.

Без вины виноватая

Обычно перечень ролей и спектаклей, в которых участвовала актриса, помещается в конце книги — как вспомогательный материал. Я думаю, это не очень правильно. Ибо мои роли и спектакли — это суть жизни, а точнее — моя жизнь.

Моя театральная жизнь оказалась такой длинной, что я помню лишь ее основные вехи, но подробности растворяются, заслоняются все новыми и новыми событиями. Я попросила библиотеку Малого театра составить для меня такой перечень: роль, спектакль, дата премьеры.

Вот он — список моих надежд, тревог, волнений, а порою и отчаяния, роли и спектакли в Малом театре:

Леди Уиндермиер («Веер леди Уиндермиер» О. Уайльда. 18.02.1959 г.)

Наталья («Осенние зори» В. Блинова. 27.03.1960 г.)

Нина («Карточный домик» О. Стукалова. 26.05.1960 г.)

Кэт («Остров Афродиты» А. Парниса. 30.10.1960 г.)

Клеопатра Гавриловна («Почему улыбались звезды» А. Корнейчука. 04.06.1961 г.)

Катерина Ремез («Крылья» А. Корнейчука. 09.09.1961 г.)

Паранька («Весенний гром» Дм. Зорина. 26.10.1961 г.)

Баронесса Штраль («Маскарад» М. Лермонтова. 06.05.1962 г.)

Ксения Ивановна («Палата» С. Алешина. 22.04.1963 г.)

Юлия Филипповна («Дачники» М. Горького. 25.03.1964 г.)

Мария Ивановна («Главная роль» С. Алешина. 22.04.1964 г.)

Миссис Эрлин («Веер леди Уиндермиер» О. Уайльда. 26.01.1965 г.)

Эльза («Герой Фатерланда» Л. Кручковского. 14.05.1965 г.)

Глафира («Волки и овцы» А. Н. Островского. 12.02.1966 г.)

Герцогиня Мальборо («Стакан воды» Э. Скриба. 26.11.1966 г.)

Анна Петровна («Иванов» А. Чехова. 17.03.1967 г.)

Софья Марковна («Старик» М. Горького. 25.04.1968 г.)

Лидия Юрьевна («Бешеные деньги» А. Н. Островского. 13.04.1969 г.)

Анастасия («Признание» С. Дангулова. 22.04.1970 г.)

Донна Анна («Каменный хозяин» Л. Украинки. 25.05.1971 г.)
Паула Клотильда («Перед заходом солнца» Г. Гауптмана. 30.06.1972 г.)
Маша («Касатка» А. Толстого. 12.10.1973 г.)
Панова («Любовь Яровая» К. Тренева. 06.11.1977 г.)
Чернобривцева («Ураган» А. Софронова. 06.05.1978 г.)
Пелагея («Фома Гордеев» М. Горького. 28.05.1981 г.)
Кручинина (Отрадина) («Без вины виноватые» А. Н. Островского. 31.05.1981 г.)
Мария («Выбор» Ю. Бондарева. 26.05.1982 г.)
Мэри («Долгий день уходит в ночь» Ю. О'Нила. 08.06.1989 г.)
Москалева («Дядюшкин сон» Ф. Достоевского. 25.04.1992 г.)
Хлестова («Горе от ума» А. С. Грибоедова. 01.11.2000 г.)
Турусина («На всякого мудреца довольно простоты». 2002 г.)

Я крайне благодарна сотрудницам библиотеки за то, что помогли мне вспомнить и пережить год за годом мою жизнь в Малом театре. Этот перечень мне говорит об очень многом. Первую роль на сцене Малого я сыграла, когда мне был тридцать один год. То есть я явно «запоздала», многие актрисы начинали раньше. Но моей вины в том нет — я пробивалась на лучшую театральную сцену страны через войну и неустроенные послевоенные годы. И приехала в Москву из провинции через столицы двух ныне самостоятельных государств. Я искала себя (и, смею надеяться, нашла) в кинематографе, и для меня стали одинаково дороги и кино, и театр...

И тем не менее к своему пятидесятилетию я смогла сыграть 24 главные роли в 24 спектаклях, ставших классикой нашего театрального искусства.

Мне было чем гордиться.

Забегая вперед, скажу, что всего я сыграла в Малом театре тридцать главных ролей, и, надеюсь, счет этот пока не закрыт. Ни одну свою героиню я не забыла. Проходят годы, но я вновь и вновь живу их жизнью, чувствами. В моей профессии всегда был важен диапазон — разные характеры, разный возраст, разные исторические эпохи. В общем, из одного в другое, из огня да в полымя. Или наоборот: из воды — куда-то в воздух. Таким был переход после «Тихого Дона» к «Вееру леди Уиндермиер». Подобное разнообразие было для меня редкой удачей.

И уж коль скоро я привела перечень своих ролей и спектаклей, то самое время поговорить о взаимоотношениях с моими героинями. Возможно, для кого-то героиня спектакля — это всего лишь образ. И от актрисы зависит, станет он ярким или тусклым, пробудит какие-то чувства или тут же забудется.

Для меня мои героини — живые, вполне реальные, выражаясь театральным языком, «действующие лица». Допустим, я никогда не выйду на сцену в роли Глафиры («Волки и овцы»), пока не буду убеждена, что зрители поверят — перед ними именно Глафира.

Год за годом я отдавала своим героиням частички своей жизни. Но иначе я уже не могла.

Я отношусь к ним двояко. Во-первых, они — создание автора. Но автор «пишет поступки». А актер эти поступки конкретизирует, наполняет их жизнью, оснащает мотивировками.

Мотивировки характеров и поступков героинь я беру из своего понимания жизни. Ни один режиссер не может меня заставить не думать над этим. Другой вопрос, что хороший режиссер может мне дать свою мотивировку, и она окажется интереснее, чем та, которую придумала я. И тогда у нас контакт хороший — все получается. Режиссер понимает, что у меня достаточно серьезно мотивированы поступки героини, и, как правило, соглашается со мной... Мне кажется, что моя профессия обязывает меня знать жизнь настолько, чтобы уметь объяснить зрителям любой поступок героини, написанной автором. Конечно, я не могу прожить жизнь, допустим, героини Островского... Я просто придаю ей свои черты, свое понимание, определяю свое отношение к ней.

Какую ошибку наиболее часто совершают начинающие актрисы, получив роль? Они

пытаются копировать известных актрис, которые до них играли эти роли. Так на сцене появляются «близнецы», отличающиеся друг от друга лишь деталями, нюансами, внешним обликом.

Я же всегда пыталась привнести в роль нечто свое, отличное от того, что уже было. Иногда это приносило неожиданные результаты. Например, в спектакле «Любовь Яровая» мне досталась роль Пановой, и при поддержке режиссера П. Фоменко я ее сыграла так, что главная героиня неожиданно отступила на второй план. Рядом с Пановой — умной, сильной, независимой — она как-то потускнела, ушла в тень. Панова ненавидит красных, но она презирает и белых — эта ее независимость в суждениях и поведении поначалу смущает, потом вызывает удивление и чуть ли не восхищение. Критики долго не могли освоиться с такой трактовкой роли Пановой, но ничего — привыкли.

Весьма своеобразной получилась у меня и Юлия Филипповна в «Дачниках»: я играла умную женщину, презирающую свою среду, но не способную выйти из нее. Презрение к «дачникам» так и чувствуется в каждом ее жесте, движении.

Говорят (и справедливо), что каждая женщина — тайна. Героини спектаклей — конечно же женщины, которых должен окружать ореол таинственности, если хотите, изрядная доля мистики. А «простушки» — они тоже нужны, но место им на задворках сцены.

Мне очень нравится исполнять роли так называемых отрицательных женщин. Здесь я не скована в отборе красок, мотивов. Они могут быть самыми низменными. В жизни я не стану никогда пользоваться такого рода мотивировками. Но я просто знаю, что это может быть.

Впрочем, не все так просто. Чебоксарова в «Бешеных деньгах» — явная хищница, для которой безнравственность, продажность — естественны. Но говорит же о ней Васильков Телятеву: «Она от природы создание доброе, в вашем омуте женщина может потерять все — и честь, и совесть, и всякий стыд».

Я никогда не допускала «прямолинейного» взгляда на своих героинь. И считала, что добилась успеха, если зритель видел их такими, какими видела их я.

Однажды я играла Екатерину Великую в сборном спектакле «Виват, императрица!», который довольно долго готовился. И я тогда поняла, что такое властная вседозволенность. Я была так потрясена своим открытием! Оказывается, кому-то можно все! Я, конечно, изучала историю, кое-что знала о характере безграничной власти. Но в данном случае я столкнулась буквально с фантастическими вещами. Не знаю, насколько я смогла это выразить.

Но те, кто присутствовал на репетициях, говорили мне, что это была интересная работа. Я же не смогла ее посмотреть — спектакль не был снят на пленку. Почему — точно не знаю. Такое случается довольно часто — проекты возникают и исчезают. Актерам остается только гадать, почему их работа оказалась невостребованной.

Екатерину Великую я играла с удовольствием, с максимальной самоотдачей. Вообще это моя особенность: если роль нравится, я стараюсь полностью выложиться.

Мне часто приходилось играть персонажей, жизнь и поступки которых далеки от меня. Но я их пыталась понять, знакомясь с материалом. И, конечно, с помощью фантазии, которая помогает мне освоиться с историческим временем, с местами, где я никогда не была, с характером человека, который до этого для меня был «закрытым», неизвестной величиной. Но в какой-то момент работы я начинаю его «видеть» — каков он. Вижу его открытыми глазами, но могу закрыть их и тоже вижу. Я его воспринимаю как единый образ, достаточно глубоко: манеру его поведения, уровень мышления, отношение к окружающим людям, вещам.

Это очень интересно. Я люблю свою профессию еще и за это. Но вот любопытно: мне приходилось играть королеву, но стать королевой в жизни мне никогда не хотелось. Боже упаси! Я хочу быть актрисой и больше никем! И еще я хотела бы успеть передать то, что я узнала, молодым. Я очень люблю общаться с будущими актерами и актрисами. Отличные

отношения с моими учениками у меня складываются надолго. Один из них возглавил театр в Ростове, его избрали в Государственную Думу. И мне приятно, что мой ученик стал еще и государственным деятелем. Другие завоевали прочную репутацию в искусстве, состоялись как актеры, и я горжусь этим, ибо вижу, что помогла им найти свое место в жизни. Но, общаясь с учениками, я не просто передавала им что-то свое, но и многое получала от них. Это уникальное общение, и для меня оно чрезвычайно интересно. Я храню фотографию, которую сделали во время занятий. У меня на ней такое счастливое лицо! Когда я на это обратила внимание, то подумала: «Наверное, стоит этим заниматься, потому что это тоже счастье».

Но вернемся к спектаклям. Малый театр решил ставить «Без вины виноватые» А. Н. Островского. Вдумчивому актеру и зрителю театральная русская классика дает богатейшую пищу для размышлений о жизни. Я была одной из тех ведущих актрис Малого театра, кто всячески ратовал за эту постановку. Пьеса Островского была напечатана впервые в «Отечественных записках» в 1884 году и в том же году была поставлена на сцене Малого театра. 100 с лишним лет назад! И никто не скажет, сколько раз ставилась она на сцене столичных и периферийных театров. В Малом театре в ней в разные годы были заняты Г. Н. Федотова, А. И. Южин, О. О. Садовская, М. Н. Ермолова, А. П. Ленский, А. А. Яблочкина, В. Н. Пашенная, М. И. Царев, Е. Н. Гоголева и другие замечательные актеры. Но только ли замечательный состав исполнителей предопределил многолетний успех спектакля? Критики называли «Без вины виноватые» мелодрамой. Действие спектакля разворачивается в спокойном и тихом уездном городе. Словом, ничего такого, что предопределило бы шумный успех. И тем не менее...

Я много думала об истоках популярности этой пьесы и пришла к выводу, что она определена судьбами ее героев, в частности Кручининой и Незнамова. В мире есть чистые и светлые люди — об этом спектакль. Меня всегда привлекала роль Кручининой, и я страстно хотела получить ее. Но мне отказывали — иногда тактично, чаще — грубо, находили десятки отговорок. Я настаивала. И когда поняла, что исчерпала в театре все доводы, пошла в Министерство культуры и попросила, чтобы мне дали возможность сыграть Кручинину. Уж не знаю, какие переговоры велись между министерством и руководством театра, но в конце концов роль мне дали. Это был трудный для меня шаг, но пришлось его сделать.

Режиссером спектакля был назначен актер Малого театра Виктор Иванович Хохряков. И он стал ставить спектакль о взаимоотношениях матери и сына — эта линия действительно есть в сюжете пьесы. Я же хотела рассказать, что такое актерская судьба, из чего она складывается. Для этого был замечательный драматургический материал: женщина-актриса потеряла сына, свою первую любовь, у нее не состоялась личная жизнь, и она всю себя отдала сцене. Вот кем была для меня Кручинина! «Про маму и сына» мне было неинтересно.

Я знала, чувствовала, как надо сыграть Кручинину, но мне не давали это сделать. Может быть, одной из причин было и то, что между мною и режиссером сложились прохладные отношения, он меня не любил (за что — не знала, но догадывалась). Разногласия были тяжелыми. Они сопровождались неизбежными в таких случаях взаимными упреками, недоговорками. На репетициях, часть которых проходила в Риге во время гастролей театра, стояла враждебная атмосфера. Меня пытались сломать, а я не поддавалась. Уже в силу того, что успела сделать для кино и театра, я имела право на самостоятельную трактовку образа Кручининой. Как часто бывает в таких случаях, по театру пополз шепоток: «Чего она хочет, Быстрицкая?» Я же хотела только одного: быть верной судьбе своей героини, основам нашей профессии, замыслу автора пьесы — великого драматурга.

Виктор Иванович, большой друг нашего директора Михаила Ивановича Царева, ездил с супругой отдыхать на прекрасные рижские пляжи, а я репетировала со вторым режиссером — Юнниковым. Я относилась к нему с уважением, но ситуация сложилась для меня унижительная. В театре я не была ни пришлой, приглашенной со стороны, ни новенькой...

Однажды после нервной репетиции был еще и шефский концерт. В общем, после такого напряженного дня в гостинице я просто упала: мне стало плохо, вызвали врача, и

меня увезли в больницу. Театр уехал в Москву, а я осталась долечиваться.

В больнице я пробыла месяца полтора. Для меня снова настали тяжелые времена. Я была уверена, что выздоровела, но к чему я вернусь в театр? Хотя болезнь длилась недолго, но последствия ее могли быть тяжелыми.

1978 год — ролей у меня уже нет. Первую роль после выздоровления я получила лишь в 1981-м — сыграла Пелагею в «Фоме Гордееве». Четыре долгих года находилась не просто в тени — вокруг меня создавалась зона молчания.

После Пелагеи мне дали роль Марии в «Выборе» Ю. Бондарева. В конце концов нельзя ведь без конца не замечать известную актрису.

А я все мечтала о том, чтобы сыграть Кручинину. К счастью, по решению режиссерской коллегии, спектакль не выбросили из репертуара. Я без обиняков говорила, что спектакль можно оживить лишь одним путем: пригласить талантливого режиссера, заменить исполнителей некоторых ролей.

К этому времени в театре уже не было Бориса Ивановича Равенских, а вершила всеми делами коллегия, которой руководил Борис Львов-Анохин. Я нашла режиссера для спектакля и настояла на том, чтобы его пригласили. Это был Александр Васильевич Бурдонский.

Удивительно, какие причудливые зигзаги выписывает иногда жизнь. Вот уж никогда не думала, что мне придется работать с внуком Сталина — сыном Василия Иосифовича. Это был очень талантливый и очень скромный человек. Ему я доверилась полностью.

Виктор Иванович Хохряков остался как бы сопостановщиком, но работал один Бурдонский. И в 1981 году я вышла на сцену в роли Кручинины. Играла такой, какой видела ее я и, смею надеяться, А. Н. Островский. Спектакль обрел новую жизнь. Были аплодисменты, вызовы на сцену, цветы, очень много цветов...

Я победила и вышла из этой затяжной драматической истории с новым пониманием старой истины: при неудачах нельзя складывать руки, ибо слабых бьют — и бьют больно.

После премьеры известный театральный критик В. Максимова писала: «Строгая, редко улыбающаяся, неизменно одетая в темные траурные одежды, не желающая помнить о своей большой славе и редкой красоте Кручинина — Быстрицкая несла в себе свет подлинной интеллигентности, духовности, культуры. Известная провинциальная актриса, она российской театральной провинции не принадлежала, отстоя от нее, возвышаясь над ней, как бы предсказывая ту нарождающуюся формацию актеров-творцов, актеров-художников, время которых придет с наступлением нового века. В жизненной драме своей героини Быстрицкая читала судьбы многих выдающихся русских актрис, приходивших на подмостки сцены из нищеты и полной унижений юности, как Стрепетова и Савина, через жизненную катастрофу, крушение любви и мечты, как Комиссаржевская, приносивших в искусство свою человечность, свое бесстрашие, дар деятельного добра, тяжело давшийся опыт постижения души».

Критик напоминала в связи с этой моей работой слова А. Блока о том, что подлинный художник способен сделать материалом творчества все, в том числе и собственные страдания.

Мне этот отзыв необычайно дорог. И я говорю: не бойтесь страданий, сумеете их победить.

Игры с жизнью

У меня есть ощущение, что у нас внимательно изучаются, исследуются жизнь и творчество людей, уже ушедших. Это всегда мне казалось странным: интерес к человеку усиливается после его кончины. К примеру, один из каналов ТВ попросил меня поделиться воспоминаниями о Любви Петровне Орловой. Я им говорю:

— Совсем недавно я рассказывала о Любви Петровне для другого канала — была большая передача. Повторяться я не буду, а нового ничего не хочу придумывать.

И я уже знаю: как только приближается годовщина кончины (или круглая дата со дня

рождения) знаменитых актера или актрисы, меня обязательно пригласят «вспоминать». Отношение у меня к этому двойное. Слава богу, что не забывают человека, много проработавшего на ниве искусства. А с другой стороны, становится грустно оттого, что все это уже послесловие к его жизни.

Признаюсь, я с волнением и беспокойством шла к своему пятидесятилетию. С волнением — Господи, скоро стукнет пятьдесят! С беспокойством — с чем, как я встречу свой юбилей?

Многие из нас всю жизнь играют с возрастом, с жизнью. Помню, как я изо всех сил стремилась выглядеть взрослее, старше. Потом мне стало казаться, что меня «поджимает» возраст. И, наконец, неожиданно для меня годы понеслись неудержимо быстро...

Спросите любую актрису о каком-либо событии из прошлого, и она почти наверняка ответит: «Это было тогда, когда я сыграла такую-то роль». Или чуть иначе: «Тогда состоялась премьера такого-то спектакля...» От спектакля к спектаклю, от роли к роли, а между ними простые, зияющие бреши — это и есть течение актерской жизни.

Но существует, увы, и другое исчисление: от года к году, от десятилетия к десятилетию. Двадцать, тридцать лет — это обычно радостные юбилеи. Сорокалетие окрашивается легкой грустью и попытками трезво оценить сделанное, немного потосковать по неосуществленному, по тому, мимо чего в спешке, в суете прошла, не заметила. А когда тебе уже к пятидесяти...

Пятьдесят мне исполнилось в 1978 году. Я не скрываю своего возраста — ни к чему подобные игры с жизнью. Актрисе всегда столько, на сколько она выглядит и как она играет. Перед моими глазами были замечательные «старухи» Малого театра, перед которыми многие молодые актрисы чувствовали себя бездарными пигалицами. «Старухи» играли до весьма преклонного возраста, их появление на сцене зрители неизменно встречали овациями.

К своему пятидесятилетию я была в отличной форме: и физической, и творческой. Я не чувствовала возраста, совершенно не устала от жизни, совсем наоборот, мне казалось, что впереди меня ожидает самое важное. И не я была виновата в том, что многие мои желания остались нереализованными.

Я задумала интересную программу, в осуществлении которой полагалась лишь на собственные силы. Такого явления, как спонсоры, тогда еще не существовало. Надеялась я прежде всего на помощь своего родного театра, наивно полагая, что это не только мой праздник, но и праздник моих коллег.

Мою программу мне осуществить не удалось, но я получила очень приятный подарок. Одним указом Президиума Верховного Совета СССР мне и Руфине Нифонтовой были присвоены звания народных артисток СССР. По возрасту мы разные, но в театре были «на одном положении». Чтобы никому не было обидно, наши фамилии в указе оказались рядом. Не знаю: так ли было задумано или случайно получилось...

Кстати, странность в том, что все награды, а не только эту, мы получали вдвоем. Нас так и называли — сиамскими близнецами, хотя у нас были, признаюсь, не самые дружественные отношения, а скорее, наоборот. Мы жили как соперницы, хотя, считаю, я проявляла достаточную выдержку и доброе расположение.

Хотела ли я получить звание народной? Конечно, хотела. Это было бы признанием моего труда, моей работы в кино и на сцене театра. Естественно, я надеялась, что меня отметят. Когда получила это звание, я была счастлива. Но сказать, что стала другой после этого или что моя творческая жизнь стала легче, я не могу. Нет, ни я, ни моя жизнь не изменились.

Я, кстати, не знала, что меня представили к званию и «заслали», как тогда говорили, документы по инстанциям. Такие вещи держались в секрете. Может быть, для того, чтобы актриса не впала в разочарование, если кто-то где-то не поставит нужную подпись. Такие вещи случались.

Но, естественно, я надеялась, что меня не обойдут. Все-таки моя работа была на виду, чиновникам сложно было ее не заметить. Но я никогда не пыталась что-то выяснить, считала

это неприличным. Уже потом находились люди, которые мне в подробностях рассказывали, как это было, что кто сказал и т. д.

Нет, не могу сказать, что награды в моей жизни имели исключительное значение. Хотя если бы я не получила это звание, я бы переживала, волновалась. Говорю об этом откровенно.

Сейчас, когда пишу эти строки, я пытаюсь вспомнить, как я узнала, что мне присвоили звание народной. Кажется, услышала в новостях по радио. Когда приехала в театр, там уже все было известно. Быстро подготовили и вывесили за кулисами плакат с поздравлениями и пожеланиями. Через несколько дней в театральных афишах против моей фамилии появились слова: «Народная артистка СССР».

Вскоре меня и Руфину Нифонтову пригласили в Кремль, где и вручили грамоты и золотые знаки — все, что положено в таких случаях. Было шампанское и небольшой прием с благодарственными тостами. Отработанная процедура награждения для меня не стала событием. Я лишь хорошо запомнила Нину Алексеевну Сивову, которая подавала вручаемому награды тогдашнему заместителю Председателя Президиума Верховного Совета СССР Василию Васильевичу Кузнецову ордена и грамоты. Это очень симпатичная женщина, и когда очередь дошла до меня, я увидела на ее лице искреннюю радость. Возможно, я тоже улыбалась от счастья. Звание народного артиста СССР было особой творческой наградой. Народными артистами становились действительно талантливые мастера культуры и искусства. И то, что оно сохранилось сегодня в демократической России, — это прекрасно. Какие-то другие звания остались в прошлом. А это звание, как и ордена, не потеряли своей нравственной и общественной ценности.

Каждый раз, когда я получала какие-либо награды и поощрения, я вспоминала о своих родителях. К тому времени, когда мне исполнялось пятьдесят, папы уже не было, а мама тяжело болела, и дни ее были сочтены.

Я понимаю, что меня отмечали наградами еще и потому, что я работала в заметном, очень известном театре. Если бы я продолжала состоять в Вильнюсском драматическом, вряд ли я получила бы звание народной, даже если бы меня и представляли. Но, конечно, я Малый театр выбирала для себя не из-за этого. Я выбрала уровень, образец, недостижимый пример, высоту, с которой видно далеко вокруг.

Я и сегодня считаю, что у Малого театра остался очень высокий уровень. Хотя знаю, что некоторые люди, имеющие возможность выступать в прессе, пишут о нем как о некоем «заповеднике консерватизма и патриархальщины», еще живущем, но уже старом, древнем, знавшем лучшие времена.

Я считала для себя лестным, что меня ввели в художественный совет такого знаменитого театра. Давно ли я пришла в его классически строгое здание на свою первую репетицию? Оказывается, давно...

В художественном совете было человек двадцать — руководители театра и ведущие актеры, входить в него было почетно, это было признание того, что ты в театре — уважаемый человек. На совете можно было высказать свою точку зрения, и люди действительно высказывались. Но Михаил Иванович Царев мог выслушать всех, а поступить по-другому. Он как-то чувствовал, где находится истина, правильное творческое решение. Дело уже прошлое, но я должна сказать, что руководителем он был сильным. Работать с ним было честью.

Итак, я стала народной артисткой СССР, членом художественного совета Малого театра. Что дальше?

Поговорим о красоте

Всегда удивляюсь, когда читаю или слышу о том, что я очень красивая женщина. Чувствую себя неловко, ибо понимаю: красота — категория весьма призрачная и относительная, у каждого — свое представление о ней.

Что греха таить, каждой женщине приятно, когда ей говорят, что она хорошо выглядит. Мои слушательницы на встречах почти всегда пытаются выпытать у меня мои «фирменные секреты». Но никаких секретов у меня нет, а вопросы вызывают легкую грусть: значит, я уже перешагнула тот возрастной рубеж, когда женщине достаточно обаяния молодости.

Аудитории меняются, а вопросы повторяются, ибо женщин волнуют примерно схожие проблемы. Я попыталась систематизировать их, ответить на те, которые считаю важными. Удобный повод — эта книга...

«Как вам удается сохранить такую прекрасную форму?» — об этом спрашивают меня очень часто. Что ж, спасибо за комплимент. Но дело в том, что в силу своей профессии, образа жизни, наконец, творческого пути я не могу выглядеть плохо. Потерять форму для актрисы означает только одно — уйти в запас, как сказали бы в военные годы.

Молодые, начинающие актрисы должны быть готовы к тому, что им предстоит постоянный самоконтроль и самодисциплина. Но это вовсе не самоистязание и насилие над собой. Главное — поставить цель. У меня такая цель была — вначале стать, а потом остаться актрисой. Желая быть пластичной, уметь владеть своим телом, я сознательно пошла в балетную школу, зная, что балериной никогда не буду. Я была самой старшей среди маленьких девочек и поначалу — самой неловкой, мне все давалось труднее, чем им. Но я преодолела стыд и застенчивость, избавилась от неловкости. Я знала, что это надо сделать, ибо нельзя отступать перед трудностями.

Я всегда стремилась поддерживать свою форму, хотя в последнее время это не очень получается. Не буду объяснять почему, но существуют объективные причины, которые одолеть трудно.

Считала и считаю, что профессия актера требует самоотдачи, эту работу можно сравнить с механизмом, который, чтобы хорошо работать, должен быть хорошо ухожен. Поэтому по утрам — обязательно гимнастика, причем со временем я выработала свою программу, составленную из упражнений, взятых из различных школ. Гуляю, к сожалению, очень мало, так как нет времени. Бываю на воздухе только тогда, когда удастся выехать за город. Я с нетерпением жду выходных, чтобы поехать на дачу, где легко дышится.

Диету не соблюдаю, ем практически все, хотя некоторые продукты — сало, копчености — исключила из своего рациона. Это не так уж и сложно.

Мне очень печально, когда люди начинают пугаться своих лет, смиряясь с тем, как меняется их внешность. Конечно, мужчины относятся к изменению своего внешнего вида более спокойно. Женщины же должны активно бороться с наступлением старости, постоянно следить за собой.

Все надо держать в чистоте — и душу, и тело. Заботиться о своей коже, о движениях, своих волосах. Привлекательная внешность быстро исчезает. Внутреннее наполнение меняет человека. Возраст ведь не только старит. С возрастом появляются новые черты характера.

Сейчас меня давно знают и воспринимают такой, какая я есть. Но всю жизнь мне приходилось доказывать, что не в красоте дело-то! Не это главное. Посмотрите на меня иначе.

Привлекательная внешность еще вызывает и зависть. А зависть рождает иногда жестокие поступки. Мне пытались мешать неоднократно. И коллеги, и «простые» женщины. Я уже привыкла. С годами у меня выработалось такое ощущение, что меня хотят обидеть. Поэтому я всегда готова дать отпор. Один мой друг сказал мне, что я постоянно пребываю в состоянии войны. Я знаю, что это скорее недостаток, нежели достоинство, и предостерегаю против него других — в частности, моих читательниц.

Часто меня спрашивают: «Что такое красота?» Сложный вопрос... Я слышала в своей жизни немало слов о том, какая я, мол, красавица. Хотя в театре и кино говорят о красивой актрисе скромнее, сдержаннее: «У нее хорошие внешние данные...» Я никогда не участвовала в конкурсах на звание различных «мисс». Участниц таких шоу жалею, они напоминают мне, простите, телочек на ярмарке тщеславия. А тех, кто делает на них, на их юной привлекательности деньги, просто презираю.

У Николая Заболоцкого есть стихотворение — по-моему, «Некрасивая девочка». Там я прочитала великолепные слова:

...что есть красота?
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Лучше не скажешь. Без внутренней красоты нет красоты внешней. Именно внутренняя культура определяет стиль общения. Актер несет зрителю не только идеи нравственности, но и культуру поведения. Говорят часто о «внутреннем свете», озаряющем того или иного человека. Без такой «подсветки» любая красота будет мертвой, ледяной.

Мои зрители всегда интересуются и чисто «женскими» вопросами: что помогает мне хорошо выглядеть, как я отношусь к косметике, народным средствам?

В юности я вообще пользовалась самой простейшей косметикой, без которой не обойтись. На дорогую денег не было. Я знала, что это коварный способ «наводить» красоту — чрезмерное употребление кремов, пудры, помады и т. д. приводит к раннему старению.

Когда наступило время, что без легкой косметики обойтись стало трудно, все кремы, маски, лосьоны я стала делать сама, используя различные рецепты народной медицины. Когда болею, лечусь в основном травами, стараюсь как можно меньше пить лекарств. Но к нетрадиционным средствам надо тоже подходить избирательно. Вот, например, я попробовала широко рекламируемые продукты фирмы «Гербалайф» и лично для себя сделала вывод, что это не что иное, как «качели». Конечно, я немного похудела, но довольно быстро вновь набрала лишний вес и поняла, что эти продукты надо принимать постоянно, всю жизнь. Они на то и рассчитаны, чтобы покупать их снова и снова.

Вот еще любопытный вопрос: что помогает мне выдерживать напряженный ритм жизни?

Конечно, нагрузки у меня чрезмерные: это и театр, и общественные дела, и многое другое. Так я всегда жила, так живу и сейчас... Видимо, я не овладела искусством вовремя говорить «нет». Но иногда приходится — не от душевной черствости, а от сознания того, что не сможешь выполнить обещанное. Более 17 лет, как я уже говорила, я была председателем Федерации художественной гимнастики. Могу поделиться своими наблюдениями. Однажды после длительного перерыва, связанного с тяжелой болезнью, я в течение трех часов присутствовала на тренировках гимнасток. На следующий день у меня появилась боль в мышцах, будто я сама тренировалась. Оказывается, все зависит от того, как смотреть. Именно поэтому полезно смотреть по телевизору спортивные передачи или ходить на футбол, бокс, теннис — кому что нравится. Снимается излишняя напряженность.

Женская красота — это дар Божий, которым Господь одарил род людской. Но я считаю, что наше общество относится к женщине потребительски, слишком мало уделяет ей внимания. А ведь именно от нее в значительной степени зависит жизнеспособность нации.

Я с завистью смотрю на нынешних молодых людей. Как много красивых лиц! Кажется, по сравнению со своими предшественниками они стали выше, стройнее, раскованнее. Ничего удивительного: им не надо таскать носилки с ранеными, жить на скудную пайку хлеба, ходить в морозы в ватниках с солдатских плеч.

Для красоты тоже надо создавать условия, рыхлить почву. Жаль только, что возвращенная с большим трудом, усилиями всего общества и семьи красота становится товаром. Посмотрите рекламу по телевидению: сколько смазливых юных девочек прыгают, пляшут, обещают, обольщают жестами, позами, глазами. Вряд ли они верят в то, что рекламируют. Я не говорю о передачах, где порнография едва прикрыта прозрачной кисеей. Речь веду о «табунках» девчонок, на которых держится коммерческая реклама. Что с ними будет? Известно что: как только личико какой-нибудь из них надоеет зрителям, перестанет работать на рейтинг, она выйдет в тираж. Еще вчера ее узнавали на улицах, завтра забудут

все. Я уже давно убедилась, что реклама — не лучший путь на сцену и экран. Более того, из-за сиюминутного куска хлеба с маслом можно потерять будущее. Иное дело, когда за рекламу берется известная, опытная, сформировавшаяся актриса — в этом нет ничего плохого, более того, ее участие обеспечит достойный уровень рекламного материала. У нынешних молодых много врагов — наркомания, алкоголизм, проституция. Стоит ли добавлять к ним новых, да еще в красивой обертке?

Возможно, я не права. Я буду только рада, если это так. Просто мне не хотелось бы, чтобы множилось число изломанных судеб.

Наконец, я хотела бы сказать о том, что возраст — очень коварная для женщины вещь. Однажды я поняла и с тех пор твердо стою на том, что у каждого возраста есть свои прелести, привлекательные черты. Меня часто спрашивают, возвращаюсь ли я мысленно в свою молодость... Мне никуда не хочется возвращаться, ни в один период жизни. Да, были счастливые годы. Но были и колоссальный труд, работа в театре, концертная деятельность, разные переживания. Зачем ходить в прошлое, когда есть настоящее? Я и сегодня — тьфу, тьфу — активна. У меня есть, конечно, определенные сложности, но они никак не угнетают. Я все время в каком-то деле.

У меня любимая профессия, верные друзья, книги, обязанности, у меня есть ученики. Этим я счастлива.

Женщины часто оказываются перед выбором: карьера (на сцене, в бизнесе, да где угодно) или семейная жизнь — спокойная и тихая. Целая цепочка больших и малых событий привела к тому, что я свой выбор сделала и... осталась одинокой. Мне от этого бывает горько. И тогда я вспоминаю Омара Хайяма: «Уж лучше будь один, чем вместе с кем попало...»

Корреспондент одного из популярных журналов писала, что, побеседовав со мной сто сорок минут, она попыталась сформулировать шесть «заповедей» моего характера и выяснила, что народная артистка СССР Элина Быстрицкая:

- ищет в людях и жизни красоту и скромность;
- стремится в жизни успеть сделать все, на что природа и судьба дали силы и возможности, и тратит свои силы, время и энергию без остатка, до края заполняя дни делами, нужными многим людям;
- не приемлет корысти, зависти, потребительства и утилитарности;
- понимает существование театра для зрителя, а искусства — для человека, из чего следует, что цель искусства и театра — сформировать в человеке человеческое;
- выше всего ставит разум и сердце, во что бы они ни вкладывались: в дело, в семью или увлечение;
- любит свой дом, искусство, спорт и кулинарию.

Журналистка разложила мою жизнь, судьбу, характер по полочкам, написала весьма лестные для меня слова. Но, естественно, я знаю себя лучше других: я не была такой однозначно положительной. Оглядываясь на прошлое, могу сказать, что у меня в жизни было немало трудных дней. Я откровенно написала о том, как порою меня захлестывало отчаяние, вплоть до того, что жить не хотелось. Но я никогда не заискивала перед обстоятельствами, не кланялась судьбе, не лицемерила ни с собой, ни с теми, кто был рядом.

Маленькие секреты достойной жизни

Нет, я не согласна с классическим афоризмом: «Человек рожден для счастья, как птица для полета». Человек рожден для жизни. И как она сложится — зависит только от него.

Многие женщины, вопреки народной мудрости, гласящей: «Не родись красивой, а родись счастливой», — все-таки убеждены, что счастье именно в красоте.

Блажен, кто верует... Можно обижаться на Бога, который что-то «недодал», на родителей, не создавших условия для «расцвета», на жизнь и прочее. Я замечала, что многие склонны винить в том, что им чего-то недостает, всех, кроме себя.

Но я тоже не очень верю, что красота человека, будь то женщина или мужчина, — это не главное, и нечего, мол, «перед зеркалом вытанцовывать».

Все в человеке взаимосвязано и взаимообусловлено. Надо не прозевать в себе самое главное! Я на своем веку встречала немало несчастных красавиц и много совершенно счастливых «дурнушек».

Вот что любопытно: некоторые роли требовали от меня, чтобы я была ослепительно красива. Зритель никогда не поверит на слово, когда по ходу действия слышит, что героиня очень красива. Он должен сам увидеть и почувствовать ее красоту. И уж тут старайся стать в глазах множества людей красавицей, загадочной, привлекательной женщиной.

Я, сыграв много ролей красивых и необычайно оригинальных женщин, так и не нашла универсальную «формулу» красоты, не постигла ее слагаемых. Хотя и поняла, что быть красивой — это нелегкое бремя.

Совсем недавно на одной из встреч со зрителями девушка, будущая актриса, со свойственной молодости прямолинейностью спросила: «Вы счастливы, Элина Авраамовна?»

Я вспомнила, как в фильме «Неоконченная повесть» мой партнер Сергей Бондарчук спрашивал меня, доктора Елизавету Максимовну Муромцеву: «Вы счастливы, доктор?» Я не помню, что ответила с экрана. А вот вопрос остался в памяти, ибо он один из главных в жизни. Мне кажется, счастье — это не постоянное состояние, скорее временное, очень короткое самочувствие. Оно приходит, когда удается что-то сделать, что было до того невозможно. Потом наступает момент осознания: впереди другие задачи. И начинается достижение уже другой цели. Когда она достигается, опять приходит уже изведенное тобой состояние. Так случалось со мной много раз.

Так счастлива ли я? Скорее да, чем нет... Но я хорошо знаю, что счастье — это мгновение. И как важно именно тогда, когда ты оказалась на вершине успеха, суметь сказать себе: это далеко не все, что тебе нужно и что ты можешь...

Надо уметь принимать жизнь такой, какая она есть. Я не гневаюсь на свою судьбу, живу, как могу. Может быть, моя жизнь несколько легче, чем у других. Есть немало людей, у которых она складывается гораздо труднее, чем у меня. Но знаю по опыту: нынешние наши беды все-таки временные. Важно держать себя в руках, не отпускать, как говорят, вожжи. Я по натуре оптимист. Много зависит от потребностей, а они у меня невелики.

О своей физической форме я забочусь с 29 лет. Именно в том возрасте я твердо осознала, что являюсь инструментом в собственных руках и с ним надо работать. Что-то дано от Бога, что-то заложено генетически. Но можно ли полагаться только на это? Если художник берет кисть и переносит на холст свои образы, а композитор делает то же самое с помощью нотной бумаги и пера, то мою работу люди видят «вживую», она остается в их зрительной памяти. Значит, я должна иметь, в силу своих возможностей, совершенный инструмент. Это мои нервы, это мои слезы, мои улыбки, мои руки и ноги...

Я постоянно твержу своим ученицам: актриса не имеет права небрежно относиться к своей внешности. Человек устроен так, что он может развить свои достоинства, а недостатки смягчить.

Газета «Россия» попросила меня кратко сформулировать советы, как быть и оставаться красивой. Конечно, в принципе это невозможно. Что хорошо для одной женщины, то не подходит для другой. Не зря ведь говорят, что каждая женщина — это особый мир. Но какие-то общие правила, нормы назвать возможно. Они просты...

Прежде всего, не нужно злобствовать, таить вражду, выращивать в себе обиду. А наоборот, быть снисходительнее, терпимее, добрее. Это освободит от многого. Не завидовать — очень непросто, если человек к этому привык. Трудно поймать себя на том, где зависть, а где желание усовершенствоваться. Последнее — хорошо, а быть лучше, чем кто-то другой, — плохо. Надо заслужить это «лучше» своим трудом, усилиями, а не утопить кого-то.

Что касается здоровья, то я, например, утром обязательно выпиваю стакан холодной воды. По моему мнению, это промывает и очищает организм. Лучше, если это будет

серебряная вода. Чтобы ее получить, нужно на время положить в стакан серебряную ложечку.

Открою один из своих главных «секретов»: я всегда хранила и берегла себя для искусства. И живу по режиму, который можно сформулировать так: не делать то, что хочется, когда это вредно. Надо свое тело держать в форме, но и душу не пачкать тоже, культивировать в себе лучшие качества, учитывая сложность своей профессии и уровень своих возможностей. В Малом театре работал уникальный артист — Николай Анненков. Ему было 99 лет, в моих глазах он был Богом! Николай Александрович, я точно знаю, соблюдал режим всю свою жизнь. Можно этому позавидовать, а еще лучше подобному подражать.

Строго говоря, у меня две биографии: актерская и военная. Именно в годы войны стало растрачиваться мое здоровье, хотя я и не знала об этом — в юности смотришь на жизнь широко открытыми глазами, с неиссякаемым оптимизмом и потому многого не замечаешь.

С огромным трудом, ценою невероятных усилий получив профессию актрисы, я воспринимала свои успехи сдержанно. И мне еще долго казалось, что коллеги хвалят меня, потому что хорошо относятся, хотят сказать что-то приятное. Иными словами, скромно. А скромность — это всегда состояние внутреннего покоя, но карьере она мешает. Когда это чувство не развито, человек становится смешон, он перестает уважать труд других, попирает чужое достоинство. Но ведь известно, что обычно акции таких людей не обеспечены никаким капиталом.

Я давно уже пришла к выводу, что для меня успех — это радость от сделанного. Порою это бывает совершенно неожиданно. Маленький пример... Помню, Бабочкин ставил «Весенний гром» и как тонкий психолог понимал, что и нас, актеров «из эпизодов», надо чем-то занять, чтобы и мы почувствовали свой вкус общего успеха. Ну нечего, казалось бы, придумать для двух колхозных девчонок, которые по ходу действия только и кричали: «Натуральные удобрения! Кому натуральных удобрений?» Бабочкин таки придумал: я на скорости 30 км выехала на сцену на настоящем мотороллере, и зал ахал, боясь, что машина вылетит прямо в партер. Боже, как меня увлекал этот выезд!

И уж коль в этой главе я занялась «самокопанием», то напомним слова Джорджа Барнса: «Лучше потерпеть неудачу в том, что мне нравится, чем иметь успех в том, что я ненавижу». Подобная дилемма встает перед каждым. Не только в творчестве человек делает для себя выбор: либо такая неудача, либо такой успех. Лично я не могу делать то, чему сопротивляется мое естество.

Каждый возраст имеет свою внутреннюю философию. Родители и Бог наградили меня тем, что называют красотой. Но в моем возрасте важно думать о том, что питает дух. Я все еще живу в поисках радости. Больше всего нахожу ее в искусстве и природе. Радуюсь молодым современным талантам, красивым лицам и фигурам артистов, их мастерству. И еще у меня есть радость встреч с приятными мне людьми.

Жизнь свою я привыкла измерять не годами, а событиями. Вначале вспоминаю что-либо, а потом уже на ум приходит год, в который оно случилось. Иногда это сложно сделать, потому что у каждого неизбежно наступает такой период, когда годы начинают лететь, как перелетные птицы.

Одна из рижских газет года четыре назад писала, что живу я скромно, но с достоинством королевы. По поводу «королевы» — это, конечно, преувеличение, но я всегда превыше всего ценила достоинство Женщины и Актрисы. Я своевременно поняла, что в моей профессии ценен труд, а хорошенькая внешность нужна модели. Может быть, именно поэтому я не любила фотографироваться для открыток, рекламных буклетов и т. д. В начале моей артистической карьеры появились три или четыре моих открытки. На них я этакая романтическая красавица с задумчивым взглядом — словом, «женщина моей мечты». Я уже сыграла Аксинью, Лелю, Ксению Румянцеву, Теплому. Но на этих открытках я выглядела как звезда не нашей, не будничной, а чужой и очень красивой жизни. Мне это не нравилось, хотя я и понимала, что это фотографии делают нас, популярных актрис, такими необычными,

небудничными. Не случайно именно тогда стали поговаривать втихомолку, что я родственница крупного деятеля, муж у меня генерал и что я захожу в кремлевские кабинеты. Это была абсолютная чепуха, хотя и достаточно обидная. Я актриса и тем жива.

С тех пор не любила и не люблю позировать. Меня никакими силами не заставить смотреть в глазок объектива. Всегда хитрю: устремляю взгляд в точку чуть выше, правее или левее, но не в ту черную, будто засасывающую пропасть. Почему я так ее не люблю — право, не знаю.

Я сейчас говорю о тех снимках, которые делаются для рекламы, на которых тебя пытаются изобразить лучше, чем ты есть. Кино — это другое... Там идет работа, и ты, поглощенная своей ролью, состоянием, чувствами, эмоциями, совсем не думаешь о камерах. А от постановочного фотографирования я всегда старалась уклониться под любым благовидным предлогом. Помню, замечательный мастер, фотохудожник Игорь Малышев просил меня позировать для фотопортрета, я пообещала, но, увы, у меня все как-то не получалось. В конце концов позвонила его жена: «Как вам не стыдно! Семидесятилетний мастер просил вас уже столько раз!» Мне действительно стало стыдно, и я принялась повторять, как испорченная пластинка: «Извините!» Потом схватила какое-то платье, модный в ту пору мех и отправилась на экзекуцию. Именно тогда была сделана самая лучшая карточка, которая у меня есть. В ней нет ни грамма позерства.

Я очень ценю свои давние фотографии. На них я — это я, какая была, а не стремилась казаться. И когда я вижу постановочные фотографии нынешних красоток, которые чуть ли не с люстры свешиваются от желания выглядеть оригинальными, мне становится тоскливо. То же и с мужскими «портретами». Ну скажите, кого может увлечь мужчина с квадратными плечами и бычьим взглядом? Конечно, у каждого поколения свои кумиры, свои представления о красоте. Я это понимаю. Но нельзя в угоду моде поступаться собственным достоинством, позволять изображать себя то ли куклой Барби, то ли суперменом.

Все знают, что ни один известный актер или актриса не будут запечатлены на фото, плакате, рекламном ролике, если за этим не стоят чьи-то коммерческие интересы. Мне не раз предлагали подобную «работу» на несколько минут, обещая за это большие деньги. Но я всегда знала, что без денег можно перебиться — перекрутиться, а вот если потеряешь лицо, как говорят на Востоке, это поправить трудно.

Ничто у актрисы так дорого не ценится и не теряется так легко, как профессиональное достоинство. Особенно сейчас, когда мы живем, как в каком-то гигантском увеселительном заведении, где есть все, кроме пищи для ума.

Несколько лет назад вышла в свет автобиографическая книга Андрона Кончаловского «Низкие истины». Парадоксальное название, но я понимаю, откуда оно. Книга построена на сути пушкинских строк: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Андрон рассказывает о своих близких, о друзьях, любимых женщинах, он предстает перед нами, читателями, чрезвычайно интересным человеком. Что есть низкие истины, а что — возвышающий обман? Я давно убедилась, что объективности как таковой не существует, мы все воспринимаем субъективно...

Меня порою упрекают, что я излишне занимаюсь самокопанием. А как иначе, в себе не покопавшись, самосовершенствоваться человеку? Я свои поступки привыкла анализировать и, если надо, просить прощения за некоторые из них.

Давайте помечтаем

Восьмидесятые-девяностые годы стали для меня странным периодом. От получения одной новой роли до другой проходило много времени, иногда несколько лет. Я была занята в трех-четырёх спектаклях. Они шли, как говорится, с переменным успехом.

Но потом наступил период молчания, точнее, умолчания. Он длился довольно долго. Лишь в 1992 году начались репетиции «Дядюшкиного сна» Ф. Достоевского. Но именно в это время я поехала со сборной командой страны по художественной гимнастике в

Германию, и у меня отняли роль. Я не могла не поехать, потому что и команда, и тренеры, и руководители федерации были убеждены, что если я буду отсутствовать, то призы заберет украинская команда. Конечно, это было очень субъективное суждение, но известно, что именно субъективные факторы имеют в спорте большое значение. Да мне и самой было важно увидеть, чего я и мои девочки добились за несколько лет упорного труда. И вдруг мне говорят:

— Или роль, или эта поездка...

Вообще-то требования ко мне были сформулированы еще резче: или театр, или... Мне же казалось, что я должна, обязана встать в «спортивных воротах» страны, защищать их честь. Если бы я считала, что эти угрозы всерьез, думаю, я отказалась бы от поездки: театр мне всего дороже. Но как бросить своих девочек? И мне стало очень обидно, что в умах моего театрального начальства возникла такая дилемма. Словно я собиралась прокатиться за границу ради собственного удовольствия.

Роль ушла к другой актрисе. Я узнала об этом с растерянностью и в который раз почувствовала свое бессилие. Роль ко мне через какое-то время возвратилась, но я уже стала думать о том, что нельзя зависеть от чьих-то настроений, надо заняться чем-то таким, что останется в памяти людей. Нет, немножко не так: о «вечности» я не думала, просто мне хотелось вписать свою строку в жизнь современного общества. Так возникла идея создания Женского центра. Это был девяносто второй год, но я и сейчас, через десяток лет, думаю, что не только дороги или туалеты определяют, как считают на Западе, уровень цивилизации страны, но и забота о женщине.

Итак, десять лет назад я «заболела» этой идеей. И при первой же встрече поделилась моими замыслами с Юрием Михайловичем Лужковым. Город выделил под застройку около половины гектара земли на пересечении Цветного бульвара и Садового кольца. Был разработан проект комплекса, его талантливые авторы во главе со Светланой Арендарук добились пластики форм и точной элегантности линий.

Политики и ученые одобрили замысел комплекса, признали его полезность для общества. Деловые люди увидели коммерческую выгоду. Проект был активно поддержан корпорацией «Социальная инициатива», возглавляемой энергичным Николаем Карасевым.

В конце ноября 2002 года состоялось торжество по случаю начала строительства здания, которое — в этом все были уверены — станет архитектурной и общественной достопримечательностью города.

На этом торжестве я говорила:

— Мы все сошлись на том, что хотим улучшить жизнь людей. Поэтому и отправляемся в дальнейший путь вместе...

Я убеждена, что повысить культуру российского общества можно только через женщину, которой природой предназначено быть хранительницей генофонда. Отсюда и идея создания центра духовного и физического совершенствования для женщин, где прекрасная половина рода человеческого найдет все, что ей необходимо: от салонов красоты, кабинетов психологической и оздоровительной реабилитации до центра моды, киноконцертного зала и школы-студии.

Когда я излагала эти свои мысли, в Москве еще не было ни одного фитнес-клуба. Мне кажется, мои идеи были услышаны, и их подхватили и стали реализовывать предприимчивые люди с деловой хваткой — в столице сегодня десятки фитнес-клубов и оздоровительных центров. Но я не в претензии — все на пользу обществу. Жаль только, что доступны они немногим, занятия в них — дело дорогостоящее.

К моей радости, правительство Москвы приняло несколько важных постановлений по женскому центру. Я актриса, а совсем не бизнес-дама. И с самого начала мне было необычайно сложно найти средства для строительства. Понадобились поистине не женские настойчивость и упорство...

Я представляю, как мой центр должен выглядеть. Его идеи выстраданы, союзники объединились, мэр Москвы Ю. М. Лужков весьма авторитетно заявил: «То, что мы делаем по

женскому центру, — это фактический показатель того, что мы вообще можем сделать в Москве».

В фундамент здания заложили капсулу с памятной грамотой к потомкам. Я надела большие строительные рукавицы, взяла мастерок и замуровала капсулу в камень-куб. В грамоте говорилось о вере в близкое возрождение России, в развитие искусств и предпринимательства, в будущую счастливую и благополучную жизнь. По традиции в капсулу бросили серебряную монету.

До завершения строительства еще далеко. Но мне кажется, я уже вижу скоростные лифты, зимние сады, холлы, отделанные гранитом и мрамором, прозрачный купол атриума...

Я хочу, чтобы те, кто в скором будущем придет в возведенное здание, поняли, что этот комплекс строили люди, которые любят женщин, Москву, российский народ.

Конечно, такие, даже очень масштабные, общественные проекты не компенсируют отсутствия ролей в театре. Ибо театр, спектакль, роль — это то, чем я живу.

Вспоминаю время, когда только-только поднялась на вершины своей профессии, и вдруг судьба подставила мне подножку — я заболела и не работала четыре месяца, теряя то, что достигла. Тогда закон разрешал не работать именно четыре месяца, не больше. Но, к счастью, подоспели еще два месяца отпуска, и мне удалось прийти в себя. Именно тогда, в 1976 году, мне впервые пришлось серьезно думать, как я буду работать дальше. Потом подобная ситуация повторялась неоднократно, и мне приходилось снова и снова начинать сначала, если не с нулевой отметки, то в любом случае с той точки, на которой остановилась. И я научилась понимать, что я в силах сделать и что — нет. Бывало и так, что я не могла сладить с характером работы, которая мне предлагалась, или способом «помещения» ее в мою душу. Покладистой быть легче, удобнее. А у меня не получалось, я ершистая. Всегда знала, почему страдала, и не скажу, что меня это не беспокоило. Волновало — и даже очень! Но я не могла убедить предвзято настроенных людей отнестись ко мне с вниманием, осторожно.

Так я и подошла к юбилейному для меня 2003 году — у меня в театре нет сейчас ролей первого плана, которые я играла всю свою театральную жизнь. Есть только роли второго плана: старуха Хлестова в «Горе от ума» и Турусина в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты». Я пока не знаю, с чем выйду на сцену в юбилейный день. В одном только уверена — это будет достойно. Вспоминаю, когда у меня был семидесятилетний юбилей и все сложилось примерно так, как сейчас, мне предложили сцену Кремлевского дворца съездов. Это был хороший выход, хотя я уверена, что у актрисы в день ее торжества есть только один достойный вариант — выйти на сцену родного театра. Тогда я была лишена этой возможности. Я не хочу это называть конфликтом, хотя без конфликтов в нашей жизни ничего не бывает...

Все последние годы — скажу откровенно — были для меня периодом выживания, и мне нужно было выдержать, хотя один за другим уходили из репертуара спектакли с моими ролями, а новых мне не давали. Я не ждала, что мне что-либо преподнесут на блюдечке, — искала, предлагала. Увы...

Театр — это среда обитания актера, в которой из него «умелые» люди могут сделать пустое место. Но можно и поднять актера или актрису так, что они будут блистать на сцене. Механизм создания «легенд» нашего театра уже давно отработан в совершенстве.

И мне приходилось искать возможности заполнить образовавшиеся пустоты. Когда-то это был удивительный спектакль «У войны не женское лицо», сейчас — Женский центр... Мне не раз говорили, что я иду по жизни с не женским упорством. Может быть, это так и есть — жить мне никогда не было просто.

Не надо кланяться судьбе

Мой «период выживания» пришелся на время, когда каждый год уже становился для меня дефицитным. Но я понимаю, что все начиналось гораздо раньше. Я ведь когда-то

(теперь уже можно говорить — давно) пришла в театр, в котором сложились определенные отношения: актрисы были чьими-то женами, возлюбленными, кого-то связывала давняя и очень тесная дружба, иных объединяли совпадающие взгляды. Горько писать об этом, гораздо приятнее было бы восхищаться театром как храмом чистого искусства. Но это было бы не совсем честно.

И не давние обиды во мне говорят, а желание лишний раз подчеркнуть: профессия актрисы — суровая и строгая, она не терпит суеты и приспособленчества. И очень откровенно: с моей внешностью надо было выжить.

Но есть у меня, в моей жизни, и немало такого, что радует.

В сезоне 2002 года вышел премьерный спектакль «На всякого мудреца довольно простоты». Для Малого театра это уже девятая постановка. Я видела предыдущую в Малом, видела и то, что сделали в Вахтанговском театре. Но мне никогда не хотелось повторять тот уровень, которого достигли мои предшественницы, копировать их. Обычно Турусину играли как женщину, которая много нагрешила в жизни и в конце концов решила заслужить прощение: усердно молится, грубо говоря, упрощает Бога отпустить ей грехи. Но у меня создалось впечатление, что она «скучает» по своим грехам и ей хотелось бы возвратиться к некоторым из них. Так я играла Турусину... Роль небольшая, второго плана, но ведь все зависит от актера, его масштабов. У меня была интересная работа с режиссером Владимиром Бейлисом, он поддержал мои представления о Турусиной. Во всяком случае ничего не запрещал, что иногда бывает: душа — нараспашку, а ее пытаются «захлопнуть».

Впрочем, рассказывать о своей работе — это дело неблагодарное и даже вредное. Свою работу надо показывать.

Вскоре на российский и зарубежный экраны выйдут два фильма с моим участием. Судьба их складывалась непросто, но я надеюсь, что им будет сопутствовать успех.

В фильме Булата Мансурова «Сага древних болгар» я играю роль княгини Ольги. Съемки длятся уже пять лет — то денег не было, то войск не дают для батальных сцен, то войска дают, а погоды нет. В общем, все время что-нибудь мешает. Но, слава богу, кажется, уже виден свет в конце тоннеля...

В летописях есть только три эпизода из жизни княгини. Все остальное в будущем фильме — это наша фантазия и наше понимание того времени. И в этой «выдумке», которая может оказаться правдой, заключен большой смысл.

Играть эту роль мне очень интересно. У меня долго не было цельного представления об этой картине, но я ясно видела свою героиню, ее мудрость, осторожность и... хитрость. Это было во времена начала Руси, когда слава и гибель шли рядом. И мне глубоко симпатичны действия и поступки моей героини, превыше всего ставившей интересы своего княжества. Как известно, Ольга — жена князя Игоря — правила в малолетство сына Святослава и во время его походов. Она подавила восстание древлян и около 957 года приняла христианство. Младший сын Святослава, внук Ольги Владимир утвердил христианство — мечом и словом — в качестве государственной религии.

Для меня прикосновение к древней истории было необычайно интересным, тем более что я бывала в тех местах, где тысячелетие назад кипели страсти, куда совершали походы наши предки. Не все со мною сегодня согласятся, но я все-таки скажу: без любви к истории своей страны, без восхищения своими предками даже самые сильные таланты вянут...

В каждом времени — свой взгляд на события истории. Иные пытаются подогнать их под современные оценки, другие собирают ранее не известные сведения и стараются докопаться до истины.

Я убеждена, что княгиня Ольга — фигура государственная, у нее был государственный ум. Мать и жена, она собирала то, что можно было собрать семье, Русь. Она старалась добиться того, чтобы братья между собой не воевали. Ольга мстила за гибель своих близких, по отношению к своим воинственным соседям вела твердую политику. Перед нею во весь свой исполинский рост стояла проблема создания национального государства.

Вступила в завершающую стадию и работа над вторым фильмом о трагедии Бабьего

Яра. Я не могу понять, почему драматические события, разыгравшиеся там, столь долго оставались вне внимания кинематографа. Даже после получившей мировую известность поэмы Евгения Евтушенко «Бабий Яр» кинематографисты не прикасались к ней. Точнее, попытки были, но они оказались безрезультатными.

Когда я впервые пришла туда, на окраину Киева, где был овраг, ставший братской могилой сотен тысяч людей, а сейчас зачем-то разбит парк, я ужаснулась: парк на крови, на людских костях... В 1976 году там возвели памятник, но он оставил меня равнодушной — гранитом словно бы закрыли безмерное человеческое горе...

Автор сценария и режиссер фильма Николай Засеев-Руденко мальчиком был в оккупации. В основу фильма положены реальные факты. Картина построена на драматической истории. Через 60 лет к Бабьему Яру в Киев приезжает женщина, которую в 1941 году гнали в многотысячной колонне обреченных на расстрел. На руках у нее был ребенок. Ребенка убили, она чудом осталась жива и выбралась из-под горы трупов. Женщина посвятила свою жизнь борьбе против зла в любом его проявлении. Была она и среди тех, кто создавал государство Израиль. Сюда она приехала, чтобы поклониться могилам замученных людей. И там встретила того, кто стрелял в нее, чья пуля оборвала жизнь ее ребенка. Она его узнала... Немец тоже приехал на то место, где много лет назад совершил страшное преступление.

Моя героиня, Нора, случайно узнает этого бывшего немецкого офицера. Он погибает там, в Бабьем Яру, — случайность или судьба? Мне хотелось бы, чтобы этот фильм стал предостережением: зло не прощается, рано или поздно за все приходится отвечать.

Я много думаю о том, почему кинематографисты на протяжении десятилетий не обращались к трагедии Бабьего Яра. Может быть, по каким-то высшим «государственным» соображениям? В любом случае к этим событиям и сейчас очень больно прикасаться.

У этого фильма сложная судьба, он не наш, не российский — украинский. За рубежом к нему проявляют большой интерес. И я не берусь предсказывать, что его ждет, тем более что в окончательном варианте я его пока не видела. И не могу сказать, выражает этот фильм то, что я хотела, или нет. Все это настолько болезненно, что должно пройти время...

Виват, императрица!

Мой знак Зодиака — Овен. Самое странное, что я действительно обладаю многими достоинствами и недостатками Овнов — упрямцев, карабкающихся по каменистым склонам, преодолевающих препятствия и преграды. Я всегда иду напрямик и говорю правду в лицо.

Михаил Ульянов как-то разразился развернутой и очень лестной характеристикой в мой адрес:

«Элина Авраамовна Быстрицкая относится к той категории людей, у которых талант актерский и талант человеческий равнозначны. Элина — актриса с четким амплуа героини, а в жизни — человек очень властный, волевой, идейный. В ней удивительным образом сочетается женское обаяние с железным мужским характером. Мешает ей это или помогает — не буду судить, но я думаю, что Элина — одна из героинь старшего поколения, которое не сдает свои звездные позиции... Дай бог сохранять ей еще надолго то неотразимое очарование женщины и ту красоту, которыми наградила ее природа. Дай бог оставаться Элиной Быстрицкой еще долгие годы».

Михаил Ульянов, с которым я вместе снималась в «Добровольцах», высказал мое самое заветное желание: не сдавать позиции, жить так, как привыкла за много лет. И мне было очень важно, что эти добрые слова сказал именно Ульянов, актер, который во время совместной работы был крайне скуп на похвалы.

Овны, как гласят легенды, не знают дороги назад. А еще они начисто лишены зависти. Улыбайся, что бы ни случилось. Пусть никто не видит тебя растерянной или беспомощной. Однажды я стала свидетельницей жуткой сцены: голуби — эти, с легкой руки Пикассо, птицы-символы мира — безжалостно и дружно добивали раненую голубку. Оказывается, это

у них в крови — уничтожать пораненных или больных товарок. Увы, в человеческом сообществе часто господствует тот же закон: горе слабому. Наверное, жестоко так писать, но что делать, если тому множество примеров.

Я уже рассказывала, что мне пришлось играть в телевизионном спектакле «Виват, императрица!». Гвардия провозглашала здравицу в честь своей государыни, удивительной женщины, и когда мне становилось тяжело на душе, я подбадривала себя этой здравицей: «Виват!»

Было уже совершенно очевидно, что в родном Малом театре с новыми ролями меня обходят, а злая тоска, рожденная малой востребованностью, ни к чему хорошему не приведет. Я стала искать выход в эстраде, в собственных проектах.

Нет, я не позволю забыть себя!

Так уж я устроена, что, когда мне бывает очень сложно, обращаюсь мыслями и чувствами к военным годам. Словно «ныряю» в них — снова и снова переживаю то давно отшумевшее лихолетье. Все, что связано с великим подвигом народа, с его мужеством и горем, для меня свято.

В юбилейном спектакле Малого театра, посвященном 40-летию Победы, я не участвовала. Так уж сложилось. В это время я была занята большой творческой работой, забиравшей много времени и сил. Не помню точно, но мне не особенно и предлагали участвовать в нем, я тоже не настаивала. У меня были свои планы, и я надеялась, что они не хуже. Конечно, было как-то грустно, что я оказалась как бы в стороне от всех, но сказала себе: фронтовая сестричка, у тебя получится. Только, ради бога, пусть никто не подумает, что во мне говорит застарелая обида. Жизнь ведь складывается так, что порою надо пройти мимо чего-то интересного, но не упустить самое важное. А в данном случае, если бы могла изъясняться в возвышенных тонах, я бы сказала, что подготовила к 40-летию Победы свой личный творческий подарок.

На меня огромное эмоциональное впечатление произвела документальная повесть Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо». А Ремез сделал инсценировку повести и назвал ее «Случайный вальс». Режиссер Евгений Радкевич нашел точное решение каждого эпизода. «Случайный вальс» шел в Театре эстрады. У меня было несколько ролей, в спектакле участвовали мои ученицы.

И вот... Я выхожу на сцену в строгом черном платье, моя скромная прическа — из прошлого. Потом на мне будет солдатский ватник, или шинель, или байковый госпитальный халат. И я буду одной из девочек в гимнастерках, что пришли в 1985 год из сорокалетней дали. Я тихо пою любимый в годы войны «Случайный вальс»: «Хоть я с вами совсем не знаком и далеко отсюда мой дом...» И будут автоматные очереди, и страшные женские крики, стоны — боль, смерть, горе...

Я до сих пор не могу говорить спокойно об этом спектакле. Мне предстояло провести через войну совсем юных девочек, показать зрителям войну их глазами, их памятью. Мне и самой-то страшно было вспоминать, что было со мною, что я видела на фронтах, в госпиталях, в горящих городах. А тут... Не воевавшие девочки вспоминают, курят, ломая спички, плачут и снова рассказывают — вспоминают. И как страшно мне стало, когда услышала хруст костей в штыковом бою, и как тоскливо заныло сердце при виде фиалок на штыке у одной девочки...

Постановщик построил спектакль на двойном временном пласте — прием, потребовавший предельного напряжения сил. Я боялась, что не выдержу, особенно тогда, когда огромное женское горе волнами хлынуло в зал. Честь и слава вам, юные девочки! Вы, не видевшие своими глазами войну, показывали ее нынешним людям такой, какой она была. Это были мои ученицы из ГИТИСа...

Строгий в оценках «Московский комсомолец» писал после премьеры: «Надо сказать, что только талант такого масштаба, как у Быстрицкой, мог справиться с такой задачей».

«Можно ли женщине, предназначение которой — давать новые всходы жизни, пройти через это и уцелеть духовно? Можно, оказывается. Можно ли защищаться любовью и

верностью? Если, как героини Быстрицкой, видишь цветок через решетку камеры гестапо, если пробираешься к мужу на передовую; если идешь одна — под пули?»

Пресса называла «Случайный вальс» инсценировкой по документальной повести. Для меня это было как возвращение в огонь... В этой «инсценировке» я не играла — жила. Снова и снова отдавала свою личную горестную дань войне. Сердцем понимала, как необходимо рассказать о том, что я видела в войну и кто такие те люди, которых я узнала на фронте. Я решила говорить об этом именно с эстрады от себя самой, не уходя в сюжет, не скрываясь так называемой четвертой стеной от зала.

Мелодия «Случайного вальса» еще долго сопровождала меня по жизни. Она была со мной и тогда, когда я вместе с группой известных мастеров культуры приехала в Чернобыль после страшного несчастья, чтобы встретиться с воинами — ликвидаторами аварии.

Для меня не было вопроса: ехать или не ехать в Чернобыль. Как и для Микаэла Таривердиева, Николая Крючкова и других. Через Чернобыль пролегла передовая линия фронта, и мы должны были быть именно там. Солдатские поэты читали нам свои стихи:

Мы вышли в бой, как в 41-м деды,
Чтоб человек вернулся в отчий дом...

Бог мой, неужели разноликая война никогда не выпустит нас из своих цепких лап?

Я читала солдатам отрывки из «Случайного вальса» — это было к месту...

Я заметила странную закономерность: когда тебе особенно трудно, печать проявляет к тебе повышенное внимание, журналисты набиваются в «гости» и задают вопросы с подтекстом.

Скажем, меня спрашивают: «Вы изменили свое отношение к тому времени, в котором жили?»

— Конечно. Конечно... Но я не изменила своим принципам.

— А какие они у вас? — настаивает журналистка.

Я спокойно ей говорю:

— Понятия о чести, о порядочности, о достоинстве, о предназначении человека. Это вещи, которые не могут меняться. Мои родители хорошо меня воспитали. И потом, я познакомилась с Заповедями Божьими...

— Вы верующий человек?

— Да. Я верую. Я верую всю жизнь, хотя меня этому не учили. Но я знала, что есть высший разум и высшая сила.

Напомню, что когда миновали 1991 и 1993 годы с их «романтическими событиями», почти всегда задавался один и тот же вопрос: «Вы были в партии?»

— Конечно, — отвечала я.

— Вышли?!

— Что значит «вышла»? Я поняла, что искусство должно обходиться без принадлежности к партии. Не могу сказать, что нас тогда обманывали, нам лгали. Обманывались! И не считаю, что это был сознательный самообман! Я думаю, что человеку свойственно придумывать себе идеалы...

Одна из гостей предпослала беседе со мной поэтическое начало: «Элина Быстрицкая живет в очаровательном переулке в центре Москвы. По такому полвека назад шла Маргарита с желтыми весенними цветами, незадолго до того, как взлететь над повседневностью. Сейчас Маргариты не летают. Сейчас Маргариты вымерли, растоптанные неумными людьми. Элина Быстрицкая, пожалуй, исключение».

Все — правда. Я живу в Леонтьевском переулке, в старом, еще дореволюционном доме, — это был центр Москвы.

И меня не удалось растоптать, я изо всех сил держалась на ногах...

Заканчивались девьяностые годы, но я не чувствовала тяжести своего возраста. Мне казалось, что у меня еще все впереди, — к неизрасходованным силам добавляется

приобретенный опыт. А журналисты допытывались: «Вы жалеете о чем-то, чего не успели, не сделали в жизни?» Странный вопрос, словно впереди уже ничего больше нет...

Я жалела лишь о том времени, которое уходит безрезультатно. И с досадой отмечала, что в 2000 году была в Малом театре уже десяток лет без премьеры. Думать об этом было горько. Но я никогда не сидела без работы. Все время выступала, встречалась со зрителями, у меня была масса общественных обязанностей. Дни, недели, месяцы расписаны по часам — успеть, сделать, не подвести. И все же я постоянно мечтала о хорошей роли в большом хорошем спектакле...

Меня в это время часто спрашивали, почему я осталась одна. Подразумевалось: годы мои бегут, а я не реализовала собственную состоятельность в обручальном кольце. Вопрос этот из ряда тех, которые я отношу к сугубо личным. Но он задается так часто, что я не могу не ответить на него. Для меня «хомувание мужиков» отвратительно и наказуемо. Потому что не наше это дело — кого-то подчинять или возвышать. На то существуют высшие силы. Я говорю это серьезно. У меня было сильное чувство, тогда я уже была свободна и готова к новой семейной жизни. Но каким-то образом я поняла, что этот человек не готов к браку, хотя он и стремился к нему. В конечном счете я оказалась права. «Нет страшнее одиночества, чем одиночество вдвоем...»

Моя актерская жизнь давала выход моим эмоциям. Я много времени провела на сцене в страхе, страданиях, в любовных похождениях моих персонажей. Я вкладываю в них свои мысли и чувства. И случается так, что для повседневной жизни ничего не остается, в лучшем случае — страсти, прикрытые пеплом.

Потрясающая особенность нашей профессии заключается в том, что там — в кино или на сцене — мы можем все. Там мы всего достигнем, у нас все получится, осуществляются наши самые несбыточные и заветные мечты. Мне кажется, что наша жизнь — черно-белая, а искусство — все цветное. А если наоборот, то не будет ни жизни, ни искусства.

Между тем приближалось знаменательное событие в моей жизни. Много лет назад я вышла на профессиональную театральную сцену в маленькой роли одалиски в «Марусе Богуславке», поставленной Нежинским музыкально-драматическим театром. Это была маленькая, скромная точка отсчета в моей судьбе. И пошли год за годом, их набралось пятьдесят.

Пятьдесят лет я на сцене и на экране — это много, очень много! Как отмечать? Дмитрий Васильевич Тихомиров, замечательный режиссер, подсказал: «Виват, императрица!»

Скажу, что я не рассталась с ролью Екатерины Великой и с работой в целом. Я была влюблена в мудрую императрицу и великолепную женщину. В эти трудные дни я все чаще и чаще думала о судьбе Екатерины, в мыслях о ней пыталась обрести поддержку. И сердцем чувствовала прелесть ее времени, которое именовали «Галантным веком». Так мы назвали и наш спектакль. Я и мои коллеги решились показать «Галантный век» в Коломенском — «венценосном селе», знавшем многих российских государей. Оно было частью исторического спектакля-триптиха о его великих владельцах — Иване Грозном, Петре Великом, Екатерине Великой — и посвящался 850-летию Москвы. Возможно, именно тогда я особенно глубоко поняла историю своей страны. И какими жалкими пигмеями казались мне те, кто сладострастно вытирал ноги об нее. Я знала — это пройдет, золотая нить истории не прервется... И именно тогда я поняла, с чем могу выйти на сцену Кремлевского дворца.

Не буду вспоминать о волнениях, которыми сопровождалась подготовка к юбилейному вечеру. Просто приведу дословно афишу:

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

7 апреля 1998 года в 19.00 юбилейный бенефис народной артистки СССР

ЭЛИНЫ БЫСТРИЦКОЙ В программе:

Киногалерея, спектакль «Виват, императрица!»

В бенефисе принимают участие Александр Калягин,

Михаил Ульянов, Никита Михалков, Петр Глебов,

Кирилл Лавров, Юрий Соломин, Виктор Коршунов,
Олег Ефремов, Марк Захаров, Владимир Зельдин,
Галина Волчек, Иосиф Кобзон, Геннадий Хазанов».

Какое прекрасное созвездие имен! Пришли почти все, кого я просила принять участие в бенефисе, никто не отказался. Любимый мною спектакль «Виват, императрица!» поставил Дмитрий Васильевич Тихомиров.

Крайности соединились: моя героиня, одна из самых замечательных женщин Российской империи, пришла в современный Кремль! Свой бенефис я так и назвала: «Виват, императрица!» Это был спектакль, который так и не вышел на экраны ТВ, но который увидела страна.

Всем своим именитым и талантливым друзьям, принявшим участие в бенефисе, я и по сей день глубоко благодарна. Не думаю, что они не знали, как со мною обошлись в театре, но своим отношением ко мне показали, что действительно талантливые люди стоят выше конъюнктурных соображений.

Я не хотела сдаваться, уходить, растворяться в неизвестности. И на сцене Кремлевского дворца я шептала: «Виват, императрица!»

Бенефис прошел с огромным успехом. Наплыв зрителей был таким, что зал пришлось расширить за счет оркестровой ямы. Многие на спектакль не попали... Когда он состоялся, я поняла, что ради таких минут актрисе стоит ломать себя, страдать, преодолевать трудности. И что счастье может быть очень осязаемым и конкретным.

С тех пор прошло около пяти лет. Без преувеличения скажу — этот бенефис помог мне устоять на ногах. Он был мне как глоток кислорода.

Значимым для меня в это же время стал спектакль «Перекресток» в театре Ермоловой у Владимира Андреева. Он был и режиссером, и моим партнером в одном лице. Драматургию Леонида Зорина я сразу определила как глубокую, тонкую и серьезную.

Работать с Андреевым очень приятно, а «Перекресток» совпадает с моими личными чувствами и с моими представлениями о достоинстве и свободе человека. Он продолжает тему легендарной «Варшавской мелодии». На моих глазах происходили случаи, когда хорошие люди не могли быть вместе в силу диких идеологических предрассудков, когда любовь умирала, раздавленная уродливым менталитетом. Я знала конкретных людей, которые не могли соединиться и страдали от этого всю свою жизнь.

По своему характеру я человек свободолюбивый. Меня неоправданные ограничения, подавление личной свободы возмущают. Никакой патриотизм не пострадал бы от уважения человеческого достоинства. Разве есть большая ценность, чем человек? Люди уходят навсегда, и забыть это невозможно. Поэтому моя героиня — полька, учившаяся в Московской консерватории, — всю жизнь живет с этой болью, а мужчина, которого она любит (Владимир Андреев), — сильный человек, навсегда униженный обстоятельствами.

Мне говорили, что я перегрузила роль проблемами — больше, чем она может выдержать. Может быть. Но это от творческой «жадности», от избытка сил и опыта...

Бог вам в помощь!

Я родилась в государстве, в котором были четко выражены идеалы. Подросла и начала понимать, что между идеалами, которые надобно защищать и культивировать, и действительностью существует разрыв. Жить по этим идеалам хотя и очень хотелось, но было совершенно невозможно. Потом произошли перемены в государственном устройстве, и я поняла: то, что я исповедовала, защищала, во что верила, оказалось ненужным.

И вот сейчас, когда часть прежних идеалов возвращается, возрождаются и надежды. Впрочем, я не права — это не старые идеалы оживают, это формируются новые представления о достойной жизни и лучшем будущем страны.

Все равно я не могу оставаться просто актрисой, у меня всегда есть

общественно-необходимые цели. И думаю, что это непреложное правило.

В этой книге я подробно рассказала о себе, своих товарищах по творческому цеху, о своих удачах, сомнениях, трудностях. Не утаила и те дни, когда попадала за грань отчаяния и главным для меня оказывался извечный вопрос русских интеллигентов: «Что делать?» Я не умею выворачивать свою душу наизнанку, но и приукрашивать свою жизнь тоже не хочу: как сложилась — так сложилась.

Воспоминания по своей сути — уход в прошлое, далекое и близкое. Это всегда трудно и сложно. Прошлое ведь уже ушло, его не переделать и не изменить...

Я перечитывала страницы написанного и думала: да, все это было со мною и с моей страной. И мне не хотелось быть лучше, чем я была, и хуже, чем я есть. И когда придет время нелिцеприятно ответить на вопрос: «А что было главным в твоей жизни?» — отвечу: «Я служила искусству и своей стране».

Родилась я и училась в Киеве — ныне столице суверенного государства. Работала в Вильнюсе, который тоже стал столицей независимой страны. В конце концов осуществила свою мечту — жить и работать в любимой мною с детских лет Москве. Я на собственном опыте узнала, что такое социализм, и вот уже десяток лет овладеваю азами капитализма (или как он там называется — нынешний уклад нашей жизни), была пионеркой и комсомолкой, вступила в партию. Каждый раз, когда готовится к переизданию энциклопедический кинословарь, редакторы мне предлагают: «Давайте вычеркнем эту строку». Но как же так можно? Строки из жизни не выбросить. Да я и не стыжусь своего прошлого. Я люблю всего лишь два праздника: 23 Февраля и 9 Мая...

Много-много лет назад я решила, что буду актрисой. Началась дорога, с которой я не сворачивала ни при каких обстоятельствах. И низкий поклон всем, кто помогал мне ее одолеть, кто поверил в меня и помог мне. И недругам моим тоже низко кланяюсь, ибо энергия преодоления — это великая сила...

Не подсчитать, сколько раз я выходила на сцену. И каждый раз испытывала поистине священный трепет, ибо ради этого я жила и живу.

Я написала эту книгу воспоминаний во славу своей прекрасной и суровой профессии. И льщу себя надеждой, что ее прежде всего прочитают те, кто мечтает стать актером. Бог им в помощь!

Самое прекрасное для меня — это выход к зрителям. И если сегодня, завтра, послезавтра есть такая возможность — значит, жизнь продолжается, и она прекрасна.

Иллюстрации

*Novi 20
gek*

Мне 4 года,
и у меня
все еще
впереди

Мои родители —
Эсфирь Исааковна и Авраам Петрович

С моими однокурсниками и педагогами
Киевского театрального института

В роли Аленушки
в спектакле
«Аленький цветочек»
(г. Вильнюс)

Капризную Поэму
в пьесе В.Минко
«Не называя фамилий»
мне довелось играть трижды:
в дипломном спектакле,
на пробах в театре им. Моссовета
и в Вильнюсском русском драмтеатре

Я ВСЕГДА ВОСХИЩАЛСЯ
ВЕЛИКИМ РОМАНОМ
М.А.ШОЛОХОВА.
ОБРАЗ АКСИНИИ
ВЫЗЫВАЛ У МЕНЯ
ЖГУЧИЙ ИНТЕРЕС

На съемках «Тихого Дона».
Слева направо: В.Рапопорт, П.Глебов, я, С.Герасимов

Эта фотография моей Аксины
обошла всю мировую прессу

Кадр из фильма.
В роли старика
Мелехова —
Д.Ильченко

С казаками.
Фото на память

Леди Уиндермиер
(«Веер леди Уиндермиер» О.Уайльда)

Юлия Филипповна («Дачники»
М.Горького). Суслов — Б.Бабочкин

Мария Ивановна
(«Главная роль» С.Алешина).
Трофимов — Е.Матвеев

Донна Анна
(«Каменный хозяин» Л.Украинки).
Долорес — Т.Торчинская

Эльза
 («Герой Фатерланда»
 Л.Кручковского)

Маша («Касатка» А.Толстого). Князь Бельский — Н.Подгорный

МОИ КИНОРОЛИ МНЕ ДОРОГИ НЕ МЕНЕЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ

Елизавета Максимовна
(«Неоконченная повесть»,
реж. Ф.Эрмлер). С.С.Пацинтовой

Леся Теплова («Добровольцы»,
реж. Ю.Егоров). С.М.Ульяновым

Пандора Монтези («Русский сувенир», реж. Г.Александров).
Справа — П.Кадочников

Ксения Румянцева
(«Все остается людям», реж. Г.Натансон). Слева — Н.Черкасов

Мария Андреева
(«Николай Бауман»,
реж. С.Туманов)

Жаль, что мне
не удалось сняться
в роли Мадлен
(«Убийство
на улице Данте»,
реж. М.Ромм)

СУДЬБА ПОДАРИЛА МНЕ
НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

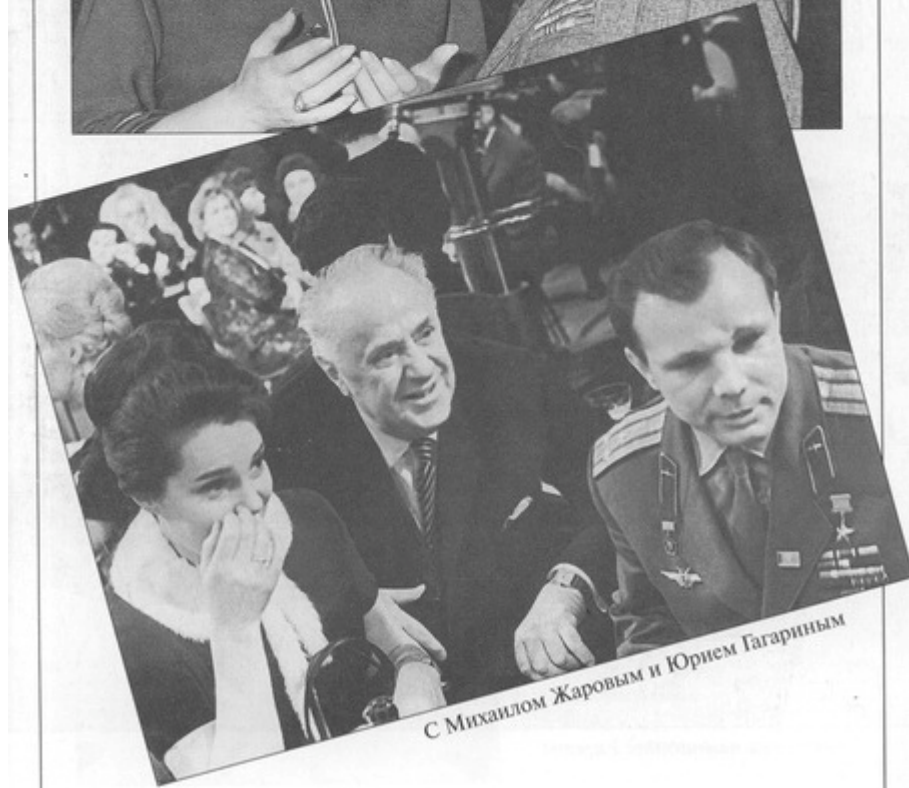
С Жераром Филипом,
Николаем Черкасовым
и Аллой Ларионовой

С Эльзой Триоле
и Луи Арагоном

С Жаном Марс

С Романом Карменом

С Михаилом Жаровым и Юрием Гагариным

Моя любимая сборная страны
по художественной гимнастике

Победа на чемпионате Европы

С моими ученицами в ГИТИСе —
партнершами по спектаклю «Случайный вальс»

На конкурсе
детского рисунка,
который устраивал
мой Фонд

© 2011 Фонд культуры «Экономический клуб»
www.fondkultura.ru

И СЕГОДНЯ Я ПРОДОЛЖАЮ
ВЫХОДИТЬ НА СЦЕНУ
И СНИМАТЬСЯ В КИНО

В Малом театре

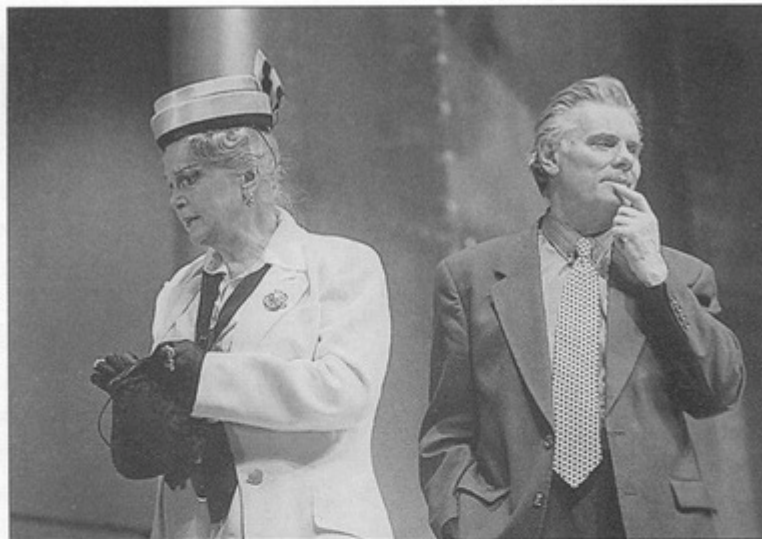

Москалева
(«Дядюшкин сон»
Ф. Достоевского).
Мозгляков —
А. Коршунов

Хлестова («Горе от ума» А. Грибоедова).
Скалозуб — В. Низовой, Молчалин — А. Вершинин

В театре им. М.Н.Ермоловой. Она и Он (В.Андреев)
в спектакле «Перекресток» Л.Зорина

В фильме «Сага древних булгар» я — княгиня Ольга

